

АЗБУКА ВЕРЫ

свят. Лев Шихляров

Введение в Ветхий Завет (конспект лекций)

Введение в Ветхий Завет (конспект лекций)

свящ. Лев Шихляров

священник Лев Шихляров

- Тема 1. Библия
 - 1.1. Откровение
 - 1.2. Богодухновенность Библии
 - 1.3. Понятие о Предании
 - 1.4. Структура Книги. История переводов
- Тема 2. Основы библейского мировоззрения
 - 2.1. Творение
 - 2.2. Человек и первые заповеди
 - 2.3. Грехопадение
- Тема 3. От Адама до Авраама
 - 3.1. «Допотопное» человечество
 - 3.2. Выбор между религией и обожествлением человека
 - 3.3. Жизнь и вера Авраама
 - 3.4. Путь «от Иакова к Израилю»
- Тема 4. Моисей и Божественный закон
 - 4.1. Жизнь Моисея
 - 4.2. Десять заповедей
 - 4.3. Законодательство
 - 4.4. Богослужение
 - 4.5. Праздники
 - 4.6. Характеристика Закона
- Тема 5. Исторические книги
 - 5.1. Библейская историософия
 - 5.2. Проблема Ветхозаветной святости
 - 5.3. «Богоизбранность» Израиля
- Тема 6. Учительные книги
 - 6.1. Экклезиаст
 - 6.2. Песнь Песней Соломона
 - 6.3. Притчи Соломоновы
 - 6.4. Псалтирь
 - 6.5. Книга Иова
- Тема 7. Пророческие книги

- [7.1. Учение пророков. Книга Ионы](#)
- [7.2. «Малые пророки»: Амос, Осия, Аввакум](#)
- [7.3. Пророк Исая](#)
- [7.4. Пророк Иеремия](#)
- [7.5. Пророк Иезекииль](#)
- [7.6. «Второй Исая»](#)
- [7.7. Пророк Даниил](#)

Тема 1. Библия

1.1. Откровение

Слово «Библия» в переводе с греческого означает «книги» (в малоазийском городе Библос производились папирусы для древних книг). Множественное число в этом названии первоначально подчеркивало структуру Священного Писания иудеев, состоящего из многих книг, но со временем приобрело другой, величественный смысл: что-то вроде «Книга книг», или «всем книгам – Книга». После многих лет атеистической идеологии и в годы пришедшего ей на смену духовного плюрализма правильное понимание Библии становится для православного христианина не столько признаком образованности, сколько одним из условий спасения. В духовной литературе часто употребляется термин «откровение». В каком-то смысле его синонимами являются «открытие», если речь идет о науке, или «вдохновение» – чаще всего в сфере искусства, хотя эти понятия часто трактуются аллегорически. Но в богословии под Откровением понимается такое состояние человека, когда он восходит на уровень интуитивного постижения Божественной истины, во много раз превышающей его собственное разумение. Это состояние описывается не как вывод из умозаключений и не как воздействие непонятной силы, а как таинственная встреча, где происходит взаимное «узнавание» Творца и творения. Есть нечто схожее между состоянием библейского пророка и истинного поэта, и нельзя удержаться от того, чтобы полностью привести текст знаменитого «Пророка» А.С. Пушкина:

*Духовной жаждой томим,
В пустыне мрачной я влачился,*

*И шестикрылый Серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами, легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И внял я неба содроганью
И горний ангелов полет
И гад морских подводный ход
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык
И празднословный и лукавый...
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь разверзтую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал...
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк,
и виждь и внемли,
исполнись волею Моей,
и обходя моря и земли,
глаголом жги сердца людей!»*

В этом стихотворении удивительно точно показан «механизм» получения Откровения. Поэт, человек талантливый, мыслящий и страдающий, испытывает духовную жажду, он на перепутье, он перед выбором, за которым жизнь или смерть. И к нему является ангел, вестник Божий, в контексте это даже встреча с Самим Богом. И в результате этой встречи, пройдя через внутреннюю «смерть», поэт полностью обновляется: сердцем, устами, очами и слухом он теперь принадлежит Богу, и Его откровение пророчески возвестит людям.

В связи с разговором об Откровении необходимо упомянуть об условиях, при которых человеку может быть возведена религиозная истина. Во-первых, это «чистое сердце». «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога», – говорится в Новом Завете. Это одно из главных требований аскетике: душа, больная страстями или запачканная грехом, имеет лишь искаженное знание о Боге. Во-вторых, это то качество души, о котором говорил преп. Серафим Саровский, – «решимость». Необходимо волевое усилие, готовность следовать воле Божией, желание обновления жизни, потому что после встречи с Богом человек уже не может быть прежним. Наконец, третье – это любовь к Богу, о которой со всей силой говорится уже в Ветхом Завете. Постигание Божественного не может быть простой любознательностью, даже «любомудрием» (философией), а становится делом жертвенного подвига. О. Павел Флоренский как-то сказал, что ищущий истину делает шаги навстречу своей смерти. Всё вышесказанное надо иметь в виду при изучении Библии, которая по сути является записанным древними людьми свидетельством о Божественном откровении.

1.2. Богодухновенность Библии

Современные западные проповедники любят говорить об уникальности Библии во многих отношениях: ее и печатали много больше других книг, и переводили на все языки мира, и жгли многократно, и писали на трех континентах. Но на самом деле уникальность Библии в другом. Книги, составившие Библию, написаны с XIII в. до н.э. по II в. н.э. Авторами этих книг являются люди, совершенно разные и по социальному положению, и по мировоззрению, и по настроениям своей эпохи, и по обстоятельствам личной жизни. В некоторых книгах Библии встречаются высказывания или описания, которые могут противоречить друг другу. И при всём этом Библия абсолютно едина в главной своей идее, пронизывающей всю священную Книгу от начала и до конца. Эта идея – спасение человека от греха, страдания и духовной смерти, осуществляемое богочеловеческой Личностью Иисуса Христа. Можно сказать и так: вся Библия – это книга о Христе (впоследствии будет показано, что история Ветхого Завета – это ожидание Мессии, а Новый Завет – Его приход и победа). И поскольку Православие

называет Христа Богочеловеком и со времени IV Вселенского Собора определяет, что две природы во Христе – Божественная и человеческая – сосуществуют «неслитно и нераздельно», постольку и Библию можно рассматривать как книгу «богочеловеческую», где по той же формуле «неслитны и нераздельны» Божественное откровение и его человеческая передача. В связи с этим очень важно дать определение «богодухновенности» (или «боговдохновенности») Священного Писания. Богодухновенность (т.е. вдохновенность Богом) Священного Писания – это такое воздействие Духа Божьего на священного писателя, при котором, несмотря на личную, социально-историческую, национально-культурную его ограниченность, истина Божия передается без ущерба. Автор той или иной книги не может быть обычным грешником (см. выше), но он – человек своего времени и ограничен естественным ходом истории. Поэтому текст Библии, особенно ВЗ, не является «телеграммой», адекватной неизреченным глаголам Божиим, а передачей абсолютности Откровения ограниченными средствами древнего писателя.

Понятие «богодухновенности» позволяет отгородиться от двух крайностей в восприятии Библии. Первая крайность присуща скорее материалистам; она, даже при уважительном отношении к библейской мудрости, видит в Книге лишь случайно свитый в единое целое сборник древнего фольклора и мифотворчества. Здесь начисто отвергается реальность Божественного источника откровения. Сторонники подобного взгляда могут достаточно хорошо знать текст Библии, но ее основной смысл оказывается для них недоступным. Другая крайность, которую разделяют фундаменталистские движения, например секта «Свидетелей Иеговы», считают Библию написанной непосредственно Богом, как бы спущенной с небес в готовом виде. В одном из журналов секты «Свидетелей» приведена фотография директора и его машинистки, которая подписана так: « Подобно тому, как некий босс диктует приказ своей секретарше, и та, не задумываясь, печатает его слова, так и Бог Иегова продиктовал свое Слово пророкам, находившимся в состоянии транса». В этом случае, наоборот, нивелируется библейское представление о значимости и свободе воли человека.

Кроме этого, понятие «богодухновенности» является одним из

принципов, позволяющим расшифровать смысл Священного Писания, отделяя зерна Божественной истины от плевел преходящих земных обстоятельств. Это отделение не может, конечно, происходить механически. «Неслитно и нераздельно» как раз и означает, что нельзя в тексте Библии подчеркнуть разными карандашами, что Божие, а что человеческое, но важно сквозь букву различить животворящий дух.

Незнание принципа «богодухновенности» приводит к дискуссиям вокруг вопросов: имеем ли мы право исследовать Библию как литературное произведение? Позволительно ли говорить о «библейской критике»? Как отличить ее от недобросовестной критики со стороны атеизма? Могут ли быть в Библии противоречия? Но ведь в этом случае исследуется и подвергается сомнению и проверке не Откровение, не заповеди, не нравственность, а несовершенный человеческий способ пересказа этого Откровения, в т.ч. и неточный перевод с языка оригинала. И хотя история знает святых, которые Библию вообще не читали, и стали святыми по великой своей интуиции, тем не менее, в большинстве случаев вера просвещенного человека только углубляется от духовного и научного исследования Писания.

Очень важно сказать и о т.н. противоречиях в Библии. Ситуации, когда формально или фактически различные высказывания или описания в Библии противоречат друг другу или не совпадают в подробностях, с удовольствием смаковались атеистами как доказательства «не-божественности» Библии. С другой стороны, точное следование букве некоторых текстов, особенно ВЗ, может служить оправданием ересей или даже преступлений. Неслучайно сатана, искушая в пустыне Спасителя нашего, цитировал Священное Писание! (Кстати, в западных фильмах преступники и сектанты-изуверы часто цитируют ВЗ, полностью искажая его духовный смысл). Т.н. библейские противоречия могут быть нескольких видов:

1. Неточная или неправильная хронология, несоответствие в описании одного и того же исторического события в разных книгах, несоответствие некоторых исторических сведений древней внебиблейской и современной науке – это касается ВЗ. При этом, однако, следует иметь в виду следующее. У древних народов, быт и культуру которых полностью определяло религиозное мировоззрение, не было

современных представлений о точной науке и хронологии; история, как мы увидим в дальнейшем, рассматривалась, как священный процесс, поэтому существовало понятие о символических днях и годах. Например, библейские «40 лет» часто означали не календарный срок, а полноту, завершенность процесса. Но, с другой стороны, и Библия часто открывала Новому времени события, сведений о которых нигде более не сохранилось. Критики XIX-XX вв. смеялись над историчностью Авраама, Моисея, евреев в Египте, города Ур Халдейский и многого другого, а археологи в это же время обнаружили свидетельства полной исторической достоверности Библии в отношении конкретных фактов, древних народов и отдельных персонажей – «героев» ВЗ. В тексте ВЗ могут также встречаться древние астрономические, биологические и иные научные сведения, относящиеся к временам автора или даже переводчика. Так, известная многим «твердь небесная» из 1 гл. кн. Бытия является отражением древнегреческих представлений, а в оригинале стоит другое понятие, которое звучит по-русски несколько неблагозвучно – «распростертие», что-то типа шатра. Смущаться этим не стоит: как говорили Отцы, «Библия учит не тому, как устроено небо, а как взойти на небо».

2. В ВЗ также есть несовпадения в описании того или иного случая, например различное число бесноватых, по-разному построенная речь Спасителя и многое другое. Вызвано это прежде всего тем, что авторы евангелий – апостолы или их ученики – были живыми свидетелями земной жизни Господа. Будучи живыми людьми, они могли забывать или ошибаться в подробностях. Но будучи истинными свидетелями, они не договаривались между собой, как бы подгоняя «показания». А кроме того, евангелия – не столько историческое описание, сколько проповедь о Воскресшем, и потому авторы каждого из них могли составить эту вдохновенную проповедь по своему разумению.
3. Существуют примеры, названные атеистами «смысловыми противоречиями». Часто приводимый пример: в 1 гл. кн. Бытия человек создается в последнюю очередь, а во 2 гл. как будто получается, что он создан раньше растений. Критический анализ текста Библии в свое время выявил в нем четыре исторических слоя, т.н. четыре редакции. И вышеуказанное противоречие было объяснено тем, что 1 и 2 главы принадлежат разным авторам. Предположим, что гипотеза «редакций» права, хотя не исключен ее пересмотр в дальнейшем. Но составители канона Библии не были глупцами, бессмысленно сшивавшими в одну толстую папку религиозные писания разных веков. На самом деле в 1 гл. показано, что человек по времени появился после других, это хронологический аспект. А во 2 гл. подчеркивается главенство человека

над всей вселенной – это «аксиологический» аспект (достоинство), да и деревья там говорится не совсем обычных. Другой характерный пример. В Экклезиасте мы читаем о том, что «одно дыхание у человека и скота» (в смысле – «одинаково смертная душа»). Этот пример особенно любим теми сектантами, которые отрицают бессмертие человеческой души. Но, во-первых, строго говоря, у человека по Библии бессмертна не душа/=синоним сл. «энергия земной жизни"/, а дух, данный Творцом. Во-вторых, на определенном этапе в Израиле далеко не все осознавали тайну бессмертия /почему – будет показано далее/. А в-третьих, подобное утверждение не есть момент Божественного откровения в Библии, а скептические размышления автора, которые в конце концов им самим побеждены. Подобных примеров великое множество, и если в священный текст «совать свинным рылом», то он навсегда останется загадочным иероглифом.

4. Наконец, существует различие между некоторыми принципами Ветхого и Нового Завета. Оно столь очевидно, что в древности даже были особые еретики, считавшие, что в ВЗ, в отличие от Евангелия, с людьми говорил другой, злой бог. Сие заблуждение также связано с непониманием двусмысленности Библии. Бог во все времена один и тот же. И – в пику крайним протестантам – цели и намерения в отношении человека у Него во времена обоих Заветов тоже одинаковы: спасение и вечная жизнь. Но сам человек проходит в историческом бытии огромный путь, который можно обозначить схематически: рай – отпадение от Бога – язычество (и даже сатанизм) – воспитательная дисциплина ВЗ Закона – спасительная свобода в НЗ любви Божией. Так что меняется не Откровение, а уровень его постижения человеком. Можно сказать и по-другому: Бог открывает человеку знание о Себе настолько, насколько человек может вместить.

1.3. Понятие о Предании

Каковы же условия правильного восприятия Священного Писания? Среди них необходимо выделить религиозные и научные принципы.

Религиозные условия включают личную аскезу и приобщенность к Церкви. Желающий правильно уразуметь Библию должен стремиться к чистоте сердца, как подчеркивает в своих письмах святитель Игнатий Брянчанинов, ссылаясь на Иоанна Синайского: «Глубоко море Писания, и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде, и касаться богословия страстному». Не всегда осознавая саму себя, душа тем не менее должна быть готова к слышанию Божественных глаголов. Вот два примера. Человек открывает ради любопытства Евангелие от Матфея, читает про то,

как «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...», имена еще около сорока еврейских мужчин, друг друга «рождавших», с улыбкой и непониманием закрывает книгу и лишь много лет спустя из телепередачи узнаёт, что суть христианства – это любовь к Богу и ближнему. А митрополит Сурожский Антоний, будучи неверующим подростком, услышав проповедь, просит у матери НЗ, открывает самое короткое Евангелие – от Марка – чтобы «навсегда с этим разделаться», и во время чтения вскоре видит стоящего по ту сторону стола Самого Христа. (Встреча эта определила судьбу и духовность владыки Антония). Существует благочестивое и необходимое правило перед чтением Писания помолиться, чтобы Господь дал мудрость и веру для правильного постижения текста. Да и чтение Библии само по себе также должно стать разновидностью молитвенного собеседования с Богом.

Приобщенность к Церкви как условие правильного восприятия Библии в общем смысле выражается «стоянием в Предании». В дореволюционном догматическом богословии, испытавшем огромное схоластическое влияние Запада, под Преданием часто понималась часть Откровения, не записанная в Библии. В понятие «Предание» могли включать не записанные в НЗ слова Господа, постановления Вселенских Соборов, чинопоследования богослужений, жития святых, и даже те обычаи и традиции, которые в целях разграничения уже в наше время названы преданиями в нарицательном смысле. Но в первоначальном и глубоком смысле слова Предание – это вовсе не всё Божественное, что «не поместилось» в Библии. Достаточно точно звучит определение проф. А.И. Осипова: Предание – это полученный от апостолов и передаваемый в Церкви из поколения в поколение опыт жизни в Духе Святом. Таким образом, Предание – это церковный опыт богообщения, и Священное Писание – лишь его часть! Только в опыте Предания можно правильно истолковать духовный смысл библейского текста, особенно в затруднительных случаях. (Протестанты, отвергая Священное Предание, сталкиваются с проблемой интерпретации текста, что вызывает расколы в их деноминациях). Диакон Андрей Кураев в книге «Традиция. Догмат. Обряд» раскрывает еще одну грань Предания, сопоставляя его с «преданием» за нас на смерть Христа и нашим «преданием себя» Богу.

Истолкование Писания в свете Предания означает несколько важных положений. Во-первых, каждую книгу ВЗ и НЗ нельзя рассматривать в отрыве от главной идеи Библии, касающейся нашего спасения и от целокупного библейского видения взаимоотношений Бога и человека.

Во-вторых, события ВЗ следует прежде всего рассматривать в свете благовестия НЗ, ибо весь ВЗ – это прообраз (пророческий образ) НЗ: «Новый Завет был сокрыт в Ветхом, Ветхий ныне раскрывается в Новом», - говорит блаж. Августин; внутренний же смысл многих событий и положений ВЗ, кроме фундаментальных, часто представляет лишь исторический интерес. А в-третьих, если чтение Библии является прежде всего способом общения с Богом, то чтение это может быть для неподготовленного столь же опасным, сколь опасно приближение к попяляющему Божественному огню. Известны случаи, когда человек, находясь в состоянии удрученности, отчаяния или гордыни, принимался за ВЗ и в результате клеветал на веру или терял ее. Часто люди даже серьезно психически заболевают после самостоятельного изучения Библии или самочинного проповедничества. Чтобы этого не происходило, малоопытный христианин должен изучать Писание прежде всего с благословения духовника, с ним же можно обсудить возникшие затруднения (к сожалению, бывают случаи, когда духовники без особых причин запрещают чтение Священного Писания – «только Отцов»).

При изучении текста Библии немалое значение имеют и научные знания: филологические, исторические, сравнительно-религиозные. Прежде всего, конечно, это знание языка оригинала. Для ВЗ это в основном древнееврейский язык /в его позднем – арамейском – варианте/, для НЗ – древнегреческий. Знание языков помогает уточнять смысл события, тем более что все переводы страдают определенными недостатками. Кроме того, в ряде случаев необходимо знание глубокого значения древних понятий (напр.: «имя», «день», «познать»), символического смысла имен (Адам, Авраам) и чисел (3,7,12,40,70,1000), литературных приемов того или иного вида священных книг и др. При толковании текста надо иметь в виду разные смысловые уровни:

1. буквальный

2. аллегорический
3. прообразовательный (типологический)
4. духовный (анагогический)

Буквальное толкование, естественно, связано с прямым восприятием библейского текста. Удобнее всего на этом уровне рассматривать нравственные заповеди и советы, а также конкретные исторические события.

Аллегорическое /иносказательное/ толкование используется там, где буквальное прочтение невозможно или нелепо. Например, слова Бога в 3 гл. кн. Бытия «Адам, где ты?» не то означают, что Творец не смог разглядеть человека в саду, а предупреждение об опасности: «что с тобой происходит?».

Прообразовательное толкование связано с вышеупомянутым принципом рассмотрения истории ВЗ как длительного процесса приготовления к пришествию в мир Спасителя. В книге Судей есть эпизод, когда для укрепления в вере Гедеон просит Бога явить ему знамение. Он оставляет на земле козью шерсть, и наутро она вся в росе, а земля – сухая, а на другой день, наоборот, вся земля в росе, а кожа осталась сухой. В Израиле подобный текст мог рассматриваться как знак особого избранничества. Но прообразовательный смысл в свете христианских времен стал иным: Израиль имел Божие благословение, а весь мир был «сушей» в этом смысле, но затем благодать-"роса» распространилась по всему миру, а Израиль стал «сухим».

Духовное толкование текста относится либо к нравственному размышлению относительно человечества в целом, своего народа, истории своей страны, либо к личному молитвенному и покаянному деланию. В любом случае духовное осмысление текста становится важным уроком в оценке прошлого и для созидания будущего.

Немаловажное значение имеет также проблема авторства различных книг, входящих в Библию. По большому счету, из понятия богодухновенности следует, что для спасения не имеет принципиального значения, кто именно написал ту или иную книгу Библии, когда известно, что Автор откровения – Сам Бог. До эпохи научно-критического исследования библейского текста большинство толкователей настаивало на том, что несомненный автор книги

указан в заголовке: Пятикнижие Моисеево написал Моисей, Премудрость Соломона – Соломон и т.д. В настоящее время серьезная библейская наука, развивавшаяся последние десятилетия в основном на Западе, в любой книге ВЗ может выделить множество временных и стилистических наслоений и смысловых несоответствий. В отношении Пятикнижия самое простое соображение звучит так: как мог Моисей быть единственным автором, если в конце Второзакония сообщается о его смерти? (Иногда, правда, можно услышать, что он предвидел свою смерть и описал ее /!/). Хотя в том же Пятикнижии есть множество постановлений, совсем не относящихся в историческом смысле ко времени странствования иудеев по пустыне. Книга пророка Исаяи не только в историческом, но и в богословском смысле разделена на две части, одна из которых относится к эпохе задолго до пленения, а другая – к концу 70-летнего Вавилонского плена. Книга Иова написана примерно в V в. до Р.Х., а описывает жизнь праведника, жившего примерно за 500 лет до написания книги. Книга пророка Даниила написана во II в. до Р.Х., а сам Даниил жил, по преданию, в эпоху царя Навуходоносора. Примеры можно продолжать.

Кроме этого, нужно иметь в виду, что в древности существовал обычай, в корне противоположный современному представлению об авторских правах. Часто священный писатель, одухотворенный человек, в силу того смиренного представления, что его имя ничего не значит рядом с величием открывшейся Истины, а может быть и потому еще, чтобы придать книге больший авторитет, привлечь к ней внимание, надписывал свое творение именем известного библейского праведника: Еноха и Ноя, Моисея и Соломона, как бы беря их в свидетели своего права возвещать Божие слово (правда, этим могли пользоваться и недобросовестные еретики, особенно в новозаветное время, так что Церкви приходилось вырабатывать критерии, объясняющие, почему, например, образ Христа искажен во всевозможных евангелиях от Петра и Фомы).

Наконец, реабилитировать практику соотнесения той или иной книги Библии с определенным лицом может тот факт, что в древности сакральные тексты запрещалось записывать, и потому весьма возможно, что ядро повествования действительно восходит к

данному лицу, а исторические несостыковки возникли в ходе редактирования текста.

Т.о., если мы видим в заглавии книги имя автора, то это может означать следующее:

1. книга действительно написана этим человеком;
2. книга в основании своем имеет откровение, учение, принципы, открытые упомянутым человеком, но в течение длительного периода подверглась обработке;
3. книга написана в духе мудрости данного человека и посвящена ему, она - как бы продолжение его мыслей;
4. сей человек является не автором, а героем книги.

1.4. Структура Книги. История переводов

Библия, как известно, состоит из ВЗ и НЗ. Слово «Завет» имеет специфический смысл: в ВЗ это «союз-договор» между Богом и Израилем о верности со стороны последнего и обетовании спасения со стороны Бога. НЗ назван так по аналогии, хотя отношения между Богом во Христе и Его Церковью уже не охватываются словом «договор», они описываются скорее в категориях таинственного «брака» на основе жертвенной любви.

ВЗ охватывает период от сотворения мира и до пришествия в мир Христа. Его смыслом является подготовка человечества к этому спасительному событию, причем особую роль здесь играет судьба Израиля. В Евангелии Господь называет ВЗ так: «Закон /"Тора"/ и пророки»; это и есть основное структурное деление ВЗ. Закон Моисеев нравственно воспитывал израильтян, а пророки возвещали грядущего Христа. Традиционно ВЗ-ные книги делятся на законодательные, исторические, учительные и пророческие /по блаж. Иерониму/. Термин «НЗ» появляется впервые у пророка Иеремии, предвидевшего наступление мессиианской эры. НЗ является манифестом осуществившегося спасения. Он описывает события земной жизни Спасителя, Его крестную смерть и Воскресение, первую эпоху христианской Церкви, а также раскрывает перспективу, связанную с окончательной победой Царства Божия над властью тьмы. И, несмотря на то, что ВЗ намного объемнее НЗ, он значительно уступает ему по своему духовно-спасительному значению. Св. Иоанн Златоуст называет ВЗ «тенью будущих благ».

Начиная со времен систематизации и составления Писания в древнем Израиле, его книги делятся на канонические и неканонические. Это деление сохранилось и в православной традиции. Греческое слово «канон» означает в данном случае ту меру, тот эталон, который выражает полную сущность вероисповедания. Неканоническими считаются те книги, которые не являются необходимыми для спасения, но могут быть назидательными в духовном смысле. В ВЗ 50 книг, из них канонических 39. В НЗ все 27 книг – канонические (католики неканонические книги со свойственным им педантизмом называют «второканоническими», а протестанты вообще вырезали их из ВЗ, так что Библия, изданная протестантскими церквями, является неполной). Книги ВЗ писались в общей сложности с XIII по I в. до Р.Х. Канон ВЗ книг был составлен в Иерусалиме в V в. до Р.Х. «Великой Синагогой» во главе с законоучителем Ездрой. Книги НЗ написаны в I – II вв. по Р.Х. Канон НЗ составлен окончательно Церковью в IV в. по Р.Х. От неканонических книг следует отличать апокрифы. В общем смысле это либо еретические сказания о том или ином персонаже Библии, где попытка объяснить недосказанное часто приводила к значительному искажению его образа, либо народные фантазии на определенную волнующую тему. Такие творения были еще в Израиле (Вознесение Еноха, Апокалипсис Моисея и т.п.), обильно расцвели они и в первохристианское время (можно вспомнить и знаменитую русскую «Голубиную книгу»).

Древние пласты ВЗ-ных книг были написаны на древнееврейском языке, но после вавилонского пленения сей язык начал претерпевать значительные изменения. Смешанный еврейско-вавилонский диалект стал называться арамейским языком. В III в. до Р.Х. в Египте при царе Птолемеи Филадельфе, знаменитом книжном коллекционере, 72-мя толковниками-раввинами /их было символически по 6 от каждого колена Израилева/ был осуществлен перевод ВЗ Библии на древнегреческий язык, и происходило это в эпоху, когда на этом языке говорил весь просвещенный эллинский мир. Сей перевод получил название Септуагинта /округленно: «перевод 70-ти» /. Кстати, книги ВЗ, написанные в последние три века перед Р.Х., по большей части писались иудеями рассеяния уже на греческом языке. НЗ, за исключением, возможно, Евангелия от Матфея, был записан

уже на греческом языке. В IV в. по Р. Х. блаженным Иеронимом был сделан латинский перевод всей Библии, получивший название Вульгата /"общедоступный"/. Святые Кирилл и Мефодий в X в. совершили подвиг перевода Библии на древнеславянский язык. Во второй половине XVI в. была издана на Руси первая печатная Библия. На русский язык XIX-го века Библия была переведена старанием четырех Российских Духовных Академий в 1876 г., в основном благодаря св. Филарету Московскому, одолевшему после многолетней борьбы противников подобного перевода (это «синодальный» текст). На сегодняшний день выявлены недостатки этого издания, но большинство современных попыток перевода всей Библии неудачны. В любом случае синодальный перевод нуждается в подробных комментариях.

Тема 2. Основы библейского мировоззрения

2.1. Творение

Пятикнижие Моисеево как раз и составляет группу законодательных книг ВЗ, поскольку содержит основы религии Закона, данного Богом иудеям через пророка Моисея. Но первая книга Пятикнижия, Бытие, стоит особняком, ибо открывает начальные положения всего библейского мировоззрения. В связи с этим 1-3 главы кн. Бытия должны быть внимательно рассмотрены. Величественная картина творения Богом мира и человека, драма древнейшего отпадения человека от Божественной жизни и Божие обетование о спасении, описанные в них, являются не только постулатами веры, но и пунктами своеобразной полемики с уродливым «богословием» народов, окружающих Израиль. Два этих смысла – прямой и полемический – обнаруживаются с самых первых строк Библии.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет...» /Быт. 1,1-3/. Это очень интересное сообщение. Наша вселенная описывается словами «небо и земля» /т.е. прозрачное и видимое, горнее и дольнее, духовное и материальное/, и мы видим, что у вселенной есть временное «начало», положенное Творцом. (Над этим потешались материалисты XIX века, считавшие, что материя вечна во времени и бесконечна в пространстве. Впрочем,

сегодняшняя наука определила возраст вселенной и высказала гипотезу о ее ограниченности в пространстве, приблизившись к библейскому взгляду на то, что время и пространство – лишь категории материального мира.) Но на самом деле важно не то, что до появления мира не было самого времени, а то, что до, вне и над миром, есть высшее начало – Сам Бог. Он есть всегда, и этот догмат в Библии зазвучит как гимн утешения: «если Он в начале над всем, то что бы ни произошло потом, Он будет над всем и в конце, Он победит»; и мы действительно читаем в последней книге Библии, Апокалипсисе, что в «конце времен» весь страждущий мир находит избавление в Боге, Который становится храмом Нового Иерусалима /Откр. 21,22/.

Очевидно, что создаваемый Богом мир с самого начала отнюдь не совершенен /"безвиден, пуст"/ и даже подвержен угрозе /"тьма над бездной"/. В оригинале «бездна» обозначена словом, однокоренным с именем вавилонской богини Тиамат, ее аналогом в древней Элладе является Хаос. Во многих религиях древности первоначалом является Хаос, из бездны которого на свет появляются боги, энергии, люди. Мир в этом случае управляется слепым роком, «фатумом». Гомер восклицает в «Илиаде»: «нет существа несчастнее, чем человек!» А боги и сами порой не знают собственной судьбы: громовержец Зевс вопрошает о своей участи у особых богинь судьбы Мойр. Но для Библии бытие Бога и наличие бездны совершенно несоизмеримы. Бездна реальна не для Бога, Он многократно выше ее, но она является реальной проблемой для создаваемого мира. Бог творит мир не из подручного материала, не из глубин Самого Себя, а «из ничего». Это ВЗ-ное выражение означает, что Творец специальным творческим актом /по-библейски, «словом»: «и сказал Бог..."/ приводит мир и каждое существо, духовное или материальное, из небытия в бытие, дарит это бытие. Т.о., постепенно возникающий мир, приходя в бытие, «отвоевывает» себе пространство у небытия. И тогда то, что для Бога не существует, небытие, «ничто», оказывается для мира враждебной бездной, всегда готовой поглотить мир обратно. Эта «тьма над бездной» в другой системе координат будет названа зловонным дыханием «князя века сего» – дьявола. Но Бог не только оберегает беззащитный мир, Он терпеливо и заботливо трудится над его совершенствованием: в выражении «Дух Божий носился над

водою» слово «носился» в оригинале означает «заботился» – «как птица носится с птенцами» /св. Ефрем Сирийский/, «вода» – первоизданная стихия (более точно: «Дух Божий носился со стихией, благоустраивал космос»).

Отцы Церкви в первых строчках Библии усматривали прикровенное для ВЗ указание на троичность Бога:

во-первых, в оригинальном тексте стоит «В начале сотворил Боги небо и землю», – столь странное несоответствие единствен. и множеств. чисел, и далее, в Быт. 1:26: «сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему...», а во-вторых, с самого начала мы узнаём о Боге как Причине всего сущего, т.е. Отце, как о произнесенном Слове /"Логосе"/, приводящем мир в бытие и как о Духе, несущем миру благодатное устройство. Некоторые Отцы полагали, что «в начале» можно перевести как «в Сыне, посредством Сына».

Процесс творения вселенной Богом описан в виде семи «таинственных» дней. Существует несколько гипотез, объясняющих это описание. Буквальное истолкование «дня» как 24-часовых суток не выдерживает критики не потому, что Бог не может создать мир за это время; знаменитая фраза «у Господа один день как тысяча лет» /см. Пс. 89:5/ доказывает наличие особых, «Господних» дней, которые оказываются длительными периодами. Существует «визионерская» гипотеза, рассматривающая «дни» творения как последовательные видения, открытые Моисею. Современные западные богословы Гальбиати и Пьяцца, выделив в рассказе о творении восемь фрагментов и проведя параллели (свет – светила, твердь небесная и вода – птицы и рыбы, суша – звери, флора – человек, ее вкушающий), сводят форму изложения к жанровым особенностям древней священной литературы. В критической литературе часто говорится о простом заимствовании Быт. 1 из древнейшей мифологии.

Однако все эти мнения не охватывают главного. Автор Бытия /"Бытописатель"/ опирается на личное откровение от Бога. При этом, он живет не в вакууме и прекрасно знаком с древними преданиями о творении. Если автор Бытия – Моисей, это тем более понятно, ибо с одной стороны он имел знание Бога, а с другой – знание основ религии Египта. Вдохновенное постижение бытописателя исправляет

искаженную грешным человечеством мифологию, открывает истинный образ и истинный замысел Творца. При этом в картине созидания мира автор выделяет именно семь периодов, хотя их можно выделить и восемь, и три (три вида природы: неживая; одушевленная – флора и фауна; одухотворенная – человек). Он так поступает скорее всего затем, чтобы поставить эти этапы творения в некоторое соответствие с семью днями еврейской недели, где каждый день рассматривался как Божий дар, а кульминацией была суббота. Поэтому главный духовный смысл «Семиднева» таков: творение нашего мира есть священнодействие Бога. Каждый творческий «день» начинается «накануне»: и был вечер, и было утро. Из небытия в бытие, из тьмы во свет приводится всякая тварь. И по сей день в Церкви каждый день считается с предыдущего вечера – это священное время.

В первый день Бог творит свет и отделяет его от тьмы. Т.к. о небесных светилах будет сказано лишь в четвертом дне, то древние толкователи иногда говорят о духовном свете, или об ангелах и их отделении от духов злобы. Современные комментаторы, исходя из гипотезы «большого взрыва», отождествляют этот свет с первоначальной вспышкой. Но в тексте сказано, что Бог назвал свет днем (день внутри «дня», т.е. наш обычный день), а тьму – ночью (т.е. не та, внешняя тьма над бездной, а обычная темнота) /Быт. 1:5/; поэтому здесь дело не в том, что автора заботит механизм происхождения света от светил, а то духовное соображение, что в нашей земной жизни каждый день напоминает о Боге / мы и говорим: «каждый Божий день"/, ибо свет – знак присутствия Божия, а ночь напоминает о небытии.

Во второй день Бог создает небесную твердь, отделяющую воды под ней от вод над ней /Быт. 1:7/. Судя по всему, здесь идет речь о чуде, создающем уникальную возможность жизни на Земле – атмосфере. Воды под ней – это воды в прямом смысле, а наднебесные воды – стихии космоса.

В третий день появляется земная суша, ограничивающая господство воды, на суше появляется растительность трех основных видов /1,11/. В четвертый день взор бытописателя видит на прояснившемся небе солнце, луну и звезды. В космогонии древних

народов небесные светила часто обожествлялись, а тут они всего лишь послушные органы огромного небесного механизма, их назначение – светить и отсчитывать время /1,14/. Еще светила нужны для «знамений». Знаменем светила могут быть в трех смыслах: во-первых, как ориентиры для путешественников, жрецов, ученых, во-вторых, как устойчивые религиозные символы (даже сейчас мы воспеваем: «Христос – Солнце правды»), а в-третьих, что особенно характерно для древних людей, как тревожные или благодатные знаки Божьей воли (ведь именно звезда привела волхвов к колыбели Господа Иисуса /впрочем, это не имеет никакого отношения к магической астрологии/).

В пятый день появляются рыбы, птицы и пресмыкающиеся, а в шестой день – млекопитающие. Всей фауне Бог дает повеление плодиться и размножаться. Это заповедь земного воспроизводства. Животных Библия называет «живой душой» /1,20/. Здесь «душа» – это просто жизнь, витальная энергия. Откровение ни в коем случае не уравнивает душу человека и всей остальной природы: растение – это просто живая пища, а животное имеет душу-жизнь, кончится жизнь – умрет душа.

Каждый день получает Божие одобрение: рассматривая его результат, Бог «видит, что это хорошо». При этом Бог только «слово» произносит, потом всё само создается, потом Бог рассматривает и одобряет. «Небо и воздушное пространство прекрасны, земля и море прекрасны. Вселенная обязана Божественной благодати именем «космос», которым нарекли ее греки и которое означает «украшение» (св. Иларий Пиктавийский).

2.2. Человек и первые заповеди

Но вот во «второй половине» шестого творческого дня Бог, задумав сотворить человека, делает это совершенно не так, как раньше. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их... создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою.» /Быт. 1:26,27; 2,7/. Впервые сказано о внутреннем совете Бога в Самом Себе. Впервые Бог непосредственно участвует в

механизме создания (вдунул «дыхание» = «духа»). Впервые тварь создается не просто по повелению, а по «образу» Божию. Слова «образ» и «подобие» в еврейском языке синонимы, но т.к. текст во второй раз говорит только об «образе» (замыслил «по образу и подобию», а сотворил только «по образу»), то Отцы Церкви используют эти термины в разных смыслах. Под «образом Божиим» /т.е. отображением/ понимается вся совокупность свойств человека, отличающих его от всего остального творения.

Христианская антропология чаще всего рассматривает человека как двухсоставное /душа – тело/ или, подробнее, трехсоставное /дух – душа – тело/ существо. В первом случае под «душой» понимается вся невидимая часть человека; а во втором – совокупность ума, воли и чувств. Понятие «духа человеческого» как раз и вводится для отличия человека от остальных живых существ; черты духовности, воздействующие и на душу, и на тело человека и формирующие его личность, как раз и являются проявлениями в нем «образа /отображения/ Божия». Среди этих черт святоотеческое богословие и православные философы нового времени отмечают:

1. свободную волю (о ней позже);
2. творческую деятельность (человек, как и Бог, творец в своем масштабе);
3. стремление к бессмертию;
4. молитвенность;
5. совесть и раскаяние;
6. нравственность (две последние – следствие свободы);
7. властное миропознание;
8. самосознание (в отличие от сознания животных – познание самого себя, смысла жизни, истории, оценка явлений с точки зрения целесообразности или эстетики) и др.

Отцы Церкви также часто в связи с образом Божиим говорят о Троице. При этом образ Божественной троичности усматривается в связках «дух – душа – тело», «разум – воля – чувства», «мысль – слово – дыхание» и др. /см., напр., св. Иоанна Кроншт./.

Понятие образа Божия является синонимом потенциальной Божественной данности. Но под «подобием Божиим» отцы Церкви понимают поставленную перед человеком цель уподобления Самому Богу, т.е. уже не данность, а заданность /далее это будет разъяснено, а без комментариев звучит довольно дерзновенно/. Человек создан по

образу Божию и призван к подобию Божию. «Человек – это животное, призванное стать Богом» (св. Василий Великий). И, в отличие от животных, человеку в числе первых заповедей благословлено не просто плодиться и размножаться, но и владычествовать над всем живым и над всей землей /1,26/. Заповедь власти над миром придает неожиданную целесообразность всем предыдущим этапам творения, и оказывается, что Бог сотворил вселенную для человека, и эта завершенная картина вызывает высшее одобрение Творца /"хорошо весьма», 1,31/ Здесь уместно во-первых, вспомнить об атеистическом обвинении в том, что христианство унижает человека. А во-вторых, можно сравнить библейский текст с месопотамским мифом о том, что когда боги низшего уровня не захотели выполнять самую тяжелую и грязную работу по приказу верховного божества, они создали себе из глины людей, чтобы те мучались вместо них /!/ Духовно-телесный человек создан как вершина /"венец"/ Божьего творения. Находясь на стыке двух миров, духовного и материального, он призван быть управителем Бога во вселенной. Другая заповедь – хранить и возделывать землю /2,15/- точно определяет механизм этого управления. Хранить – значит суметь сохранить полученные дары и величие, возделывать – трудиться, познавать, приносить плоды. Рай поэтически назван садом, и стало быть, человек – садовник, приносящий Творцу плоды благодатного труда (попутно заметим: в замысле Божиим небесные светила не правят человеком, а служат ему; природа – не «мать», а скорее «сестра» или даже служанка).

В связи с рассуждениями о сотворении мира и человека коротко упомянем о споре между «эволюционистами» и «креационистами». Последние считают, что библейские «дни» равны нашим суткам, что человек и животные сотворены одновременно и упрекают первых в дарвинизме и атеизме: Богу, дескать, не нужны особые природные механизмы, Ему достаточно сказать слово. Но библейские эволюционисты также считают теорию Дарвина ущербной; они говорят о «творческой эволюции», т.е. развитии под воздействием благой и мудрой воли Творца. Уже одно то, что человек создан не в особый «день», а именно в один день со зверями (но не с рыбами и птицами), может служить косвенным указанием на животное происхождение человека. Есть и другие нюансы в тексте в пользу постепенного творения мира. При этом появление человека есть не

просто этап эволюции, а «революция», т.е. качественно иной уровень.

Но по большому счету даже не в этом дело. Во-первых, богословия касается лишь то, что именно Бог сотворил человека и то, каким Он его сотворил и для чего, а спор о том, каков «технический способ» появления человека, должен быть делом сугубо научным, даже не обязательно задевающим вопрос личной веры ученого. Во-вторых, если наука показывает нам некую сложность или постепенность явлений, то это обстоятельство веру верующего не умаляет, а усиливает, ибо, постигая сложнейшие природные механизмы, мы преклоняемся пред величию Божиим. Наконец, в-третьих, независимо от научной точки зрения сама библейская концепция постепенного преобразования, исцеления падшего мира, вrastания человека в тайну жизни Божественной Троицы есть прежде всего концепция становления, возрастания и в этом смысле – эволюции (чего, кстати сказать, почти не встретишь во внебиблейских религиозных моделях мира).

Весьма интересны слова о седьмом дне. К этому дню Бог «совершил...дела Свои...и почил от всех дел Своих, которые делал" /2,1-2/. Кажется, это похоже на древний деистический взгляд, согласно которому Бог устранился и не вмешивается в дела мира, предоставив его самому себе (деизм часто таит упрек Творцу и является основой самооправдания человека). Но бытописатель словно иронизирует над глупостью неверия и потому добавляет: «и благословил Бог седьмой день, и освятил его» /2,3/. Седьмой день, когда Бог ничего принципиально нового не творит, но благословенно и свято присутствует в мире, а сам мир живет по заложенным в него законам – это «день» нашей земной человеческой истории, длящийся по сию пору. (По аналогии можно сказать, что после Воскресения Христова миру открылось знание о восьмом дне – «дне» будущего Царства Божия. С этим связан двойной статус воскресного дня: воскресенье это и седьмой день недели, и следующий день после ВЗ-ной субботы, т.е. «восьмой»).

Первый человек помещается Богом в рай. В духовном смысле первозданный рай есть прежде всего состояние теснейшего богообщения; первый человек непосредственно видит Бога и говорит с Ним – это период до грехопадения, своеобразное «детство»

человечества. /"Адам имел невыразимую радость быть «слышателем Божественного гласа», ибо великодаровитый Бог говорил на том же языке, что и человек» – свт. Василий./ Но во 2 гл. Бытия рай описан как огромный квадрат земли, очерченный четырьмя реками Междуречья, две из которых, Тигр и Евфрат, сохранились до сих пор. Географическая «привязка» рая означает, что он существовал не в аллегорическом смысле, как это стали трактовать в XIX в. на Западе, а в реальности. Трудясь в раю, первый человек должен был бесконечно расширять его пределы, не оставляя места не только для «безвидной» земли, но и внешней бездны.

Осуществление заповеди владычества над природой начинается с того, что Господь в качестве помощников дарует человеку животных: «Господь Бог... привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» /2,19/. Свт. Иоанн Златоуст усматривает в этом пророческий дар, присущий первому человеку. Древнее выражение «назвать кого-либо по имени» имеет два оттенка:

1. познать его сущность;
2. возыметь над ним власть.

/В дальнейшем библейском повествовании мы постоянно наблюдаем особенно бережное отношение к процессу наречения имени, кульминацией чего является поиск имени /личностной сути/ Бога. Однако обывателю более известны магические («познать, чтобы захватить») или фаталистические («как назовут, так и судьба сложится») спекуляции на эту тему./

Животные призваны служить человеку, но богословы не имеют единого мнения насчет того, как они в раю жили и питались, даже невзирая на прямое сообщение текста о траве, благословленной всем животным в пищу /1,30/. Католики утверждают, что законы природной жизни не меняются, и тот факт, что хищник загрызает жертву, не жесток сам по себе, он естествен, но нравственную оценку /жестоко, страшно, отвратительно/ вносит человек, соизмеряющий жизнь природы со своей иноприродной целью. Традиционно-православное объяснение таково, что т.к. природа призвана зависеть от человека, то после грехопадения последнего изменились и отношения между живыми существами. Современный богослов диак.

Андрей Кураев не без основания полагает, что животные были не кровожадны только в пределах райской земли, но не вся земля была раем. У прор. Исаяи мы встречаем описание будущего рая: там «барс будет лежать вместе с козленком» /11, 6/ Глядя, как в зоопарке на «площадке молодняка» часто дружно играют детеныши будущих смертельных врагов или читая в житиях описания того, как хищник смиренно довольствовался хлебом из руки подвижника, начинаешь постигать, что это не просто поэтический образ.

Что касается человека, то он, согласно Быт. 1, 29, как будто также довольствовался растительной пищей, но уже во второй главе мы узнаем, что «древо» – это особый священный образ. В древних религиях дерево часто почиталось как символ произрастания из земли в небо, т.е. небесной жизни после смерти. Дерево служило своеобразным мостом, соединяющим два полюса жизни. Вот и в Библии оно выступает в роли определенного способа приобщения, сферы деятельности. В раю, кроме обычной флоры, растут еще особенные «деревья», среди которых конкретно говорится о двух. Первое – это растущее среди рая «древо жизни», т.е. бессмертия /2,9/. Первый человек в раю вкушает плоды от древа бессмертия и поэтому остается физически бессмертным. Св. отцы полагают, что речь идет о некоем райском «канале» непосредственного богообщения и сравнивают плоды этого дерева с Причастием. Т.е. человек бессмертен не сам по себе, а в силу причастности Богу, о чем косвенно говорит и имя первого человека – Адам, «красная земля». Земля, прах – это образы материальной, временной, склонной к распаду основы. У древних часто красный цвет, охра, употребляется в захоронении как символ крови загробной жизни, крови бессмертия. Возможно, поэтому, Адам – это одухотворенная материя, обессмерченный прах.

Кроме этого, Господь произрастил в раю «древо познания добра и зла» / оригинальный смысл: «познания всего на свете"/. Единственный запрет в раю касается именно плодов этого таинственного дерева: «от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.» /2, 16-17/. Часто говорят о том, что Бог просто решил испытать человека, но мы видим, что заповедь

звучит не как прихоть Творца, а как заботливое предупреждение: не ешь, а то умрешь / «ты не знаешь почему это так, ты не знаешь, что такое смерть, но поверь Мне – это дерево опасно»; именно так: заповеди предполагают сыновнее доверие Адама Богу/.

Примечательно, что запрет на вкушение с этого дерева дан сразу после заповеди «возделывать сад», что как раз и означало взращивать, приумножать, расширять сферу познания. Значит, не познание как таковое запрещает Господь (часто об этом говорят атеисты), а предупреждает о смертельно опасном для человека способе познания. В оригинале «познание добра и зла» звучит как «познание всего на свете» – т.е. всего без разбора, без критерия, без Бога.

Наличие подобного дерева в раю прежде всего связано с проблемой свободной воли. Свободная воля отличает человека от всех остальных тварей и, собственно, делает его человеком, а не камнем, не животным и не машиной. «Бог почтил человека, даруя ему свободу, – говорит свт. Григорий Богослов, – чтобы добро принадлежало лично тому, кто его выбирает, не меньше, чем тому, который положил начало добра в природе». Этот богоподобный дар в то же время опасен для человека и таит возможность не только величия, но и падения. В связи с этим добро и зло Библия понимает не как условно-социальные и, с другой стороны, не как абсолютные категории, а как действия человека относительно аксиоматически благой воли Творца: добро есть движение человеческой воли по направлению к Богу, зло есть противопоставление воли человеческой воле Бога, что тоже возможно! Т.о. Всесильный Бог ограничивает сферу приложения собственной воли, чтобы дать возможность действовать Своему возлюбленному творению. Православное богословие подчеркивает, что вселенная строится правильно только при согласии воли человеческой с волей Божией /"синергия» – по св. Иоанну Кассиану/. Человек не был «запрограммирован» на злое, но Бог, безусловно, предвидел возможность того, что человек выберет путь зла и гибели. Бог не относится к нам, как подопытным существам, ведь Он в итоге Себя отдал за наше спасение! Но принципа свободной воли Он не отменяет, ибо человек призван выбирать Божие не по приказу и не из-за животного страха, а в

доверии ума и сердца. И потому наличие древа запрещенного познания есть прежде всего напоминание об этой свободе и о необходимости совершать правильный выбор...

Последняя заповедь в раю связана с темой брачной любви. «Сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему...И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его...и создал...из ребра...жену, и привел ее к человеку (создание из ребра - символ родства: «кость от костей моих») И сказал человек: вот, это...плоть от плоти моей, она будет называться женою, ибо взята от мужа (игра слов: по евр. муж - «иш», жена - «иша») . Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое в едину плоть» /2, 21-24/. Не правы те учебники, где заповедью брака названы слова «плодитесь и размножайтесь» /1,28/ и смыслом его объявляется «рождение и христианское воспитание детей». В таком случае и у кроликов был бы брак, и у тараканов,- ведь и им сказаны те же слова. Основной библейский смысл брака - это единство двоих в единое целое пред лицом Творца, т.е. это «союз троих»: мужчины, женщины и благословляющего их Бога. Вновь мы видим множеств. число: «сотворим». Брачное единство вдохновлено Св. Троицей, и отцы Церкви часто усматривают в брачном единстве двух «ипостасей» человеческой «сущности» еще один аспект образа Божия. Дети же должны восприниматься не как смысл брака, а как желанный плод любви.

В рассказе о «вычленении» женщины из плоти Адама и в то же время о необходимости брачного соединения с ней («прилепится к жене») содержится своеобразная полемика с древним мифом о совершенном первочеловеке - «андрогине», - после грехопадения разделившемся на два пола, которые мучительно ищут друг друга. Сия весьма популярная ныне идея провозглашает определенную половую принадлежность признаком несовершенства, а идеалом - дву- или бес- полость. А в Библии, несмотря на то, что каждый человек равен пред Богом как Его творение, и женщина по достоинству не ниже мужчины, она создана «второй по счету», она другая, и в связи с этим каждый пол имеет свою функциональную особенность. Это легко осознать, если еще раз приглядеться к

заповеди «хранить и возделывать». В самом деле, женщина во всех смыслах «хранительница»: в семье она хранительница очага, в браке она хранительница зачатого ребенка, в вере она сердечная хранительница благодати Божией. Мужчина, напротив, скорее «возделыватель»: в семье он добытчик и воин, в браке он оплодотворяет, в вере и в науке он часто дерзновенный искатель. Христианство настаивает на половой разделенности как на Божьем даре, который при правильном устройении жизни помогает уподобить человеческие взаимоотношения любви и единения взаимоотношениям Лиц Св. Троицы.

2.3. Грехопадение

3 гл. кн. Бытия целиком посвящена грехопадению и его последствиям. Мифологический /в значении «священно-символический"/ язык древнего сказания не всегда понятен современнику. Часто говорят о невесте откуда взявшемся яблоке, которое съела жена – а она «вкусилла плод»; приходится также слышать о том, что первородный грех состоял в первом половом сожителстве, что-де запрещено Богом, и т.д. Западные средневековые сказки и ереси в отношении 1-3 гл. кн. Бытия переключались в обличительные книжки атеистов XIX в. и современных шутников, которые высмеивают то, чего в Библии нет и в помине. Но в Библии присутствует иносказательное описание величайшей драмы, произошедшей с человеком на заре его исторического существования.

В раю неожиданно появляется змей. Образ этот означает сразу две мысли: во-первых, зло уже существовало, до и вне человека; во-вторых, носитель этого зла, сатана, пред Богом всего лишь творение, хитрая гадина. Примечательно, что во всём повествовании о творении мира и грехопадении человека не сказано прямо ни о диаволе, ни об изначальном отпадении части ангелов, им увлеченных во тьму. В 1 гл. говорится о бездне, в 3 гл. – о змее. По мысли Бытописателя, основные библейские события и проблемы спасения лежат только на оси «Бог – человек». Появление змея в райском саду есть отзвук того обстоятельства, что за границами рая – еще не преображенная, «безвидная» земля, вселенная, а за ее границами – всё та же тьма небытия. Змей – это «партизан» бездны в раю. Подползая к жене, он

не может проникнуть в ее душу и потому силится обратить на себя внимание: «подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» /3, 1/ Здесь характерен призыв усомниться в истинности Бога (подлинно ли?) и в Его благодати (не дает вкушать). Поистине, змей искушает жену логикой! Она отвечает ему, припоминая слышанную от Адама заповедь, что только плодов того дерева человекам нельзя вкушать, чтобы им не умереть. Но змею, который и так всё это знает, на самом деле важно то, что жена сумела его расслышать и беседует с ним. В следующей фразе он уже полностью являет себя духом клеветы на Бога: «нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их /плоды/, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло /т.е. всё на свете/» /3, 4-5/. Падение жены произошло уже в тот момент, когда она не возразила на эти слова. Некая тварь Божия опровергает Бога и продолжает спокойно существовать, значит, так можно жить! Она начинает по-новому смотреть на Бога, Он неискренен, Он что-то скрывает. Но и на окружающий мир тоже, оказывается, можно посмотреть с иной, не Божией точки зрения, и не умереть. И она по-иному смотрит на страшное дерево: оно «хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» /3, 6/. Это те самые три составляющие первородного греха, которые св. ап. Иоанн Богослов назовет «похотью плоти, похоть очей и гордостью» /1 Ин. 2, 16/, а отцы-аскеты сластолюбием, сребролюбием и славолюбием. Что же обещает змей человеку? – «будете как боги». Но разве не то же самую задачу поставил человеку Бог? «Я сказал: вы – боги» /Пс. 82:6/, – восклицает от имени Творца Псалмопевец. А в НЗ Господь говорит еще определеннее: «будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен» /Мф. 5, 4/, – это и есть то самое «уподобление» Богу. Св. Ириней Лионский, св. Афанасий Александрийский, развивая эту мысль, дерзновенно говорят о Христе: «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом». Но диавольская подтасовка заключена в слове «как» – «как боги». Бог призывает человека стать «богом у Бога», сыном Божиим, Его причастником. А змей соблазняет возможностью быть «богом без Бога», самому себе богом, ведь человек имеет потенциальное могущество.

Т.о., вкушение плода от древа познания добра и зла, приведшее человека к духовной катастрофе, означает познание мира вне Бога и

устроение своей жизни в нем без Бога. Духовная тенденция, при которой человек стремится поставить себя в центре вселенной и подчинить себе все ее духовные и материальные силы, в богословии называется магизмом. И эта тенденция во всей дальнейшей истории противостоит тенденции религиозной, в которой человек, поставив Бога в центре своей жизни и жертвенно служа ему, стремится восстановить утерянную близость (термин «ре-лиг-ия» можно трактовать как «вос-соединение», возобновление единства).

Жена «взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и ... сделали себе опоясания» /3, 6-7/ А до того «были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» /2, 25/. Адам вкушает то же, что и жена, ведь любовь еще не нарушена, они – как неразделенные сиамские близнецы. Итак, думали, что боги, но узнали, что наги. «Нагота» имеет весьма специфический смысл. Это ощущение собственной малости, ничтожества, незащищенности: всего лишь червь, всего лишь прах, всего лишь песчинка на окраине миров. Узнать о своей наготе – значит потерять ощущение благодати. До падения человек не знает об этой наготе и не боится, не знает о грехе и не стыдится, а падшему человеку состояния стыда и безблагодатности знакомы. Сделать себе «опоясания» – жалкая попытка прикрыть «наготу», компенсировать духовную потерю. Об этом же сказано и в /3, 8/: «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня /близость Господа для автора, жившего в знойном климате Палестины, описана как желанная прохлада/; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая». Это могли быть «древо науки», «древо искусства» и т.п.; так выражена попытка заглушить всё нарастающую душевную тревогу. «И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: Адам, где ты?». Вот удивительно, не человек Бога, а Бог взыскует человека! Змей действует нагло, обманывает, соблазняет, парализует волю тот, кто обещает свободу и не отступает, пока не добивается своего. Творец, подарив человеку жизнь и мир, дав заповеди и предупредив об опасности, требует доверительных отношений и не управляет каждым шагом человека, и когда последний совершает ошибку, не корит, не угрожает, а отечески спрашивает: где ты, куда уходишь, подумай, что ты теряешь. «Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился /голос

Божий был мелодией блаженства, а сейчас он источник страха – вот откуда появляется в древних религиях специфический ужас перед многорукими божествами/, потому что я наг /ложное раскаяние, разве этого надо было бояться, стыдиться/, и скрылся. И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?». Прямой вопрос требует прямого ответа. Если бы Адам сказал: да, это так, прости меня, то история пошла бы менее драматично. Но первый человек греховный путь прошел до конца. «Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». Ему, как говорит в одной из своих проповедей преп. Симеон Новый Богослов, следовало так ответить своему Создателю: «Ей, Владыко, истинно согрешил я, преступив твою заповедь... Помилуй мя, Боже, и прости». Адам внешне говорит правду, но на самом деле он вместо раскаяния отвечает неблагодарностью и двойным обвинением: жены, которая его совратила – так рушится брачное единство, Бога, который ее даровал – так Адам впервые доходит до сатанизма. Жена на аналогичный Божий вопрос ссылается на змея: «змей обольстил меня, и я ела». /3, 9-14/. «О нечувствие окамененное! И ты, Ева, после того, как согласилась беседовать со змием, предпочла ... заповеди Господа совет его и почла его (змия) более истинным, чем заповедь Божия!...» – горестно восклицает преп. Симеон.

Из последней сцены мы видим, что в грехопадении виноваты и Адам, и жена его, (Адам в итоге повел себя гораздо хуже), и когда говорится, что грех вошел в нас через жену, подразумевается не особая ее вина, а механизм проникновения первородной испорченности. Ввиду того, что в идеале «Адам и жена его» – это и есть полноценный человек /имя Ева появляется уже после грехопадения и означает начало разобщенности/, некоторые комментаторы аллегорически толкуют Адама как ум и Еву как сердце человека; т.о. первородный грех сначала поразил чувствительную сторону души, а затем уже разумную /"вне Бога разум становится подобным животному и бесам» – свт. Григорий Палама/.

Вообще говоря, в Библии и христианстве Адам – это не только первый человек или первое человечество. Слово Адам также означает «человек вообще», «генотип человека». Западно-

христианской формулировке – «все грешат из-за вины Адама» – св. ап. Павел противопоставляет «генетический» взгляд: « в нем /в Адаме/ все согрешили" /Рим. 5, 12/. Т.е. мы грешим «в Адаме», «вместе с Адамом», «как Адам». Мы все – это первый, или ветхий Адам. Понятие первородного греха описывает всеобщую испорченность человеческого рода, падшестъ его, потенциальную греховность; отцы Церкви называют это «удобопреклонностью ко греху». (Но сия удобопреклонность не означает фатальной неизбежности совершения греха.)

Дальнейшее повествование Згл. касается проклятия змея, осуждения людей и изгнания их из рая. Но то, что называется изгнанием, является результатом уже осуществившейся по вине человека потери рая в смысле духовном. Непослушание, нераскаянность и богоотвержение после грехопадения привели к тому, что прежняя жизнь с Богом была уничтожена. Падший человек не может быть в раю по определению, а не из-за гнева Божия.

В /3, 14-15/ звучит Божественное проклятие змея-диавола перед всем светом. Он будет ползать на чреве своем (зло пресмыкается, затрагивает низменные страсти) и всегда питаться прахом (Адам – это одухотворенный «прах», но пища диавола – полностью бездуховные, внутренне мертвые люди). Некоторые отцы Церкви по избытку любви высказывали мнение о возможности спастись даже бесам, но по-видимому Люцифер, соблазнив человека, не только перенес грехопадение на другой уровень, не только значительно углубил искажение чудесного Божественного замысла, но и сам себя отлучил от зыбкой возможности спасения, т.е. оказался действительно проклят. И далее: «вражду положу между тобою и между женою, ... между семенем твоим и ...семенем ее; оно /в оригинале – «Он"/ будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту». Действительно, отныне одной из главных задач духовной жизни станет борьба человека /семя жены/ со всевозможными проявлениями зла /семя змея/ – борьба на смерть. Пророки и праведники всех времен будут пытаться уничтожить зло /поразить змея в главу/, но диавол будет успешно находить их слабые места /ср. с «ахиллесовой пятой"/. Главной «пятой» окажется, конечно, смертность и незащитность праведника, и зло будет часто

торжествовать. Но однажды явится Тот, Кто уничтожит корень зла /на славянском это звучит конкретно: «семя жены сотрет главу змия"/. Подобное сообщение прежде всего отражает древнейшую надежду человечества на спасение от власти зла и греха. Но в столь очевидных образах /"Он», «семя жены», «поразит в главу"/ Церковь не могла не усмотреть первого в библейской истории пророчества об Иисусе Христе. Поразительно: еще до того, как Бог определяет наказание Адаму и Еве за совершенное в раю, Он уже произносит Свое первое Евангелие, содержащее обещание неременного спасения! А ведь для Бога это означает отдавание Сына на крест.

Далее Бог определяет человеку наказания, которые в то же время можно назвать последствиями первородного греха /см. 3, 16-21/:

1. беременность жены отныне скорбна и роды болезненны
2. в браке неравенство: муж будет господствовать над женой
3. в любовь вошла нечистота, похоть
4. земля /природа/ отныне «проклята» за человека, больна, враждебна ему (св. ап. Павел говорит, что всё творение совокупно мучается из-за человека/.../); «кожаные одежды», данные Богом /3, 21/, могут говорить либо о некоем иммунитете либо об огрубении человека в связи с изменившимся климатом

Труд из благодатной задачи становится мучительной необходимостью для добычи пропитания. Самым страшным последствием первородного греха становится смерть. Она описана вначале просто как причина жизненной бессмыслицы: человек в поте лица добывает хлеб, произрастающий из земли, для того, чтобы сей хлеб, становясь частью самого стареющего человека, возвратил его в ту землю, из которой он был /материально/ образован: «земля еси, и в землю отыдеши» (свт. Иоанн Дамаскин, из последования панихиды). Но стихи /3, 22-24/ глубже объясняют эту тему: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас...и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от древа жизни ...и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского... и поставил... Херувима и пламенный меч /вращающийся/, чтобы охранять путь к дереву жизни». Итак, после грехопадения физическое бессмертие стало невозможным. Но и это, оказывается, не прихоть Творца (атеистические комментаторы любили здесь порассуждать о зависти Бога). Смерть не только трагична. Если бы человек, выбравший

однажды зло, остался бессмертен, то это, особенно из-за слабости человека перед активным напором и обманом дьявола, неминуемо привело бы к возникновению тотально осатанелого мира, где люди бы безвыходно и бесконечно страдали, т.е. к победе бездны над Божиим творением. Смерть становится тем естественным пределом, который ограничивает во времени любое злое явление, отныне уже не всевластное, а для самого человека означает важнейший жизненный рубеж. Смерть физическая не означает конец бытия, но является символом и предупреждением о «второй смерти» – духовной. Если первая смерть есть временное разделение души и тела, то вторая означает вечную разлуку души и Бога. Смерть оказывается последним аргументом в пользу веры и покаяния. Воистину, «благодетельно установлена смерть» (свт. Иоанн Златоуст).

Грехи, болезни, страдания – всё это последствия смертности. Отцы Церкви говорят, что после грехопадения изменилась сама природа человека. В частности, действия разума, воли и чувств, а также тела и души между собой потеряли былое гармоническое единство. В связи с этим аскетика говорит о возникновении душевных и телесных страстей – глубинных болезненных комплексов.

Тема 3. От Адама до Авраама

3.1. «Допотопное» человечество

С 4-ой гл. кн. Бытия начинается история падшего человечества, которая вплоть до появления Авраама написана довольно схематично, и в ней не стоит искать биологических и этнографических подробностей, однако каждая доисторическая сцена имеет глубокий духовно-нравственный смысл и непреходящее значение.

«Адам познал Еву... и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа.» /4,1/. В последних словах слышится изумление перед тайной появления нового человека из чрева матери. Брачное половое соединение здесь и во многих случаях названо «познанием»: истинно познать кого-либо означает соединиться с ним в любви. Факт рождения детей только после изгнания из рая по-разному комментировалось Отцами, но наиболее последовательной является мысль о том, что во-первых, в раю

прародители были еще очень юными, несовершеннолетними – а значит, и рай длился по историческим меркам недолго, и, во-вторых, рождение детей стало истинным утешением и как земная радость, и как залог пусть не личного, но родового бессмертия.

Однако первородный грех, как ядовитая жидкость, в новых поколениях являет себя всё страшнее – Каин убивает родного брата /см. 4, 2-16/: «Был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец...Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего /у первых людей появляется религия – попытка вернуть утраченную связь с Богом, и до Христова пришествия огромную роль в ней играет институт жертвоприношений; жертва, животная или растительная, имеет заместительное значение: она становится посредником, знаком молитвы, раскаяния в грехах и благодарения. Человек, греша, ведет себя как бездуховное животное – и это животное в себе он символически убивает/...И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел /Бог не принимает внешний дар от темной, нераскаянной души/...И сказал Господь Бог Каину /люди еще могут слышать глас Божий/: отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей /это у сердца человеческого «двери», в которые уже в НЗ стучится сам Господь/ грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним /первородный грех не всевластен, с ним можно бороться/». Но Каин совершенно не внимает предупреждению и хладнокровно убивает брата; с другой стороны это означает, что всякое убийство человека человеком Библия в сути своей считает братоубийством. На вопрошание «Где Авель, брат твой?», которым Господь дает Каину последнюю возможность спастись, последний отвечает дерзко и с духовной точки зрения самоубийственно: «не знаю, разве я сторож брату своему». Прямая ложь Господу – это признак осатанелости, охватившей Каина. «И сказал Господь: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли /пролитая на землю кровь обязательно даст «всходы»; в ВЗ подмечено, что кровь невинно убиенного принесет беду злодеям, в НЗ интонация стала иной: на мученической крови стоит и побеждает Церковь/. И ныне проклят ты... будешь изгнанником и скитальцем на земле». И если Авель открывает собою длинный список страдальцев за веру, то Каин

становится архетипом безбожного, бездуховного человека, оставленного Богом или, скорее, оставившего Его, того самого «праха», которым питается «семя змея». «Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь... и всякий, кто встретится со мною, убьет меня /Каин воспринимал благодать как магическую защиту, и теряя ее, не о Боге тоскует, а о своей «шкуре»/ И сказал ему Господь: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Бог Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня». Последнее сообщение звучит на первый взгляд странно, но его смысл раскрывается в двух аспектах. Если в Каине видеть просто грешного человека, то речь может идти о том, что нераскаянный грех /некоторые связывают слова «Каин» и «раскаянье»/ не приводит немедленно к возмездию и гибели, что Господь отводит достаточное время для исправления; в общем случае это так и есть. Но Каин не просто грешник, он отмечен специальным «знамением» /4, 15/, «печатью» атеизма и человеконенавистничества (такую печать, к примеру, большевики 20-30-х годов нашего века). Каина и его потомков, духовных «каинитов», Господь запрещает убивать, ибо их самих собственными их способами победить невозможно; они, забыв о небесном, достигли могущества в приспособлении к земному, и в случае чего на месте одной отрубленной головы явится семь куда более злейших.

Вдали от Господа Каин отмеряет «свою» территорию и строит город /в оригинале - «ограждение» /см. 4, 17-24/. Среди потомков Каина родоначальники разных сфер жизни: скотоводства (Иавал), металлургии (Тувалкаин), искусства (Иувал). И хотя впоследствии цивилизация не объявлена в Библии абсолютным злом, всё-таки характерно, что она создается именно потомками Каина, создается как попытка компенсировать потерю изначальной благодати Божией. В списке древних профессий упоминается без объяснений «сестра Тувалкаина Ноема» /4, 22/ - возможно, это намек на проституцию, которая, кстати, носила вначале ритуальный характер. Печать Каинова греха особенно отразилась на его ближайшем потомке Ламехе. Он не только женился сразу на двоих, но горделиво воспеваает жестокую месть и братоубийственную войну: «Ада и Цилла! Послушайте голоса моего...: я убил мужа в язву мне /т.е. за

легкое ранение/ и отрока в рану мне /не щадит и ребенка/. Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро.» /4, 23-24/. Ламеху не нужен Вседержитель – он дышит собственным злобным могуществом.

Для контраста далее описан род третьего сына Адама, Сифа. Потомки Сифа живут /5 гл./ от 700 лет почти до тысячи. Больше всех прожил Мафусаил: 969 лет /"мафусаилов век"/. Насчет этой продолжительности высказано несколько гипотез:

1. до всемирного потопа, в глубокой древности, на Земле жили совсем другие люди, была другая природа, воздух и т.д. /археологически не подтверждено/
2. это цифры не солнечного, а лунного календаря
3. цифры условные, символически означающие, что сей человек был праведник, оттого и жил долго
4. в указанных числах зашифрованы таинственные значения имен праведников.

Это действительно праведный род, хранящий воспоминание о Боге. Про одного из них, Еноха, сказано, что он «ходил пред Богом» /5, 24/. Наше выражение «ходить под Богом» ставит человека в положение раба у всесильного господина, а библейским «ходить пред Богом» /в других местах еще: «пред Ним лицом к лицу"/ передается неизменное памятование о благе и правосудном Творце, определяющее каждый вздох праведника.

3.2. Выбор между религией и обожествлением человека

Повествование кн. Бытия в 6-10 гл. задерживается на событиях, связанных с жизнью знаменитого праведника древности Ноя, главнейшее из которых – «всемирный потоп». Ученые спорят о том, о какой именно катастрофе может идти речь. Существует множество древнейших преданий о потопе и о Ное (Ной вообще фигура «общечеловеческая»), причем замечено: чем дальше жил тот или иной народ от Средиземноморья, тем меньше масштаб беды; к примеру, у индейцев помнят лишь о сильных дождях. Не исключено, что катастрофа была не глобальной, но Бытописатель описывает ее как всемирную, ведь его «мир» ограничен. Однако в Библии древнее наводнение рассматривается именно с духовной точки зрения; автору раскрыта его истинная причина /см. 6, 1-13/:

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери; тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены... И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что... все помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал... истреблю с лица земли человеков... скотов, и гадов и птиц небесных истреблю... земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась... злодеяниями».

В Библии, как мы уже заметили, образ брачного совокупления весьма метафоричен. Существует по меньшей мере два толкования таинственного соединения в /6, 2/. Если «сыны Божии» суть потомки Сифа, а «дочери человеческие» - потомки Каина, то речь идет о том, что с определенного времени сифиты и каиниты перемешались между собой, и люди стали духовно неразборчивы. Но под «сынами Божиими» можно понимать ангелов, в том числе и падших, а под «дочерьми человеческими» - людей /такое понимание традиционно для библейского мышления/. Автор в таком случае намекает на то, что люди, оставив Бога, увлеклись духами, т.е. религия истинного Бога была вытеснена магией. Результат такого брачного союза - горделивая порода не знающих жалости людей. Они иронично названы сильными и издревле славными, но их эпоха - время развращения людей и растления самой земли. Антропоморфируя Бога, т.е. наделяя Его чисто человеческими чувствами /великое прозрение будущего: и ведь Он и в самом деле человек/, Бытописатель употребляет слова «раскаялся», «восскорбел». Такой мир недостоин ни Бога, ни вечности; он должен быть истреблен вместе с природой, которая без человека вовсе не нужна. Т.о. человеческое отпадение, развращенность и магизм могут достигнуть той черты, когда сама природа не выдерживает, и ее стихия обрушивается на нечестивый род.

Но во тьме духовного помрачения людей Бог находит единственного праведника: «Ной был человек... непорочный... Ной

ходил пред Богом» /6, 9/. Ноею дано повеление строить ковчег, чтобы во время наводнения его семья и животные смогли спастись. Ной строит огромное судно на виду у всех людей, продолжающих безбожно жить и насмехающихся над ним. В этом смысле Ной, безусловно, выступает как древний пророк израильского типа, напоминая слепцам о неотвратимости суда Божия. Ковчег, который спас семью праведников во время наводнения, стал в будущем прообразом Церкви Христовой. /Один из древних символов христианства – якорь, многие храмы внешне напоминают корабль, на куполах наших церквей часто установлен крест с якорем, т.н. «крест с полумесяцем»: Церковь – ковчег, спасающий от мирского потопа и бросающий якорь-крест в небо/.

Если вначале Ной выступает как праведник, а перед потопом – как пророк, то для новой человеческой расы, которая от него происходит, Ной является спасителем и в этом смысле – прообразом Христа. Бог устанавливает с Ноем завет, в котором повелевает людям жить праведно и не допускать пролития человеческой крови /см. 9, 1-17/. Символом завета становится радуга – красочный «мост», соединяющий небо и землю.

В Быт. 8, 21 и 9, 11 читаем: «сказал Господь Бог в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его... не будет более истреблена всякая плоть водами потопа». Вскоре из повествования станет ясно, что очищение всемирным потопом помогло ненадолго. Во-первых, первородный грех коренится не во внешнем поведении, а в самой природе человека, и уже сын праведного Ноя совершит вопиющий грех. Во-вторых, из общих наблюдений мы знаем, что ужас несчастья лишь на время замораживает греховность, но не исцеляет ее.

«Ной начал возделывать землю и насадил виноградник. И выпил он вина, и опьянел /быть может, Ной не знал силы вина, а может, решил заглушить переживание страшной катастрофы/, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам... наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду, и... покрыли наготу отца своего /не оглядываясь на него/... Ной проспался от вина своего, и узнал, что сделал над ним младший сын

его» /9, 20-24/. С древности существует представление о высочайшем статусе родного отца, как бы образа Отца Небесного, и о священной тайне отцовства, связанной с креативными органами отца (с этим мы еще встретимся), и потому поступок Хама, посмеявшегося над наготой отца, приравнивается к богохульству. Это первый «хамский» поступок, еще одна грань каинитского поведения. Ной сказал: «Проклят Ханаан /самого Хама нельзя проклясть напрямую, т. к. над всеми детьми Ноя ранее Бог произнес благословение, но собственные имена Сим, Иафет, Ханаан, Моав, Эдом и др. относятся также и к их потомкам, к целым народам и землям, ими населенным, поэтому проклятия и благословения устремлены в будущее/; раб рабов будет он у братьев своих... Благословен Господь Бог Симов; Ханаан /читай: Хам/ же будет рабом ему. Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему». /9, 25-27/. Это интереснейшее пророчество имеет как исторический, так и духовный смысл. В истории ВЗ так и случилось: Ханаан был поработен, потомков Иафета стало на свете больше всех других, и они к III – II вв. завоевали семитов. К сожалению, толкователи нового времени не избежали соблазна продолжить исторические аналогии, и, в частности, приравняв чернокожих африканцев к хамитам, доказывали действенность пророчества на примере негритянского рабства. На самом же деле важен духовный смысл пророчества Ноя о своих сыновьях. Это не столько три расы, сколько три религиозных типа. «Благословен Бог Симов»; стало быть семиты – это те, кто веруют в благословенного Бога, люди истинной религии. Это и Израиль, и в будущем христиане. Иафетидов больше всего – так это язычники, которым суждено в определенное время «вселиться в шатры Симовы» /шатер – образ храма, осенения Божия/. Такое «вселение» начало происходить, когда языческий мир стал открывать для себя Божественность веры Израиля, и появились первые прозелиты /обращенные/; но окончательно это относится к НЗ-ным временам, когда массы язычников пришли в Церковь. А Хам /Ханаан/ – есть третий тип, это люди отвергшие Бога: нераскаянные грешники, маги, безбожники, кощунники, сатанисты. За видимостью их свободы таится смертное духовное рабство.

11 гл. кн. Бытия рассказывает нам о Вавилонской башне. Потомки Ноя поселились в долине Сенаар. «И сказали они построим себе

город и башню высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь... вот, что начали они делать и не отстанут от того, что задумали... Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле, и они перестали строить город и башню...» /11, 2-8/. Что же произошло с потомками великого праведника? Что за башню решили они соорудить, и почему это вызвало Божественное вмешательство? «Сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по всей земле /важно, что в оригинале это звучит иначе: чтобы не рассеяться по лицу всей земли/», – вот ключевые слова повествования. Древние предания сохранили любопытные подробности строительства Вавилонской башни: на верхних ярусах гиганта /кое-где в Ираке, Афганистане сохранились как бы уменьшенные копии – спиралевидные, сужающиеся кверху башенки, т.н. «зиккураты"/ стояли лучники и пускали в небо стрелы, как бы пытаясь проткнуть его; а если у кого-либо сверху падал кирпич, то и его самого сбрасывали с высоты. Строительство башни с одной стороны должно было консолидировать жителей города-цивилизации /"чтобы не рассеяться», не пропасть/, а с другой – сделать ее храмом человеческой гордыни и самости (не Богу имя – напротив, именно «себе»; ср. «не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» /Пс. 113, 9/). Столь великим оказалось человеческое отпадение от Бога, что людям их Отец небесный оказался ненавистен, и они решают свергнуть его с небес! И вот тут происходит самое интересное: древние мифы полны историй о том, как богов скидывают с престолов и лишают силы, но автор с некоторой иронией пишет о том, что истинному Богу, для того, чтобы разглядеть очередной нелепый замысел падшего человека, приходится сойти вниз – столь Он недосыгаемо высок!

Полулегендарный рассказ о Вавилонской башне, даже в вышеуказанных апокрифических подробностях, неожиданно оказался близок нам, ибо именно XX век, особенно в России, стал веком восстания против Бога и попрания человечности. Можно сказать, что в нем дана универсальная модель построения жизни без Бога и даже против Него. И Библия говорит о том, чем кончается подобный глобальный эксперимент: на определенном этапе люди перестают

понимать друг друга /"смещение языков"/, разбегаются, и башня остается недостроенной. /В советские времена такой «башней» должен был стать «дворец советов» с гигантской, выше облаков, фигурой вождя революции на крыше. Характерно, что в 1919г. архитектор Татлин построил еще один макет: «башню III-его интернационала», и сия металлическая конструкция в точности повторяла древний зиккурат – значит, ведали, что творят/. Крушение самоубийственно-богохульного замысла древних, произошедшее в результате Божественного посещения /буквального снис-хождения/, на самом деле означает для них протянутую Творцом руку помощи.

Рассказ о вавилонских строителях, как и характеристика предпотопных современников Ноя, возвращает нас к теме первородного греха. И мы видим, что с глубочайшей древности в истории человеческого духа проявляются две противоположные тенденции: «человекобожия» и «богочеловечества», первая из которых заманчива, но деструктивна, а вторая чрезвычайно трудна, но спасительна. Во всеобщей тьме духовного невежества Бог находит лишь небольшое количество праведников, избирающих пути спасения, но не обеспечивающих преемство. Всё меняется, когда в Библии появляется Авраам – первый исторически зафиксированный персонаж ВЗ /приблиз. XIX в. до Р.Х./.

3.3. Жизнь и вера Авраама

Семья Авраама, происходившего из древнего города Ур Халдейский, была достаточно состоятельной. Живя в языческом окружении, Авраам был благочестив и уповал на Бога. Но при этом он вместе со своей женой Сарой глубоко страдал, и причиной страдания была их бездетность.

В истории ВЗ мы не раз сталкиваемся еще с одной проблемой, косвенно связанной с первородным грехом, и как ни странно, это проблема детей, потомков. Во-первых, после того, как человек отпал от Бога, он в своей жажде бессмертия сменил индивидуальный аспект на аспект родовой. Потеряв доступ к древу жизни, древний человек решил позаботиться о «бессмертии на земле», что означало главным образом бессмертие в своих детях и внуках /ср. советский лозунг: «дети – наше будущее"/, в своем роде. Во-вторых, потеря

райского брачного идеала привела к тому, что смысл брака также стал видеться не в единении, а в потомстве, как можно большем. Наличие и количество детей «гарантировало» бессмертие и в глазах окружающих выглядело как знак Божьего благословения. Напротив, отсутствие детей могло означать проклятие: человек оказался недостоин продолжения на земле! Так два серьезных искажения первоначальной духовной жизни сплелись в «жестоковом» сознании дохристианского Израиля (хотя эти тенденции мы наблюдаем и по сию пору). ВЗ описывает немало хитроумных способов, весьма небезупречных и даже недопустимых с христианской точки зрения, для достижения цели обретения потомства.

Поэтому Аврам и Сара выглядели отвергнутыми Небом. Но подобно Еноху и Ною, Аврам способен расслышать неизреченные Божии слова, и однажды Бог повелевает ему: «пойди из земли твоей, от родства твоего, и иди в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое... и благословятся в тебе все племена земные» /12, 1-3/. Т.о., Бог обещает Авраму, что он не только будет иметь дитя несмотря на немолодые лета, но от него родится множество людей, которые получат чрез него Божественное благословение. В связи с этим Аврам /"отец"/ и Сара /"госпожа"/ получают новые имена в форме множественного числа: Авраам /"отец множества"/ и Сарра /"госпожа многих"/. И Авраам вместе со всем семейством с готовностью пускается в неизведанный путь: куда благословит Господь. Тут перед нами предстают первые черты необычно сильной веры Авраама: жажда Бога, «слышание» Его воли и непрекословное послушание. Выход Авраама из Харрана - важный духовный момент: для того, чтобы по-настоящему почувствовать Бога, нужно вырваться из обветшавшей окружающей среды.

Библия, описывая праведников, отнюдь не скрывает их недостатков и даже греховных отступлений. Праведником человек назван не потому, что он безгрешен, а потому, что в процессе длительного Божественного воспитания его жизненный путь становится примером. И Бытописатель ничего не скрывает: едва показав Авраама с замечательной стороны, он тут же рассказывает о

неприглядном эпизоде, случившемся на пути в «землю обетованную», когда из-за голода Авраам свернул в Египет: «Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых. Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя... Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая... и взята она была в дом фараонов. И Авраму хорошо было ради нее, и был у него мелкий и крупный скот... и рабы, и рабыни... Но Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову. И призвал фараон Аврама, и сказал... для чего не сказал мне, что она жена твоя?... И я взял было ее себе в жену... И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что было у него...» /12, 10-20/.

В этом месте естественно возникает непростой вопрос: «почему же наказан фараон, он-то при чем?» /Под фараоном может в данном случае подразумеваться местный князек, а не верховный фараон Египта/. Однако у библейского повествования своя логика. Авраам, а не фараон, является главным героем рассказа. Он возлюблен Богом, но в Египте оказался без Божьего благословения, влекомый голодом и малодушием, которому уступил первоначальный порыв веры. Малодушие это поставило обоих супругов в ситуацию, когда невозможным будет для них исполнение Божественного обетования. И тогда Бог наказывает /воспитывает, выручает/ Авраама косвенно, вызвав гнев и презрение фараона к нему и его мнимой праведности /именно презрение звучит в повелении «проводить его и всё, что у него"/. Это серьезный урок Аврааму: обычный с его точки зрения язычник, которого не грех и обмануть, и пожить при нем благополучно, оказался гораздо более богобоязненным и, кстати, снисходительным /мог ведь и казнить/, чем он, имеющий знание Бога и великое обетование...

Вместе с семьей Авраама из Халдеи вышел еще и его племянник с семьей, Лот, человек, верующий в истинного Бога и благочестивый, но духовно более слабый. Однажды он повздорил с Авраамом, и они несколько разошлись в конце пути: «Сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою... Если ты налево, то я направо; а если

ты направо, то я налево... Лот возвел очи свои, и увидел всю окрестность Иорданскую, что она... вся орошалась водою, как сад Господень..."/13, 8-13/. В этом «райском» саду и поселился Лот, не зная того, что это и есть печально известный Содом, жители которого «были злы и весьма грешны пред Господом». А Авраам выбрал землю Ханаанскую, пустынную и неудобную. Но именно тут он снова слышит Господа: «возведи очи твои... посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу... всю землю /эту/ дам Я тебе и потомству твоему навеки... сделаю потомство твое, как песок земной ... пройди по земле сей в долготу и в широту ее /13, 14-17/. В этом тексте отцы Церкви усматривают прообраз креста, который Авраам дважды, мысленно и фактически, как бы полагает в основание будущей Святой земли.

В Ханаане Авраама окружает множество небольших племен, каждый из которых имеет своего правителя. Время от времени эти царьки составляют союзы и воюют друг с другом. Однажды Аврааму пришлось участвовать в такой войне, чтобы освободить уведённого в плен Лота и с ним многих других. На обратной дороге Авраам встречает двух царей: Содомского и Салимского. Первый сказал: «отдай мне людей, а имение /имущество/ возьми себе. Но Аврам сказал... поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Авраама... кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною» /14, 21-24/. Здесь явно звучат два мотива. Аврааму очень важно, чтобы никто не подумал, что его чем-то мог одарить Содомский царь Бера. Он вызволил содомлян из плена, но зная, чем живут эти люди, не желает принимать от них славу и плату – дабы не оскверниться. Кроме того, Авраам являет свою глубокую веру: он Богом богат, и ради Всевышнего совершает добрые дела. По-иному происходит встреча с царем Салима /предположительно будущий Иерусалим/ Мелхиседеком, который «вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его и сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть из всего» /14, 18-20/. Поведение Авраама тут совсем иное: он принимает благословение и отдает по закону десятину. Но и Мелхиседек говорит с ним не как Бера: он прежде всего

благословляет Бога, а потом Его слугу – Авраама /у Беры – ни слова о Боге/. Сообщение о некоем царе, который был священником истинного Бога, является намеком на то, что почитание Единого никогда не прерывалось и могло существовать вне главной библейской линии. Но сама таинственная фигура царя-священника, неожиданно являющегося в жизни Авраама, приносящего хлеб и вино, благословляющего и больше нигде не встречающегося, стала символической уже в ВЗ. Он священник Божий, но законной библейской линии не принадлежит, т.е. он священник не по закону, а непосредственно от Бога, по помазанию. Имя Мелхиседека стало символом харизматического служения Богу вообще. Кроме того, хлеб и вино Салимского царя не могли не восприниматься в христианстве как прообразы Евхаристии. И в 109-м псалме Сам Бог, посылая в мир Мессию, Спасителя, обращается к Нему: «Ты иерей вовек по чину Мелхиседекову». Спаситель не нуждается в доказательствах, в документах – Он благословлен непосредственно Отцом. Эта же мысль повторится в послании св. ап. Павла к Евреям. В отличие от «чина Ааронова», «чина Левиина», напоминающих современное епископское рукоположение в священный сан, «чин Мелхиседеков» предполагает непосредственное Божественное участие в кризисных моментах истории.

Шло время. Господь неоднократно являлся Аврааму, обещал ему непременно исполнение обетования о потомках и раскрывал некоторые обстоятельства их будущей истории. Но Сарра оставалась бесплодной. И тогда Авраам решил использовать один из древних законных способов продолжения рода, а именно т.н. «рождение на колени». Жена дает своему мужу одну из служанок, та зачинает от него ребенка, и в момент родов жена подставляет свои ноги под младенца и говорит: это мой ребенок «от нее». Дитя считается законным сыном родителей /это несколько напоминает современное вынашивание в чреве другой женщины/. Таким образом у Авраама и Сарры от ее служанки из Египта Агари появляется первый сын Измаил /16-17 гл/. Авраам, с одной стороны, устал от ожидания, а с другой как бы помогает ускорить исполнение Божьего обетования, помочь ему осуществиться. Ведь Сарра уже стара и вряд ли уже сможет родить сама. Но у Бога иная мысль, и очень скоро Авраам это сознает: будучи беременной, Агарь начинает издеваться над своей

госпожой, видимо желая занять ее место, потом ей приходится бежать от Сарры. Измаил (его имя означает «услышал Господь страдание твое») все-таки сын Авраама, сын «по закону» /пусть и столь для нас необычному/, и на него частично распространяется Божественное обетование: «умножу потомство твое» /16, 10/. Однако про него не сказано, что «в нем благословятся племена», а сказано совсем другое: «он будет между людьми как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить он будет пред лицом всех братьев своих» /16, 12/. То есть измаилиты будут выносливыми, неприхотливыми, воинственными кочевниками, постоянной проблемой для своих соседей. /Любопытно, что мусульмане признают Библию и считают себя потомками Измаила, но Библия дает Измаилу нелестную оценку./

Но обетованным сыном становится Исаак, родившийся от Сарры тогда, когда это уже было практически невозможно /21 гл/. Исаак – плод сильнейшей веры Авраама, он не дитя юношеской любви и не дитя необходимости, а зримое чудо Божие, выстраданное ВЗ-ной праведной семьей /это про него сказано в Евангелии от Иоанна: « не от хотения плоти, но от Бога родились» – Ин. 1, 13/, он сын «по благодати».

В одном из своих явлений /17 гл/, Бог, подтверждая Завет и возвещая о рождении Исаака, потребовал у Авраама в качестве главного знака вхождения в Завет обрезать крайнюю плоть у себя и всех потомков мужского пола /17, 9-14/. Мы сегодня совершенно не понимаем священного смысла обрезания и того, почему сия специфическая операция связана с Творцом вселенной столь серьезно, что забыть обрезать себя означает погибнуть, даже в случае с Моисеем, только что призванным для Божественной миссии. /см. Исх. 4, 24-26/. (Подробным образом этот вопрос рассмотрен в работе «Христианское учение и проблема половых отношений», свящ. Лев Шихляров, журнал «Континент», Париж-Москва, № 1/91/ – 1997 г.). С древнейших времен половые органы человека использовались как нагляднейшие символы креативной мощи Божества. С другой стороны, для самого человека эти половые части были связаны с прикосновением к Божественной тайне творения, в т.ч. творения новой человеческой жизни и в связи с этим преодоления смерти

/родовое бессмертие/. История религии знает множество примеров религиозно-сексуальных представлений, объясняющихся не развращенностью, а грубой и наглядной символиккой. Со временем, однако, в этой сфере наблюдается вырождение, и осмысленные культы превращаются в языческие оргии. В ВЗ мы видим благочестивое отношение к интимной тайне: раб Авраама, отправляясь на поиски невесты Исааку, в знак клятвы верности кладет руку Аврааму «под стегно» /24, 9/. С этой темой связано и знаменитое выражение «лоно Авраамово», обозначающее рай //!
Если вспомнить те чувственные культы, где в исступлении мужские органы отрезались в качестве жертвы тому или иному богу, то можно сказать, что иудейское обрезание, находясь в русле традиционных представлений, в то же время переосмысляет их совершенно по-новому. Здесь в качестве жертвы приносится лишь небольшой кусочек, отрезанный от креативного органа, в знак того, что сам глава рода, называемый патриархом, и всё его потомство, которое прорастет из его семени, из этого места, посвящается Богу.
/Женщина входит в Завет через брачное соединение/. Обрезание, как и любой иной символ жертвенного служения Богу, было прообразовательным приготовлением к христианскому представлению о жертвенности Самого Бога, и позже, уже в НЗ, св. ап. Павел применяет этот термин в духовном смысле, называя крещение «обрезанием сердца».

Примеч. В святоотеческой литературе можно встретить толкование обрезания как знака обуздания плоти. Подобное понимание вполне правильно в смысле прообразовательно-аскетическом, но никак не конкретно-историческом, ибо здесь, наоборот, привлекалось внимание к творящей плоти.

18-ая гл. кн. Бытия удивительным образом описывает посещение Богом Авраама и Сарры за год до рождения Исаака: «Явился ему Господь у дубравы Мамре... Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него... он побежал навстречу... поклонился до земли. И сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом. А я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши... и взял теленка... и поспешил

приготовить его... и поставил пред ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели.» /18, 1-8/. В этом описании соединилось земное и небесное; присутствие Бога явное, физически ощутимое, отношения с Ним родственные /образ: Бог, отдыхающий под деревом Авраама!/. Но самым необычным является игра форм единственного и множественного числа: Авраам видит трех, а говорит со странниками так, будто их то трое, то один; в буквальном смысле: 3=1. Некоторые отцы Церкви видели в этой картине Бога и с Ним двух ангелов /для этого тоже есть некоторые основания/, но большинство их считают это место прикровенным указанием на явление Бога-Троицы, самое очевидное во всем ВЗ. Христианское осмысление древнего сюжета, в котором Авраам и Сарра угощают под деревом трех таинственных странников, привело в итоге к традиции иконописи Троицы, кульминацией которой стало бессмертное творение преп. Андрея Рублева. Нелишне заметить, что ангелы в Быт. 18 и ангелы Рублева являются символическим описанием присутствия троичного Бога и по смыслу не имеют отношения к обычно нами понимаемым ангелам – сотворенным светлым духам.

Примеч 1. Можно недоумевать по поводу того, почему Троица является Аврааму именно в этот момент, ни раньше, ни после. Но нужно вспомнить о том, для чего Бог пришел к Аврааму. Он пришел не просто в очередной раз напомнить об обетовании, Он сказал, что на этот раз ребенок точно будет, т. о. посещение Божие принесло Аврааму и Сарре сверхъестественную благодать зачатия, а ведь брак – единение двоих – есть образ единения Троицы, так что всё удивительным образом сходится и посещение трех Ангелов становится первым постижением Бога как Любви...

Примеч 2. Рассмотрим икону Пресвятой Троицы. Три Ангела сидят за столом-престолом так, что вокруг них можно описать замкнутый круг, говорящий о внутренней гармонии Бога; а подножие их выполнено в виде «обратной перспективы», намекающей в иконописи, что не мы смотрим, а всматриваются в нас. На престоле чаша, в которой помещается кровавая плоть, иногда с абрисом человеческого лица. За спиной первого Ангела – фантастическое здание. Это мироздание, и первый Ангел символизирует Отца, Творца вселенной. За спиной третьего Ангела – скала, символ восхождения к

горнему миру, и потому этот Ангел намекает на Лицо Духа. А за вторым Ангелом – дерево с зеленой листвой – это известный библейский символ «процветшего древа», Креста, открывшего Воскресение. Второй Ангел, означающий Сына, тянет благословляющую руку к чаше, двое других преклонили главы в молчаливом согласии. Что же всё это значит? Бог в своей внутренней жизни есть совершенная гармония любви и самодостаточен. Но Он создает по любви человека, отпавшего и гибнущего. Чтобы его спасти, Бог в Своем предвечном совете решает Сам взять на себя дело спасения, что в конкретном времени, когда второе Лицо соединится с человеческой плотью, будет означать для Него чашу страдания, и только потом победу. Т.о. икона сия заключает в себе лаконичное выражение величественной и парадоксальной христианской веры.

«Отдохнув» у Авраама и упрекнув Сарру за недоверие к обетованию о сыне, странники следуют далее в Содом, и Господь, не желая «таиться» от Авраама, сообщает ему причину: «воплъ Содома и Гоморры велик и грех их тяжел весьма. Соиду и посмотрю, точно ли они поступают так» /18, 20-21/. Авраам, услышав это, начинает с Богом длинный молитвенный диалог: «неужели Ты погубишь праведного с нечестивым, и с праведником будет то же, что с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь всего места сего ради пятидесяти праведников, если они находятся в нем? Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного вместе с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли несправедливо? Господь сказал: если я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу весь город сей... Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять. Авраам продолжал говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю того и ради сорока. И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал, не сделаю, если найдется там тридцать. Авраам сказал: вот, я решился говорить

Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати. Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти. И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом» /18, 23-33/.

Мы специально привели столь длинный и замечательный отрывок. Обычно повторения в текстах Священного Писания связаны со стилистикой еврейского языка, но в данном случае они передают особенности молитвы Авраама. Мы помним, что Аврааму не нравится Содом – синоним греховного мира. Его не соблазнила обманчивая красота тех мест, как это было с Лотом, он презрительно отверг благодарность содомского правителя. Но в данный момент Авраам являет потрясающий пример молитвенного предстательства за чужих ему, в общем-то, людей. Молитва описана как своеобразный «торг», и мы не можем не увидеть в этом Божественную улыбку, радость за дерзновенное величие веры праведника не только в справедливого, но милосердного Бога. У этого рассказа, кроме того, есть еще и следующий духовный аспект. Наш мир, живущий в грехах и забвении Бога, стоит и движется только потому, что не исчерпывается запас Божественной благодати, не уничтожена пока благодатная «атмосфера». Это – заслуга немногих, но истинных молитвенников и праведников, чье добродетельное перевешивает всю самоубийственную злобу мира. «Десять праведников» – это образ минимальной святости, достаточной для удержания благодати. Не будет сего минимума – спасутся верные, но мир жить далее не сможет. В Содоме не нашлось и десяти...

В нашем сознании названия Содом и Гоморра ассоциируются с крайней формой половой развращенности, и различные половые извращения в аскетике называются содомскими. Однако происшедшее с Содомом не может исчерпывающим образом быть вписано в схему «Бог наказал содомлян за половые излишества»: во-первых, в мире различные блудные пороки были распространены повсеместно, но наказаны только Содом и Гоморра, а во-вторых, против такого примитивного понимания говорит сам библейский текст. Ангелы явления Божия приходят в Содом «вечером, когда Лот сидел у ворот... Лот... поклонился лицом до земли. И сказал: государи

мои! зайдите в дом раба вашего, и ночуйте, и умойте ноги ваши, и... поутру... пойдете в путь свой... И они пришли в дом его. Он сделал им пресные хлебы, и они ели. Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого... окружили дом. И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам, мы познаем их. Лот сказал им: братья мои, не делайте им зла. Вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего. Но они сказали... вот пришлец, и хочет судить? теперь мы хуже потупим с тобою, нежели с ними... И подошли, чтобы выломать дверь. Тогда мужи те простерли руки свои, и ввели Лота к себе в дом, и дверь... заперли, а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою... так что они измучились, искав входа. Сказали мужи те Лоту... кто бы ни был у тебя,, всех выведи из сего места. Ибо мы истребим сие место; потому что велик вопль на жителей его к Господу» /19, 1-13/.

Попробуем разобраться в этой ситуации. Мы видим отношение содомлян к Лоту: «пришлец - и хочет нас судить»; а между тем Лот там живет достаточно давно. Лот внутренне чужд им, ибо он благочестив и соседям своим ненавистен. Лот сам небезупречен: следуя древнему обычаю, предпочитает отдать им на поругание своих дочерей, хотя поступает так из жертвенных соображений. Но вот на что почти не обращают внимания: да, толпа собралась, чтобы надругаться над юными гостями Лота, но ведь это не юноши, а Сам Бог посетил Лота! Неужели же можно представить, что ангелы Господни специально притворились прекрасными юношами, чтобы распалить постыдные страсти содомлян и за это их уничтожить? На самом деле посещение Господом Содома описано так же символично, как Его предыдущее посещение Авраама и Сарры, когда Авраам «накормил» ангелов. В отличие от современников Ноя, лишь потешавшихся над его строительством, содомляне пытаются «познать» пришедших к Лоту ангелов Господних извращенным образом, при чем познание в Библии, как уже было сказано, является синонимом соединения. Значит, речь идет не столько о половой, сколько о духовной извращенности и ненависти. Характерно, что будучи ослепленными /опять же символ духовной слепоты/, они не

убежали, ужаснувшись и раскаявшись, а продолжают искать вход в дом Лота /"не отстанут от того, что задумали», как сказано о строителях Вавилона/. «Извращенная религиозность» – это сатанизм. ВЗ с отвращением относится к ряду древних духовных явлений, подпадающих под эту категорию. Это и тотальное увлечение магией, и религиозно-сексуальные оргии, и человеческие жертвоприношения, и просто атеистическое «хамство». А развращенность и жестокость в данном случае сопутствуют подобному образу жизни. Косвенно эти мысли подтверждает пророк Иезекииль: «Вот в чем было беззаконие Содомы... в гордости, пресыщении и праздности, и она руки ... нищего не поддерживала и возгордились они и делали мерзости пред Лицом Моим» /16, 49-50/. Мы не знаем, в какой именно форме процветал сатанизм в Содоме и Гоморре, но, очевидно, чаша терпения Божия оказалась переполненной, и подобное место, как рассадник духовного заражения, был уничтожен с лица земли. Вовремя спастись удалось только Лоту и его дочерям – ни зятям, принявшим весть о гневе Божиим за шутку, ни Лотовой жене, которая обернулась назад, нарушив главное условие. Подобный образ неверности часто встречается у древних: идя за Господом, нельзя жалеть о гибельной красоте и о презренном прошлом.

После катастрофы на Лота и его дочерей не смотрели, как на спасенных, а как на единственных жителей проклятого города, и никто не хотел жениться на них. Тогда они напоили родного отца и забеременели о него – в совершенном соответствии с ВЗ-ным представлением о родовом бессмертии.

Кульминацией духовного пути Авраама является событие, описанное в 22 гл. кн. Быт, после того, как Авраам и Сарра получили невозможное для своих лет – обетованного сына Исаака. Имя это означает «смех, радость» – возможно, Исаак так назван неслучайно: при последнем обещании Бога Сарра рассмеялась /см. 18 гл/, потом испугалась этого смеха, но теперь смех недоверия превратился в истинное радование. «Бог искушал Авраама и сказал ему... возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака... и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из

отроков... и Исаака... наколол дров для всесожжения, и... пошел на место, о котором сказал ему Бог... И взял Авраам дрова... и возложил на Исаака... взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму... вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца... сын мой... И пришли на место... и устроил... Авраам жертвенник, разложил дрова, и, связав сына своего, положил его на жертвенник поверх дров. И... взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам!... не поднимай руки твоей на отрока, и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога, и не пожалел сына твоего, единственного... для Меня. И... Авраам... увидел: позади овен, запутавшийся в чаще рогами. Авраам... принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего» /22, 1- 14/.

Описанное происшествие для христианского мышления являет определенный камень преткновения: как это Бог мог подвигнуть Авраама на подобную жестокость? При этом одни толкователи следуют букве текста: Бог просто решил испытать Авраама /а «искушение» и есть «испытание"/, а другие настаивают на аллегории: Аврааму показалось, что Богу была бы угодна подобная жертва, так что еще неизвестно, не Авраам ли искушал Бога. Однако случившееся нужно рассмотреть прежде всего в контексте эпохи. Как уже было сказано, одним из видов религиозной извращенности, распространенных в древности, был обычай человеческих и, в частности, детских жертвоприношений. Этот страшный культ обличается пророками Израиля VIII-VI вв., но во времена Авраама он был весьма распространен у окружающих народов, которые считали, что высшая жертва своему богу – чистое дитя. В наше время были раскопаны места со следами сожжения десятков детей. Историкам религии известны некоторые подробности этих обычаев: родители вели своего первенца на жертвоприношение, и по дороге ругали его, приписывая ему собственные грехи, как бы перенося их на него /не отсюда ли суеверный обычай ругать кого-то перед экзаменом?/. Завоевав Ханаан, иудеи обнаружили в долине Геенном подобный жертвенник и сделали там место для сжигания мусора /отсюда происходит название «геенны огненной» в НЗ/. Но в ранней истории Израиля мы находим отголоски культа заместительной человеческой жертвы.

Вернемся к Аврааму. Он имеет огромный опыт веры, предстояния пред Богом. Целью прихода в обетованную землю было рождение потомка, от которого произойдет многочисленный народ. Исаак родился, и цель, кажется, достигнута; и Авраама переполняет радость и благодарение за дарование сына. Но к этому времени сами отношения с Богом для Авраама стали важнее земного родового бессмертия, Бог стал дороже Исаака! И вера Авраама теперь испытывается в отношении жертвенности: ты всё получил от Бога; способен ли ты теперь всё отдать, чтобы быть с Богом? /Нечто подобное мы встречаем у Достоевского: «если бы мне доказали, что истина находится вне Христа, я предпочел бы остаться со Христом, нежели с истиною"/. И Авраам решает принести Исаака в жертву, чтобы доказать абсолютную значимость Бога. Но подсознательно в этой до безумия напряженной вере присутствует и другое: Бог милосерден и для Бога ничего невозможного нет. Отсюда и уклончивый ответ Исааку: «Бог усмотрит себе агнца» /19, 8/, и повеление слугам-отрокам: «останьтесь вы здесь, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам» /19, 5/. Верит Авраам, что Бог не откажется от обетования; как говорят Отцы, верил Авраам, что Бог воскресит Исаака. Поэтому попытка Авраама принести Исаака в жертву лишь внешне напоминает ханаанский культ, но обусловлена совсем иным побуждением. Конечно, Бог останавливает Авраама, Он не приемлет самого безумия, но тем не менее вера Авраама не просто испытана, а взошла на высший уровень – уровень жертвенности. Господь реагирует на это в характерных словах: «Мною клянусь, говорит Господь, что так как ты не пожалел сына твоего, единственного... для Меня, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря... и благословятся в семени твоем все народы земли» /19, 16-18/. Семя Авраама – это последователи трех «авраамитских» религий, которые, несмотря на принципиальные различия, едины в своем представлении о Боге Живом. Что касается Исаака, то он, безропотно отдающий себя на заклятие, рассматривается как прообраз Господа Иисуса. Так и хочется продолжить библейскую цитату: «за то, что ты не пожалел единственного твоего сына для Меня», то и Я не пожалею отдать Сына Своего для спасения людей.

3.4. Путь «от Иакова к Израилю»

Особое место в истории праотцев ВЗ занимает житие внука Авраама, Иакова. У Исаака и его жены Ревекки родилось двое близнецов, Исав и Иаков; Иаков вышел из материнской утробы вторым, но при этом держась рукой за пяту Исаву. Помня о том, чем является в Библии образ пяты, мы догадываемся, что Иаков, пользуясь слабостями Исаву, будет компенсировать свое второстепенное положение. «Стал Исав человеком, искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах. Исаак любил Исаву, потому что дичь его была по вкусу его, а Ревекка любила Иакова. И сварил Иаков кушанье, а Исав пришел с поля усталый и сказал... Иакову: дай мне поесть красного, красного этого /этими словами передается крайнее нетерпение/; ибо я устал... Но Иаков сказал Исаву: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве? ... Он поклялся ему и продал ... первородство свое Иакову. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы» /25, 27-34/. Первородство, проданное за чечевичную похлебку, стало с тех пор поговоркой. Из текста нам ясно, что Исаак и Ревекка сами невольно способствуют раздору между братьями, выбирая себе любимчиков. Иаков использует алканье Исаву как повод шантажировать его насчет первородства, для него почему-то очень важно, и, по-видимому, он не первый раз подступает к Исаву с этой просьбой. Ему не дает покоя тот факт, что он «второй из равных» /они близнецы/, он хочет быть первым, т.е. в будущем – старшим в семье. В момент слабости вполне земной Исав соглашается на это, он может постоять за себя и не строит хитроумных планов, ведь реально старшим, первым всегда будет он; какая ему разница – кем считаться. Для него чечевичная похлебка сейчас гораздо важнее исполнения Божиих обетований-благословений где-то в далеком будущем, и, отказываясь от первородства, он косвенным образом показывает свое безразличие к Богу. Но Иаков, вдохновляемый Ревеккой, на этом не останавливается: «Когда Исаак состарился, и притупилось зрение глаз его, он призвал старшего сына своего, Исаву, и сказал: сын мой! Тот сказал ему: вот я. (обычно мы при цитировании опускаем подобные обороты; «вот я» означает благоговейное предстояние /пред Богом, пред отцом и др/ в ответ на призыв). Исаак сказал: ...я состарился: не знаю дня смерти моей; возьми теперь орудия твои...

налови мне дичи, и приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру (совместное вкушение трапезы – древняя сакральная тема, но, кажется, и Исаак, и Исав заняты больше ее гастрономическим аспектом). И пошел Исав в поле. Ревекка слышала, когда Исаак говорил сыну своему Исаву... Ревекка сказала... Иакову: пойдя в стадо, и возьми мне оттуда два козленка молодых... и я приготовлю... отцу твоему кушанье, какое он любит, а ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя перед смертью своею» А т.к. Исав был весьма космат, то Ревекка не только одела на Иакова одежду Исава, но его руки и гладкую шею обложила козлиной кожей. Иаков вошел к подслеповатому отцу с кушаньем, выдал себя за Исава и обманным образом получил благословение. Вернувшись, Исав, а вслед за ним и сам Исаак с ужасом узнают, что Иаков отныне благословлен быть первым в семье, а Исав должен во всем ему служить, и это Богом положенное благословение Исаак отменить не в силах. /27, 11-40/. Обратим внимание на то, что для Иакова и для Ревекки, его вдохновляющей, первородство – земное, «юридическое» право старшинства и владения имуществом, его недостаточно, а вот благословение – это своеобразная магическая формула, способная Иакова защитить; о Боге как источнике этого благословения они и не вспоминают /характерно Иаков говорит отцу в /27, 20/: «Господь Бог твой послал мне навстречу...» – твой Бог, я его не знаю/. Дважды обманутый Исав возненавидел Иакова и собирается его убить сразу по смерти отца. Ревекка узнает об этом и решает отправить любимого сына к своему брату Лавану в Междуречье. Как это часто бывает в жизни, бездуховно живущий Иаков терпит поражение от более сильного, едва не погибает, и обманом взятое благословение превращает его жизнь в многолетнее изгнание, а жизнь Ревекки – в страдание (здесь нельзя не усмотреть аналогии с перволюдьми: «думали – боги, а узнали, что наги»). Но Иаков – внук Авраама, и Бог замечает в нем удивительные упорство и изворотливость для достижения поставленной цели, и Он решает использовать эти качества Иакова в Своем плане, чтобы Иаков на самом деле понял, что это за благословение и от Кого оно исходит. Тернистый путь Иакова промыслительным образом становится путем святости, на котором хитрый молодой человек превратится в

известнейшего праведника ВЗ.

Во время бегства к Лавану, в местечке Вефиль, Иаков во сне увидел необычную картину: «лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и... ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я... Бог Авраама и Бог Исаака, не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему... И вот, Я с тобою, и сохраню тебя везде... и возвращу тебя в сию землю...» Иаков пробудился... и сказал:... как страшно сие место... это Дом Божий, это врата небесные» /28, 12-17/.

Видение небесной лестницы, по которой между Богом и землей снуют ангелы – это прекрасный гимн заботе Творца, это древнеизраильский образ Божественного смотрения за своим народом. Но в христианской перспективе лестница Иакова стала двузначным прообразом: Христа, Который станет путем, ведущим во «врата небесные», но более – Пресвятой Девы, ставшей «лествицей», по которой в мир пришел с неба Спаситель, дабы нас на небо возвести. Это первое явление Бога Иакову, и он потрясен откровением.

Дядя Иакова Лаван оказывается куда большим обманщиком, чем Иаков. Желая в своем доме быть старшим, Иаков попадает в семилетнюю кабалу, влюбившись в дочь Лавана красавицу Рахиль. Но в ночь свадьбы в темноте Лаван подсовывает Иакову ее некрасивую сестру Лию, и наутро Иаков узнает об обмане /Иаков не раз на себе будет испытывать рецепты собственного прошлого/. «Окончи неделю этой; потом дадим тебе и ту, – говорит Лаван и добавляет, – за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет». /29, 27/. Т. о., Лаван решил «убить двух зайцев»: во-первых, пристроил в браке Лию /в этом – трогательная забота отца, чтобы ни одна дочь не осталась без сожития и потомства/, а во-вторых, закрепил за своим хозяйством ценного и выносливого работника. Иаков смиренно принимает испытание – видно, это уже во многом другой человек.

Через много лет разбогатевший Иаков, устав от постоянных ссор со своим дядей, получает от Бога повеление возвратиться на родину. Иаков бежит от Лавана со всем своим семейством /две жены, четыре наложницы, дюжина детей, множество скота/, но он между Сциллой и Харибдой: дома его ждет свирепый брат. Иаков высылает навстречу

Исаву гонцов с подарками, и в ночь перед встречей с ним в местечке, которое получит название Пенуэл, он испытывает присутствие Незримого: «остался Иаков один. И боролся некто с ним, до появления зари; и увидев, что не одолевает его... повредил сустав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков... скажи мне имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? Оно чудно. И благословил его там. И говорил /Иаков/... я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя (так выражено изумление древнего человека перед тем, что Бог, будучи Огнем сжигающим, позволяет человеку приблизиться к Себе). И хромал он на бедро свое... доныне сыны Израилевы не едят жиры, которая на суставе бедра, ибо Боровшийся коснулся /ее/. /32, 24-32/.

Некто борется с Иаковом, и этот Некто – Бог! Напряженная молитва Иакова описана как борьба с Богом, и борение это необычно: то Бог одолевает Иакова и повреждает ему бедро /Иаков «захромал» после встречи с Богом – образ выстраданного смирения: каждый жизненный шаг болью напоминает о Боге/, то Иаков не отпускает Бога, пока не получит Его благословения. Перед решающей встречей с братом, фактически перед лицом возможной смерти, Иаков испрашивает истинное Божие благословение. Иаков стал праведником, достойным продолжателем упования Ноя и Авраама; и в знак признания его праведности ему дается новое имя – Израиль, что одновременно можно перевести и как «борющийся с Богом», и как «возлюбленный Божий». Таинственную борьбу в Пенуэле можно понимать как борьбу Бога с Иаковом за самого Иакова. Эта же черта станет особенностью ВЗ-ной истории народа Израиля, получившего свое название от Израиля-Иакова.

После такого откровения Иаков бесстрашно отправился навстречу с Исавом. Но Исав, оказывается, давно всё ему простил. Да и как не простить: ведь в доме хозяином стал именно Исав, и ему больше ничего не нужно. Но и Иаков, будучи материально не беден, именно в Боге нашел свое богатство, первенство и благословение, и

ему не нужно Исавова добра. Они братски обнялись после стольких лет разлуки, но их духовные интересы более не пересекутся, тем более, что Исав тяготеет к соседнему язычеству.

На этом эпизоде жизненные испытания Иакова не кончаются. Ему предстоит пережить горе, когда его сыновья расскажут ему о мнимой смерти Иосифа, который был его любимцем, как некогда он сам для Ревекки, и принесут ему его якобы растерзанные одежды, как и он когда-то пришел к Исааку в одежде брата. Ему предстоят годы голода и нужды и вынужденная эмиграция в Египет. Но он выдерживает всё это и умирает почетным патриархом /родоначальником/ Израиля, от двенадцати сынов которого происходит 12 колен Израилевых.

Книга Бытия заканчивается известным повествованием об Иосифе, его благочестии и страданиях, о его величии при дворе, когда он стал вторым человеком в стране после фараона. Благодаря высокому положению Иосифа весь род Израиля (Иакова) поселился в Египте и зажил вполне благополучно.

Тема 4. Моисей и Божественный закон

4.1. Жизнь Моисея

Но в начале кн. Исход, второй в Пятикнижии, мы застаем еврейский народ в тяжелом положении. Иногда это связывают с тем, что во времена Иакова в Египте правили завоеватели из семитского племени гиксосов, родственного евреям и благорасположенного к ним, а когда к власти вернулась исконно египетская династия, ее правители усмотрели в евреях союзников ненавистных врагов. Так это или нет, но в XIII в. до Р.Х. знаменитый фараон Рамзес II-ой задумал уничтожить потомков Иакова, для чего, во-первых, заставил их в тяжелейших условиях строить пирамиды, а во-вторых, издал страшный указ о убиении всех рождающихся младенцев мужского пола. В это время и рождается великий Моисей, чудесным образом спасенный самой фараоновой дочерью и воспитанный при египетском дворе. Ап. Павел говорит, что Моисей был научен всей мудрости египетской. Но что есть сия мудрость? Вряд ли речь идет о технике орошения полей водами Нила. Мудрость Египта – это прежде всего его религиозная система. (Высказывалось предположение, что

Моисей мог стать египетским жрецом). Египетскую религию часто называют язычеством, но это несправедливо. Язычество всегда является результатом духовной безграмотности, но в чистом своем виде религия Египта состояла из четырех положений:

1. вера в единого Бога-Творца, достойного благодарения
2. понятие о Божественном воздаянии каждой душе в зависимости от исполнения ею нравственного закона
3. вера в победившего смерть божественного Осириса
4. вера в загробную жизнь и в собственное телесное воскресение.

Т.о., возрастание Моисея в Египте, который в духовном отношении являлся преемником «райского» Откровения, оказалось промыслительным. С другой стороны, скорее всего от родной матери, выдававшей себя за простую кормилицу, Моисей знал о своем еврейском происхождении и о Божественном обетовании Аврааму. Став взрослым, он не мог более оставаться равнодушным к страданиям своего народа. Однажды, увидев, как надсмотрщик избивает раба-еврея, он вступился за него и был вынужден убить египтянина. В другой раз он попытался разнять двух ссорившихся евреев, но один из них ответил: «кто поставил тебя начальником и судьей над нами? не думаешь ли убить меня, как убил вчера египтянина?» /Исх. 2, 14/. Наверное, это был первый из многих последующих случаев, когда Моисей убедился в неблагодарности своих соплеменников; в слепоте своей они не способны увидеть главную причину порабощения в забвении Бога и разобщенности. Испугавшись разоблачения, сорокалетний Моисей бежит в соседнюю Мадямскую землю. Сорок – это символическое число, означающее завершенность, полноценность некоего жизненного этапа; оно часто встречается в Библии и вряд ли соответствует точному календарному сроку. Жизнь Моисея также символически разбита на три периода: 40 лет жил в Египте до бегства, еще 40 лет жил в изгнании до получения Откровения и 40 лет водил евреев по пустыне. В мадиамской земле Моисей женился на Сепфоре, дочери Иофора, который, как и Мелхиседек, являлся священником истинного Бога. Все годы вынужденного изгнания Моисей пас овец у своего тестя. Но судя по всему, его никогда не оставляло желание помочь своему народу. Пребывание в пустыне перед призванием на служение – частый сюжет в библейской истории. Находясь один под огромным

небом, особенно ночью, праведный человек переживает величественную непостижимость Бога. Однажды, находясь у горы Хорив, Моисей увидел терновый куст, объятый необычным пламенем и не сгоравший куст /по-славянски «неопалимая купина"/. «Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я, Господи! /образ готовности: «вот я весь пред Тобою"/ И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь свою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая... Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Исаака и Иакова. Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога». /3, 4-6/ Видение Моисея оказалось фоном со-беседования с Богом, а сам несгорающий куст стал многоплановым прообразом: и Израиля, страдающего, но не уничтоженного, и Церкви, которая непобедима, и двухприродности Христа, и приснодевства Марии.

Господь сообщает Моисею, что Он, «услышав вопль» народа Израиля, идет избавить его от египетского гнета, для чего Ему нужен верный исполнитель – Моисей. Призвание Моисея удивительным образом описано в виде диалога Бога и Моисея, в котором Творец уговаривает Моисея взяться за этот подвиг, а Моисей всячески отказывается. «Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести сынов Израильских?» – «Не бойся, Я буду с тобой». «Кто поверит в это?» – «Ты поразишь их чудесами». «Но фараон меня не слушает.» – «Я поражу Египет казнями Моими и фараон отпустит вас». «Но я человек не речистый и косноязычен – как мне говорить с евреями?» /есть древний апокриф о том, что Моисей в детстве обжег язык горячим углем и потому стал «гугнив"/ – «Брат твой Аарон будет растолковывать людям то, что Я скажу тебе». /см. 3-4 гл./ Наконец, Моисей пытается «искусить» Бога еще одним вопросом: «вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «как Ему имя?» Что сказать мне им?» Ранее на вопрос о Своем имени Бог не ответил Иакову. Но ныне Моисею Он отвечает: «Я есмь Сущий /Ягвэ/...скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам». /3, 13-14/. Так впервые в Библии было произнесено главное ВЗ-ное имя Бога, приоткрывающее Его таинственность: Он есть «Сущий», точнее с еврейского: Он есть Тот, Кто есть. За этой кажущейся тавтологией скрывается глубокий смысл. «Сущий» – это причастие от глагола «быть». Обычно поэтому

говорится о том, что Бог-Ягвэ /лат. Иегова/ есть Источник или Податель всякого бытия. Но по сути дела не было бы никакого нового откровения в том, что Бог является Творцом и Первопричиной всякой тварного бытия – это аксиома истинной религии. Необходимо более пристально приглядеться к таинственной тетраграмме IХVХ: «Я есть Тот, Кто есть». Во-первых и в главных это означает, что Бог является истинным Бытием, единственной Реальностью, по сравнению с которой всё не столь реально или не реально вовсе. Всё обретает реальность, настоящее бытие только в той мере, в какой причастно бытию Сущего. Только Он «есть» по-настоящему. Во-вторых, в этом имени можно усмотреть надвременный аспект: в отличие от преходящего мира Он «есть» всегда. В отличие от нашей жизни, в которой каждый будущий миг превращается в прошедший, у Бога всегда «настоящее» время, настоящая жизнь. В-третьих, обратим внимание на слово «Тот». В индуизме человек говорит Божеству: «Ты еси То», и высшим качеством Его считается безличность. Но Бог Авраама и Моисея – не океаническая бездна, Он есть высшая Личность, обладающая мыслью, волей, и, если можно так выразиться, характером. В библейской религии нельзя спросить «что есть Бог?», но только «Кто есть Бог?». Пред Единым Личностным Богом праведный человек «говорит лицом к лицу». В будущем подобное представление развилось в знание о «человечности» Бога. Моисей, ответив Божественному призыванию, созвучному его собственному чаянию, оказался перед сложнейшей задачей. Вначале ему предстояло убедить соплеменников в своем Божественном посланничестве и пробудить в них веру в избавление от рабства, духовного и физического. Вероятно, далеко не все и не сразу потомки Иакова поверили Моисею и увидели в нем желанного избавителя. Затем наступило время, когда Моисей вместе со своими помощниками стал приходить к фараону во дворец и бесстрашно требовать отпустить народ Израиля уйти в пустыню хотя бы на несколько дней, чтобы он совершил праздник своему Богу. Но фараона не убедили ни чудеса Моисея, которые были повторены египетскими чародеями, ни даже «казни Египетские» – многочисленные природные бедствия и эпидемии, которые по молитве Моисея Бог наводил на Египет. После этих «казней» сердце фараоново более ожесточалось, и результат получался обратный –

правитель усиливал репрессии в отношении евреев. С психологической точки зрения это понятно – фараон не может признать своей неправоты, ведь он мнит себя божественным; он не может также поверить в то, что бог Египта может уступить суевериям жалких иноплеменников, которых вполне могли считать колдунами, наводящими зло на египтян. Однако многим непонятны слова о том, что именно Ягвэ совершает это «ожесточение»: «И сказал Господь Моисею: когда пойдешь... в Египет... все чудеса... сделай пред лицом фараона. А Я ожесточу сердце его, и он не отпустит народа.» /4,21/ Почему Ягвэ ожесточает сердце фараона? Для того, чтобы последующее освобождение от рабства было воспринято не как закономерное следствие испуга фараона перед бедствиями, испуга, который может быть объяснен естественными причинами, и не как горделиво и магически воспринятая победа Бога Израиля над другими богами, но как явное чудо Божие, совершившееся вопреки очевидному ходу событий. Ведь даже после того, как фараон, потрясенный гибелью всех египетских первенцев, в т.ч. и своего наследника, растерявшись, отпустил евреев, он, опять же «ожесточенный Богом Сущим», погнался через несколько дней за народом-беженцем.

В ту ночь, когда, по повелению Моисея, евреи должны были совершить исход из Египта, они первый раз совершили Пасху /евр. «пейсах» означает «прохождение мимо"/. Для этого приготовили в пищу закланного агнца, не имеющего изъяна («беспорочного»), не ломая ему костей, в соусе из горьких трав /образ страдания/, обмакивая в солило «опресноки» – пресные хлебы /образ нравственной чистоты/; ели стоя, препоясавшись, всем своим видом символизируя готовность к следованию за Богом. С тех пор Пасха стала для евреев праздником избавления от египетского рабства, но в дни земного страдания Господа Иисуса Христа она неожиданно приобрела прообразовательный смысл. Вслед за Моисеем, судя по тексту, из Египта вышло 600 тыс. мужчин, поэтому, с учетом женщин и детей, всего ушло около 2-х млн. человек. Впрочем, возможно, эти цифры преувеличены.

Опомнившись, фараон (как считается, Мернептах), не желая упускать дешевую рабскую силу, погнался за евреями с огромным

войском и догнал беглецов в тот момент, когда они расположились станом перед Красным /по слав. «Чермным"/ морем. Окруженные с остальных сторон горами, евреи впервые пожалели о том, что доверились Моисею, и приготовились к худшему. И тут Ягвэ являет чудо: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше ... Погнались египтяне, и вошли за ними в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его... И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась в свое место; а египтяне бежали навстречу воде. Так потопил Господь Египтян среди моря ... не осталось ни одного из них». /14, 21-29/. (Иногда отцы Церкви говорят о том, что Моисей, веля жезлом воде сначала расступиться, а затем собраться, сделал вертикальное и горизонтальное движения, т. е. пророчески начертал крест.) Ученые высказывают две естественнонаучные гипотезы того, что именно произошло по молитве Моисея. Возможно, речь идет о том, что случился отлив, а когда египтяне пошли по броду, вода вернулась на свое место. Вторая версия, зная то, что Красное море во многих местах заболочено, предполагают, что тяжелое фараоново войско увязло в топях. Косвенно об этом может говорить стих /14, 25/: «И отнял /Господь/ колеса у колесниц их, так что они влекли их с трудом». Так или иначе, но израильтяне были потрясены свершившимся. Они сумели увидеть в этом не просто чудо Божьего избавления, а чудо реального присутствия Бога и участия Его в их исторической судьбе. Сущий на небесах явил Свою близость, и забыть теперь этого уже было нельзя. В дальнейшем пророки Израиля, призывая народ к покаянию, неизменно напоминали ему о неоспоримом чуде перехода через Красное море. (И сегодня в Церкви каждый канон начинается с ирмоса на эту тему: «Яко по суху пешешествовав Израиль, по бездне стопами...», «Колесницегонителя фараона погрузи» и т.д.). Вся история народа Израиля началась с чуда Божьего явления. И потому специфика формирования этого народа в том, что он образовался прежде всего не по территориальному или экономическому признаку, и даже не по кровному: к примеру, не все евреи стали Израильтянами, а только те, кто вышел из Египта за Моисеем. Народ этот сформировался преимущественно по религиозному признаку.

Этимологически «еврей» скорее всего происходит от «ибри» – кочевник, но в библейском смысле еврей это тот, кто верует в единого Бога Ягвэ, открывшегося Аврааму, Исааку, Иакову, а теперь еще и Моисею.

Согласно кн. Исход, Моисей по воле Бога водил евреев по пустыне сорок лет. Маршрут этого путешествия, прослеженный по карте, оказывается по сути замкнутой кривой. Значит, задача, поставленная перед Моисеем, была не в том, чтобы быстрее достичь обетованной земли, а в том, чтобы в пустыне родилось и окрепло новое поколение народа Израиля, способное выживать в труднейших условиях, и, самое главное, не знающее о Египте. Что касается людей, вышедших из Египта, то несмотря на многочисленные чудеса, явленные им от Бога /описаны в кн. Исход/, они, подобно Лотовой жене, постоянно жалели о прошлом, роптали на Бога и малодушно упрекали Моисея: «зачем ты вывел нас из Египта? Ведь там мы ели много мяса».

Великому пророку приходилось сталкиваться не только с малодушием и неблагодарностью спасенных евреев, но особенно с рецидивами идолопоклонства и даже с восстаниями, одно из которых вдохновлял его родной брат Аарон, ставший в Израильском стане первосвященником. Это поколение не увидело новой жизни. Не вошел в землю обетованную даже сам Моисей, которому однажды передано было маловерие народа. Но самым значительным событием этого многолетнего странствования стали дарованные Богом Моисею знаменитые десять заповедей, которые полагается знать наизусть каждому христианину.

4.2. Десять заповедей

В 19 гл. кн. Исход повествуется о том, как Моисей, повелев народу, расположенному станом у подножия горы Синай (она же Хорив), совершить обряды освящения, взошел на вершину горы «в сретенье Господу», явление Которого сопровождалось громом, молниями, густым туманом, трубным звуком и землетрясением. В дальнейшем Моисей неоднократно восходил на Синай для собеседования с Ягвэ, и когда он приходил обратно, лицо его так сияло духовным светом, что евреи, боясь на него взглянуть, просили его покрыть голову покрывалом. А в самый первый раз Ягвэ вручает Моисею скрижали Завета, содержащие десять религиозных заповедей /см. Исх. 20:1-17,

Втор. 5:6-21/:

1. Слушай, Израиль! /обращение ко всему народу/ Я – Ягвэ, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя богов иных пред лицом Моим.

Первая заповедь сама по себе является формулой Завета-союза между Ягвэ и народом Израиля, в основание которого положено чудо избавления от египетского рабства, не столько даже само избавление, сколько явное Божественное присутствие. Помня о том, что Сущий реален и верен Своим обетованиям, народ так же должен явить верность Богу и готовность исполнить Его волю. Рядом с Его реальностью любой языческий божок нелеп, и поклонение ему является греховным безумием, которому подвержены окружающие народы, обожествляющие природу, космос и человека и не способные узреть за всеми явлениями трансцендентное бытие Творца.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения Божества, не поклоняйся и не служи идолам.

Во-первых, изображение Божественного таит опасность идолопоклонства, а во-вторых, Бог непостижимо глубок и потому неизобразим. Праведники часто «видят» Бога или «слышат» Его, но это духовное видение и слышание. Даже Моисею было позволено увидеть Бога только «со спины» /Исх./

3. Не произноси имени Господа твоего напрасно.

Дело в том, что имя Господа (Ягвэ) является символическим отображением Его сущности, а в сущности Своей он есть «огнь пополающий». Назвать Бога по имени возможно только тогда, когда израильтянин, собираясь молиться, предстает пред Ним лицом к Лицу.

4. Помни священный субботний день; все дни делай свои дела, но седьмой день – суббота Господу Богу твоему.

Суббота /от евр «шаббат», покой/ – это великий еженедельный праздник вхождения в «покой Божий». Это день, когда должно быть отложено «всякое земное попечение», чтобы ничто не помешало благочестивому еврею ощутить близкое присутствие Бога, насколько это возможно в мире до Его воплощения.

Первые четыре заповеди выстраивают отношение человека к

Богу. Остальные шесть касаются отношений между людьми:

1. Почитай отца и мать, чтобы было тебе хорошо и чтобы ты был долголетен на земле.

Это единственный случай в декалоге, когда разъясняется цель заповеди, причем цель вполне практическая: твои дети отнесутся к тебе так же, как ты относился к своим родителям. Скорее всего, в этой заповеди заключена определенная полемика. Для современного россиянина, часто равнодушного к старшим, призыв почитать родителей может звучать просто как мудрое Божественное повеление. Но в древности, как и до сей поры на Востоке, родителей не просто почитали, им, особенно отцу, религиозно поклонялись. (Например, в древнем Китае долго не хоронили отца семейства, а бальзамировали его, относили в специальное помещение в доме и в дальнейшем ходили к нему молиться и советоваться.) Заповедь словно говорит еврею: «подобных крайностей не нужно; родителей ты обязан уважать и беречь».

2. Не убей.

Речь идет о недопустимости посягать на жизнь другого человека вообще. В первую очередь это касалось убийства по причине зависти, ненависти, воровства и т.п. Заповедь не касалась справедливого отмщения, войны, смертной казни и подавления восставших против Бога.

3. Не прелюбодействуй.

Хотя институт брака в ВЗ был далек от христианского и позволял до определенного времени многоженство, измена благословенной Богом любви и осквернение чужого супружеского ложа считались смертным грехом.

4. Не кради.

Воровать – величайший грех. Змей проник в Эдем именно воровским образом. Имущество, как это потом станет очевидно из всего ВЗ-ного учения, дано человеку Богом для того, чтобы он им правильно и добродетельно распорядился. Имущество – это средство, необходимое для земного труда и духовного совершенствования. Чужая вещь принадлежит другому по благословию, а вору принесет только огорчение.

5. Не лжесвидетельствуй.

Если учесть, что весь необходимый для исполнения Закона суд основан на свидетельских показаниях, то ложный свидетель грешит как пособник сатаны в борьбе против Божественного средства спасения. Вспомним, что в неправедном суде над Господом Иисусом одну из главных ролей сыграли лжесвидетели.

6. Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ни скота его, ничего из того, что у него есть.

Весьма любопытно, что последней оказывается заповедь, запрещающая не дело, а лишь желание чужого и зависть. Поистине, начала аскетической борьбы с помыслами и сердечными страстями мы встречаем в первых же главах ВЗ. Сия заповедь показывает, что мысленные грехи вовсе не маловажны.

В светском мире об этих заповедях часто говорят как об универсальных нравственных принципах, которыми может жить даже неверующий человек. В сер. XIX в. археологи раскопали древний Вавилон и, в частности, обнаружили кодекс царя Хамураппи, который как минимум на 400 лет старше синайского десятисловия, в связи с чем недобросовестная критика стала обвинять Библию в заимствованиях. Уже в наше время проповедники кришнаизма утверждают, что в Гите, написанной много раньше Библии, «всё это уже давно есть». Поэтому нам необходимо выяснить, в чем именно заключается уникальность десятисловия.

Наивно было бы полагать, что только в XIII в. до Р.Х. и только израильтянам вначале была открыта греховность убийства, воровства, прелюбодеяния и т.д. Это знание сохранялось в человечестве со времен Адама; ап. Павел говорит в связи с этим о законе совести, написанном у язычников в их сердцах. Но отличительная особенность синайского декалога в том, что все нравственные заповеди обуславливались авторитетом первой заповеди, которой меряется их истинное понимание: «не убей, ибо, ты отнимаешь жизнь, которую Ягвэ дал, и только Он может забрать»; «не прелюбодействуй, ибо ты грешишь против брака, благословленного Ягвэ», «чти родителей, ибо они стали посредниками в том, что Ягвэ привел тебя из небытия в бытие»... Можно сказать, что в каждой заповеди присутствует сам Бог, живая

память о Нем. Только тому, чья вера озарена дыханием Бога Живого, очевиден глубокий смысл понятий «священного дара жизни», «святости брака», «неприкосновенного права собственности», обязанности говорить на суде «правду и только правду» и др.

Десять синайских заповедей легли в основание религиозного Закона, и в дальнейшем, из-за необходимости подробно интерпретировать его применение в разных случаях, на этом основании было надстроено еще несколько сот «статей» Закона; всего же их 613. А т.к. Израиль изначально был задуман как теократическое общество, то гражданского законодательства в нашем понимании не существовало; и даже те законы, которые появлялись со временем и касались конкретных исторических обстоятельств, «автоматически» получали Божественный авторитет. Кроме десяти заповедей, которые в основном носят запретительный характер (это первая воспитательная фаза), в Законе мы встречаем множество высказываний побудительного характера. В Евангелии Господь говорит, что вся суть Закона состоит в двух заповедях: «возлюби Бога всем сердцем своим, всем помышлением твоим» и «возлюби ближнего, как самого себя», и эти заповеди процитированы Им из Пятикнижия. Правда, в дохристианские времена смысл обоих этих утверждений отличался от евангельского: любовь к ближнему предполагала, что сей ближний есть только израильтянин, и при этом он не сделал тебе зла или ущерба; любовь к Богу означала послушание в исполнении Его заповедей. В том же Законе мы находим другое известнейшее поучение, которое иногда называют «золотым правилом нравственности»; оно существует в двух формах:

1. Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой;
2. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Эти мудрые слова не охватывают весь драматизм битвы сил добра и зла, но в определенной степени способствуют духовному равновесию.

4.3. Законодательство

Рассмотрим подробнее некоторые законы, каждый из которых имеет отношение к одной из десяти заповедей. Может показаться странным, что в качестве наказания за преступление Закон требует

либо смертной казни (побивания камнями) – когда прямо нарушается заповедь декалога, и грех считается смертным, либо, в менее значимых случаях, – возмещения ущерба в адекватном размере. Нет тюрем, нет изгнания – только смерть или штраф, выражающийся отнюдь не обязательно в деньгах. Смертная казнь оправдана только в ВЗ-ном теократическом обществе: если человек смертно согрешил, то он отвержен Богом, и в жизни, Им дарованной, ему нет удела. И если одни законы Пятикнижия могут показаться жесткими и в чем-то устаревшими, то другие и сегодня удивляют своей мудрой последовательностью и благородством.

«Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти. Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть ему под руки его, то Я назначу ... место, куда убежать убийце. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно и прибежит к жертвеннику, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.» /Исх. 21, 12-14/
Законом определялись города-убежища, и невольный убийца мог найти там приют от мести родственников убитого, если успевал добежать и коснуться жертвенника.

«Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти. Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти.» /Исх. 21, 15,17/

«Когда ссорятся двое, и один человек ударит другого камнем или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель, то если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший его не будет повинен смерти, только пусть заплатит за остановку в работе его и даст на лечение его... Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины... А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.» /Исх. 21, 18-19; 22-25/. В случае нанесения ущерба применялся принцип равного воздаяния: «око за око, зуб за зуб», и его духовный смысл не имеет ничего общего с кровной мстью. Человек не побуждался ко злу, а предупреждался об ответственности: «если ты собираешься повредить другому, то в той же мере поступят с тобой». Это относится и к краже имущества, и

даже к бешенству скота: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть, а хозяин вола не виноват. Но если вол бодлив был вчера и третьего дня, и хозяин ... не стерег его ... то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти. Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него. Сына ли забодает, дочь ли ... - по сему же закону поступать с ним» /Исх. 21, 18-31/.

Строго и бескомпромиссно Закон относится к идолопоклонству, язычеству, кощунству и магии: «Ворожей не оставляй в живых... Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» /Исх. 22, 18, 20/.

Как было уже сказано ранее, ВЗ-ный иудаизм разделяет отношение к иноземцам и соплеменникам. Лишь последние попадают в категорию «ближних». Неравные условия жизни могли приводить к тому, что некоторые евреи оказывались в долговой зависимости и попадали в экономическое рабство. Тем не менее Закон ограничивал хозяйскую власть, что особенно заметно на общем фоне древнего отношения к рабам:

«Если купишь раба еврея, пусть он работает тебе шесть лет, а в седьмой год пусть выйдет на волю даром. Если он пришел один, то пусть один и выйдет. А если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его. Если же господин его дал ему жену, и она родила ему... то жена и дети ... пусть останутся у господина ее, а он выйдет один. Но если раб скажет: «люблю господина моего, жену мою и детей моих; не пойду на волю», то пусть господин его приведет его пред /судьями/, и ... проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно.

Если кто продаст дочь свою в рабыни, то он не может выйти так же... Если она не угодна господину своему, и он не обручит ее, пусть позволит выкупить ее, а чужому народу продать ее ... не властен, когда сам пренебрег ее. Если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей. Если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития. А если он сих трех вещей не сделает для нее, пусть она отойдет даром, без выкупа.» /Исх. 21, 2-11/. («Три вещи» - это описанные выше три ситуации.) Попутно обратим внимание на характерную черту: каждая

женщина должна пройти через брачное ложе (войти в Завет через обрезанного мужа и рожать детей, обетованных еще Аврааму).

«Кто украдет человека из сынов Израилевых и, поработив его, продаст его ... то должно предать его смерти... Если кто ударит раба своего или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан. Но если они день или два переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро. Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку ... и повредит /глаз/, пусть отпустит их на волю за глаз». /21, 16, 20-21, 26/

Закон повелевает быть милосердным: «Пришельца не притесняй ... ибо сами вы были пришельцами в земле Египетской... ни вдовы, ни сироты... Если же ты притеснишь их ... то Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой... Если даешь займы бедному из народа Моего, то... не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров его ... Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста... оставь это бедному и пришельцу. Я Господь, Бог ваш ... Не обижай ближнего твоего. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра...» /Исх. 22, 21-27, Лев. 19, 9-15/. Как тут не вспомнить сталинское голодное время, когда расстреливали за подобранную на колхозном поле картошку. Как не подумать о современных директорах, годами не выплачивающих зарплату!

Божественное воспитание народа законом предполагает правосудие и истинное свидетельство. Тесть Моисея Иофор однажды предложил Моисею судить самому только наиболее важные дела, а остальные распределить между начальниками разных уровней, выбрав для этого бескорыстных людей /Исх. 18 гл/. Специальные законы посвящены их деятельности. «Не внимай пустому слуху, не давай руки своей нечестивому, чтобы быть свидетелем неправды... Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых.» /Исх. 23, 1,6,8/. Но, с другой стороны, «и бедному не потворствуй в тяжбе его» /21, 3/, ведь бедность не означает обязательного благородства. И наконец: «не ходи переносчиком в народе твоём» /Лев. 19, 16/, – Закон не

оставляет без внимания и «стукачей».

Целый пласт неоднократно высказанных запретов и постановлений касается темы брака и половых отношений. Кроме прелюбодеяния /измены/, особенное внимание обращалось на любое блудодеяние, которое в большинстве случаев наказывалось смертью.

«Если обольстит кто девицу не обрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено и возьмет ее себе в жену. А если отец ... не захочет выдать ее за него, пусть заплатит отцу...» /Исх. 22, 16-17/ «Если кто возьмет жену, и войдет к ней, и возненавидит ее, ...и пустит о ней молву /что/ не нашел у нее девства, то отец отроковицы и мать ее пусть ... вынесут признаки девства ... к старейшинам города ... наложат на /мужа/ сто сиклей серебра пени ... отцу отроковицы; она же пусть останется его женою, и он не может развестись с нею во всю жизнь свою. Если же сказанное будет истинно ... то отроковицу ... приведут к дверям дома отца ее, и жители города ... побьют ее камнями до смерти, ибо она ... блудодействовала в доме отца своего... Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих... Если будет молодая девица обрученная мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти... Если же кто в поле встретится с отроковицей обрученной и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину... а ... на отроковице нет преступления ... ибо хотя отроковица /в поле/ кричала, но некому было спасти ее» /Втор. 22:13-27/.

Под страхом смерти были запрещены скотоложство /грех соединения со смертной душой/, мужеложство /извращение смысла и задачи брака/ и кровосмешение, причем под последним понимались, к примеру, отношения между сыном и любой женой или наложницей отца, рассматривавшиеся как осквернение отцовского ложа /это продолжение мотива поведения Хама/.

Специальные законы касались границ между коленами и семьями, причем рекомендовалось не передвигать между, установленную отцами /см. Втор. 19, 14/, о воинской повинности и отсрочке от нее молодому мужу, пока не насладится браком / Втор. 24:5/ и др. Один из интереснейших обычаев запечатлен в законе о назорействе. Любой мужчина в Израиле мог на определенный срок (

на несколько лет, реже на всю жизнь) стать назореем пред Господом. Для этого он давал три обета: во все время назорейства не пить вина, не стричь волосы и не прикасаться ни к чему нечистому. Если хоть один раз он нарушал эти обеты, то срок назорейства начинался снова. Это явление нельзя отождествлять с монашеством, даже дохристианским, но оно безусловно было подвигом, совершавшимся ради Ягвэ.

Наконец, целый свод законов и пояснений касался темы чистоты и нечистоты. Щепетильность в отношении чистого и нечистого была связано с глубоким осознанием «святости Бога», о чем будет сказано позже; подобное разделение возникало в ВЗ в связи с четырьмя проблемами:

1. «чистые» и «нечистые» животные
2. физиологическая нечистота женщин и истечения мужчин
3. нечистота трупов
4. нечистота проказы.

Запреты относительно определенных зверей описаны в 11 гл. кн. Левит. Но мы знаем о том, что еще Ной взял с собой в ковчег по семь пар чистых и по паре нечистых животных; стало быть, представления эти уходят в древнейшие времена. Из текста, смысл которого местами затемнен /Лев. 11, 3-7/, мы не сможем понять логической причины подобного разделения животных. Нечистыми названы верблюды, тушканчик, заяц, свинья, орел, гриф, коршун, ворон, страус, змея и т.д. Может быть, это связано с памятью об Адамовом знании сути животных, когда в раю он «нареквал им имена», а может – с наблюдением за теми или иными видами животных. Не исключена и та версия, что животные, запрещенные Законом, могли иметь жертвенное значение у народов Ханаана, чьи нравы считались мерзостью в глазах Божиих. Только чистое животное могло быть символом общения с Богом, заместительной жертвой за грехи народа.

Физиологическая нечистота, связанная с месячными отправлениями, брачными отношениями или послеродового состояния женщины, воспринималась как явное свидетельство греховного недостойнства пред Богом, почему в этих случаях полагалось водное омовение и специальная жертва. /см. Лев 12 и 15 гл./

Нечистой считалась смерть. «Бог смерти не сотворил», – говорит Писание. Физическая смерть прежде всего является напоминанием о первородном грехе. Она противоположна жизни, исходящей от Бога. Поэтому труп сам по себе и всякое прикосновение к нему нечисты.

Самым страшным проявлением нечистоты была болезнь проказы, во время которой человек весь покрывается язвами, и всё его тело гниет и постепенно распадается. Приходившая неведомо откуда и поражавшая в древности целые города, проказа, как в других случаях бездетность, считалась явным знаком проклятия Божия, отверженности. Кроме основных своих обязанностей, ВЗ-ный священник обязан был заниматься освидетельствованием проказ. При появлении пятен на коже еврей обязан был придти к священнику. Тот осматривал его, и повелевал придти через семь дней. В следующий раз священник ставил диагноз, и если это была не проказа, то совершалось омовение и очистительные жертвы, ну а в печальном случае больной обязан был выйти из стана и поселиться вдали, живя лишь подаванием. /Лев 13 и 14 гл./

4.4. Богослужение

Начиная с 25-й гл. кн. Исход Пятикнижие неоднократно рассказывает об устройстве у древних израильтян богослужения, центром которого во время странствования по пустыне была «скиния» Завета. Скиния /происходит от евр. «шехина» – осенение Божие, благодатный покров/ была по сути походным храмом, сооруженным в виде огромной палатки. /Известные строчки из Псалтири «простираяй небо яко кожу» в оригинале так и звучат: «Ты простер небо как палатку"/. Располагавшаяся в центре стана скиния состояла из следующих частей: «святое святых», «святилище» и «двор скинии». В огражденном дворе стоял жертвенник, на котором совершались жертвоприношения. Здесь собирался для молитвы народ. Внутри скинии, а именно в святилище, имели право входить только священники. В святилище помещался семисвечник, символизировавший действие Божественной благодати, стол для хлебов предложения /разновидность не-животной жертвы, предтеча наших просфор/ и другие богослужебные предметы. А вот в «святое святых» мог войти только первосвященник и только в особые дни. Там находился ковчег Завета – ящик, содержащий три предмета:

каменные скрижали Завета, сосуд с манной, которая была насущным хлебом и в то же время чудом Божьего промысла для голодных людей, и жезл брата Моисея первосвященника Аарона – знак священнического служения. Устройство скинии, находящейся в ней утвари и облачения священников описано подробнейшим образом /см. Исх. 25 и далее/. Разнообразные материалы, многоцветные покрывала и камни имели символическое значение /ныне во многом утерянное/, подобно тому, как в нашей Церкви форма или цвет богослужебного предмета несут определенную символику. Во время странствования священнослужители, продев шесты в соответствующие отверстия, со словами «Да восстанет Бог» /отсюда наша молитва «Да воскреснет Бог...»/ поднимали скинию и несли ее на себе, а придя на очередное место, опускали со словами «Да воссядет Бог». Т.о., скиния напоминала евреям о постоянном присутствии Ягвэ в Израиле и Его водительства. Через несколько веков трехчастное устройство скинии повторилось в Иерусалимском храме, а после – и в наших храмах, которые обычно состоят из алтаря, собственно храма и притвора.

В Исх. 22, 29 читаем: «Не медли приносить Мне начатки от гумна твоего и от точила твоего. Отдавай Мне первенца из сынов твоих; то же делай с волом твоим и с овцой твоей... Семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмой день отдавай их мне». Принятое у некоторых соседних народов приношение детей в жертву в буквальном смысле Моисеев закон объявляет мерзостью, за которую положена смертная казнь, и противопоставляет этому обязанность первого сына посвятить на служение храму. Позднее этот закон был заменен на новый, согласно которому священниками становились люди только из колена Левия; колено это целиком посвятило себя богослужению. К священникам Закон предъявляет высочайшие требования: теснее других соприкасаясь со святостью Ягвэ, они и сами должны быть безупречны и святы. Священнику позволено «кормиться от жертвенника», и потому для скинии и обеспечения священников израильтянин по закону Втор. 14:22-29 откладывает от своего имущества специальную подать – десятину.

Основным богослужебным занятием священников было жертвоприношение. Древние историки, описывая Пасху в

Иерусалимском храме, говорят о забрызганных кровью священниках, приносивших в жертву десятки тысяч овнов и тельцов. Священник ВЗ был по сути настоящим мясником! Он должен был уметь тщательно разделывать туши жертвенных животных и ловко сворачивать головы голубям. Жертвы были весьма разнообразными; они классифицировались в зависимости от того, за кого приносились: обычный он человек, начальник или священник, в зависимости от материального положения. Бедный человек не мог позволить себе козла или быка, ему позволялось принести голубков. Кроме кровавых жертв существовали и бескровные: мука, хлеб, соль и др. Наиболее характерно разделение жертв в зависимости от причины:

1. жертва всесожжения;
2. жертва за грех;
3. жертва повинности;
4. жертва мирная /см. Лев 1-9 гл./

Жертва всесожжения, при которой животное сжигалось на жертвеннике полностью, приносилась за грехи всего народа дважды в сутки: вечером и утром; при этом огонь никогда не должен был угасать. Постоянное курение от жертвенника означало «неусыпную молитву, памятование о Ягвэ. Перед закланием священник возлагал руки на голову животного, символически превращая его в носителя грехов, которые будут уничтожены в огне. Кровь животного, к которой ВЗ относился со строгим благоговением, собиралась отдельно, и ею со всех сторон кропился жертвенник.

Во всех случаях жертвы специальным образом обрабатывались. Жертва за совершенный грех очищалась от внутренностей, которые сжигались на жертвеннике; лучшие части мяса посвящались Богу и вкушались священниками и их семьями, а остальные сжигались за оградой двора. Жертва повинности имела свои отличительные особенности и совершалась в тех случаях, когда человек /или весь народ/ совершал грех по неведению, когда укрыл чужое преступление и в др. случаях. А мирная жертва приносилась в знак благодарения Богу за его дары и милосердие. В этом случае часть животного отдавалась священникам, а остальная туша приготавливалась и вкушалась принесшим и его семьей.

Животные жертвы ВЗ, чистые, без порока, мужского пола, кровь

которых искупляла Израиль от грехов, являлись прообразом искупительной жертвы беспорочного агнца НЗ – Господа Иисуса Христа. Даже сожигание животных вне скинии отцы Церкви сравнивали с казнью Христа вне стен Иерусалима.

4.5. Праздники

23-я гл. кн. Левит посвящена описанию главных праздников Господних, чтимых Израилем.

Прежде всего, это суббота. Каждая суббота, как было сказано выше, является временем оставления всех дел земных и пребывания с Богом – это в личном плане, а на общественном уровне – участия в «священном собрании», каковыми в поздний период истории Израиля стали синагоги.

Но в Израиле праздновался не только субботний день, но и каждый седьмой год, тоже названный субботним. Когда заканчивался цикл из семи субботних годов, то кроме 49-го, праздновался 50-ый год, т.н. «юбилейный», после чего отсчет начинался снова. Относительно субботних и юбилейных годов существовали специальные законы, обязывавшие израильтян полностью прощать друг друга, освобождать от долговой зависимости, возвращать взятое в залог имущество, возвращать в исходное состояние границы между соседями (это относится уже ко времени оседлой жизни). В субботний и юбилейный годы запрещалось работать на земле и даже собирать выросшее самостоятельно. При этом Бог обещал, что в предыдущие годы земля будет давать достаточно, чтобы оставлять ее в покое на год и даже два (подобная ситуация у евреев была и во времена странствования по пустыне, когда они не собирали манну по субботам и вдвойне накануне).

Следующий праздник состоял из Пасхи и «опресноков». В 14-ый день первого еврейского месяца /"нисана"/, соответствующего периоду март-апрель, совершается Пасха в память чудесного избавления от рабства и гибели в Египте. К нему прибавляются еще семь дней, когда израильтянам запрещено работать и есть что-либо кроме опресноков /пресных хлебов/, являвшихся символом нравственной чистоты.

Два последующих праздника, «Первых плодов» /"начатков"/ и

«Пятидесятница» /через 50 дней после начатков/, связаны с благодарением Бога за дары насущной пищи. Пятый праздник – день «Труб» в первый день седьмого месяца, когда специальные горны возвещали о священном собрании, на котором обсуждались все важнейшие дела. Впрочем, трубы созывали народ для собрания и в других случаях по необходимости.

Одним из важнейших праздников был «Йом Киппур» – «день Очищения /Умилостивления/», через восемь дней после праздника Труб /см. также Лев. 16/. Это был по сути день всеобщего раскаяния. Каждый израильтянин исповедывал грехи священникам, священники свои грехи открывали первосвященнику. К сему последнему подводилось два жертвенных козла. Первый закалался и сжигался на жертвеннике, а второму, названному «козлом отпущения» /евр. «Азazel"/, первосвященник на ухо шептал все грехи народа. Затем Азazel выгонялся далеко в пустыню, где его съедали дикие звери. Пустыня символизировала ад, и козел отпущения как бы уносил с собой навсегда прегрешения народа. Что касается первого животного, то первосвященник с его жертвенной кровью входил в святое святых в облаке кадильного дыма, и пальцем кропил крышку ковчега Завета, молясь за народ и произнося таинственное и страшное имя: Ягвэ /как оно звучало первоначально – неизвестно/. В святоотеческом видении Азazel является прообразом Мессии, понесшего на себе наши грехи и прошедшего через ад.

Наконец, седьмой праздник древнего Израиля – «Куци». В течение восьми дней, начиная с 15-го дня всё того же седьмого месяца /приблиз. сентябрь/ евреи должны выходить из своих жилищ и жить в сооруженных заранее из пальмовых ветвей и верб легких кущах /шалашах/, веселясь пред Богом: «чтобы знали роды ваши, что в кущах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли Египетской» /Лев. 23, 43/. Куци напоминали о странствовании по пустыне, когда Израиль учился жить одним лишь упованием на чудодейственную помощь Бога.

4.6. Характеристика Закона

...ВЗ-ный Закон, обращенный к целому народу и регламентировавший мельчайшие подробности ритуала, был направлен на формирование

сплоченного теократического /т.е. «Богом управляемого"/ общества. Смертная казнь, применявшаяся к нарушителям фундаментальных заповедей, становится понятной в подобном историческом контексте, ибо она лишь наглядное подтверждение того факта, что грешник обрекает себя на отлучение от Ягвэ, и про него говорится, что душа такого человека «да истребится из Израиля». Это отлучение, отчуждение от Бога Библия называет проклятием. Всякий смертно грешащий человек проклят.

Напротив, исполняющему заповеди и ревнующему о них Бог обещает многократные благословения. В конце кн. Втор., особенно в 28-й гл., описаны благословения за исполнение Закона и проклятия за непослушание ему, обращенные в основном по-прежнему не столько к отдельному индивидууму, сколько ко всему Израилю. Если народ будет жить по Закону, то он будет благословлен, что выразится в экономическом благополучии, военных победах и территориальном расширении, но более всего – в плодovitой многодетности. Напротив, ослушание Закона и забвение Ягвэ приведет к печальным последствиям проклятия: у грешников не будет потомства, будет голод и бедность, враги завоюют народ, выселят и растворят в иных народах. Решение в этом выборе – за Израилем: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего... любить Господа Бога твоего, исполнять ... законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой, на земле, в которую ты идешь. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё. /Втор. 30, 15-19/

Закон ВЗ-та явился великим Божественным средством для воспитания нравственности. В значительной степени его значимость была связана с авторитетом Моисея, который являлся для Израиля одновременно пророком, религиозным вождем, судьей и святым подвижником, и в связи с которым Ягвэ обещал, что когда-нибудь воздвигнет из еврейской среды пророка его масштаба. Благочестивый израильтянин был призван «возлюбить» Закон, ибо в нем всё средоточие блага для человека, и исполнивший его будет счастлив в «роде родов» своих. Однако с течением времени ритуальные элементы закона всё разрастались, подменяя собой необходимость живого памятования о Боге, и практически все пророки ВЗ обличали

не только грехи, но и религиозное лицемерие. В НЗ ревнители Закона часто предстают в неприглядном виде, да и само слово «законничество» стало синонимом духовного бесчувствия, чрезвычайной строгости к внешнему при забвении главной цели Закона. В этом не Закон был виноват, а отношение к нему. Формализация Закона выражалась в суеверных запретах на знание и произнесение имени Ягвэ, в бесчисленных комментариях на различные статьи Закона, применявшихся для конкретной проблемы, не описанной в Торе. Наиболее характерен пример с субботой, в нарушении которой часто обвиняли Иисуса и Его учеников. Суббота, духовный смысл которой объяснен выше, со временем в сознании евреев превратилась просто в день, когда ничего нельзя делать, даже лишний раз перемещаться. Вместе со строжайшим запретом на всякую профессиональную деятельность /даже если кто умирает в субботу, нельзя врачевать – сектанты, запрещая переливать кровь, психологически продолжают эту традицию/, на поездки или домашнюю работу, толкователи изобретали способы всё это обойти в случаях крайней необходимости. Так, одно толкование запрещало в субботу делать более 2000 локтей пути. Но зато другое разрешало пройти и до 4000 локтей, для чего накануне нужно было на полпути поставить стол, на нем посуду с едой, и это становилось тоже как бы кровом данного человека. Пройдя в субботу 2000 локтей, человек оказывался снова в доме и как бы никуда и не ходил, поэтому он, поев, мог спокойно продолжить путь. Мы сегодня это воспринимаем как анекдот, но тогда это был вопрос жизни и смерти. И Господа в НЗ слушали с недоумением, когда Он напомнил, что «не человек для субботы, а суббота для человека». Десять заповедей в целом навсегда остались для человека эталоном нравственности. Но очевидно, что законничество, ритуализм и попытка нормировать жизнь Духа Божия и сегодня находят многочисленных сторонников.

Св. ап. Павел назвал Закон «детоводителем /по греч. – «педагогом"/ ко Христу». Сравнивая Закон с воспитателем малых детей, Апостол хочет сказать, что израильтян, бывших еще младенцами в духовном отношении, Закон постепенно исторически готовил к эпохе Боговоплощения. Оценивая ВЗ-ный иудаизм с этой точки зрения, невозможно не заметить того обстоятельства, что, опережая многие народы по уровню постижения Богооткровенной

истины, Израиль некоторых существенных моментов не знал. Создается ощущение, что от Израиля на раннем его историческом этапе в «воспитательных» целях специально было сокрыто то, что позднее стало органической частью Нового Завета.

Упомянем три основные темы. Во-первых, это тема Троицы. В ВЗ есть несколько мест, которые христианами воспринимаются как намеки на Троиединство Бога. Среди них и картина творения мира и человека, и посещение Богом Аврамма, и видение пророка Исаяи, слышавшего троекратное пение «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Однако ни о каком знании Троицы в древнем Израиле не могло быть и речи; напротив, проповедь пророков была направлена на утверждение только Единого, а не многих богов. Троицу евреи поняли бы не как образ глубинной жизни Бога, а как трехбожие /именно так Троицу понимают и критикуют мусульмане/. Откровение Троицы было делом будущего, тогда же нужно было прежде всего навсегда уйти от язычества.

Во-вторых, это тема бессмертия. Удивительно, но Моисей, сам «наученный всей мудрости Египетской», не рассказал евреям о загробной жизни, посмертном воздаянии и воскресении, а ведь в этом и заключалась специфическая египетская «мудрость»! И дело не только в том, что авторы таких книг, как Притчи, Экклезиаст, Иов сомневаются или не знают о бессмертии души, а в том, что Тора за исполнение заповедей обещает благополучие только на Земле и благословение не вечной душе человека, а его будущим поколениям, которые будут прославлены за добродетели своего предка; то же касается и наказания грешнику. Праведник награждается уже здесь, на земле, и грешник наказывается на земле; в это свято верили. Древний еврей приучался творить волю Божию и избегать греха не в связи с загробным воздаянием, а потому что Бог действует и судит здесь и теперь. Каждое движение, еда, торговля, брак, как говорится в молитве, «входы и исходы» должны быть освящены Богом. Конечно, иудаизм, в отличие от НЗ, в значительной степени посясторонен, и В. Соловьев назвал его «священным материализмом». Положительным следствием подобного мироощущения является напряженное переживание присутствия Божия в повседневной жизни.

Третья тема - брака - перекликается со второй. В Евангелии

Господь напоминает, что изначально в раю брак – это благословенный Богом союз двоих «в едину плоть». Однако многие постановления закона Моисеева, в т.ч. и о разводе, выдавали иное отношение к браку, «жестокосердное». Не веря в личное бессмертие, израильтянин стремился к бессмертию родовому. И потому брак рассматривался как способ размножиться «подобно песку морскому». Как мы видели, подобные представления, вместе с многоженством и другими обычаями, евреи переняли от более древних, авраамитских времен. Косвенное подтверждение этому мы находим во Втор. 23, 1, где читаем о том, что не войдет в общество Господне человек с поврежденными детородными органами. Конечно, желание размножиться имело не только сотериологический, но и вполне земной аспект в суровой исторической реальности. Однако и это отступление Израиля от первоначального, «Адамова» знания, сыграло промыслительную роль в связи с будущей эпохой мессианских чаяний, когда каждый благочестивый иудей мечтал о том, что именно в его семье родится Спаситель.

Тема 5. Исторические книги

5.1. Библейская историософия

Выделение части книг ВЗ, таких как книги Иисуса Навина, Судей, четырех книг Царств, двух Маккавейских и некоторых др. в разряд «исторических» весьма условно, ибо мы прослеживаем древние исторические события и в пяти книгах Торы, и в книгах великих пророков. Но книги, названные историческими и в большинстве своем выполненные в виде летописи, интересны прежде всего с точки зрения содержащихся в них мировоззренческих установок, и поэтому в данном разделе мы не будем заниматься пересказом древнееврейской истории (таких изложений написано немало), а постараемся дать общую характеристику этих книг.

Само понятие истории предполагает не просто описание неких событий, а их взаимосвязь и движение во времени.

Материалистическая трактовка истории как совокупности объективных фактов недостаточна хотя бы уже потому, что для человека в связи с особенностями его сознания оказывается важным осмысление причинно-следственных связей, оценка «уроков»

истории. Одни и те же факты ложатся в основу различного видения истории, и поэтому более существенной становится не история как точная наука (она получила признание сравнительно недавно), а историософия – размышление о смысле истории, о целях и ошибках человечества. Священные книги и предания разных религий, отражая мировоззрение древнего человека, содержали не только описания войн или природных катаклизмов, но в равной мере события, происходившие «на небесах», и потому в них дана не просто история, а священная история, где преобладает духовное измерение человеческого бытия. Библия также описывает прошлое в категориях священной истории, но при этом лишена вымышленных рассказов из жизни богов или духов. Её историософию можно выразить достаточно лаконично:

1. Земная история – это место динамической встречи Творца и Его высшего творения;
2. Победы или несчастья народа – повод для духовного осмысления и покаяния;
3. Земная жизнь проходит под знаком страдания и умирания как последствий грехопадения; но тем не менее одни дела являются благословением, а другие – проклятием;
4. У истории есть смысл и конец – приход Судного дня и установление вечного Царства Ягвэ.

Сведения исторических книг Библии представляют огромный интерес для светской науки, но иногда они неточны и в отношении конкретных персонажей (это становится очевидным при сравнении библейских сведений с фактами истории соседних народов), и в отношении хронологии (вместо конкретных используются символические числа, например 40 лет означает завершенность некоторого процесса). К тому же описания одних и тех же событий в разных книгах ВЗ могут не совпадать. Но авторов этих книг реальные факты интересуют постольку, поскольку они иллюстрируют определенную духовную концепцию. Так, книга Иисуса Навина описывает завоевания израильским народом Ханаана в XII в. до Р.Х... Огромное значение в ней придается Божьему благословению, и потому достаточно сложный период захватнических войн, где были и победы, и поражения, и сомнительные поступки, и весьма скромные успехи, описан как триумфальное шествие израильского войска,

ведомого Ягвэ и отвоевавшего огромную территорию.

Книга Судей охватывает события XI в. до Р.Х., когда у Израильских колен не было ни царя, ни такого лидера, как Иисус Навин, и они жили раздробленно и бездуховно, постепенно сливаясь с язычеством. События тех лет автор Судей описывает в виде следующей повторяющейся схемы. Израильтяне, предоставленные сами себе, забывают о Ягвэ и своем особенном пути и впадают в язычество /порой даже совершались человеческие приношения/ и в безнравственность. В скором времени разобщенный и лишенный благодати народ легко завоевывается более сильным соседом, и жизнь становится невыносимой. Тогда Господь «воздвигает» из среды народа верного и одаренного человека, харизматического лидера, которого в то время называли «судьей», в то же время он мог быть пророком или назореем. Гедеон, Варак, Самуил, Дебора и др. судьи-вожди спланировали вокруг себя лучших людей народа и требовали от них покаяния в грехах, но более всего – возвращения к почитанию Ягвэ. Молитвы к Ягвэ совершали чудо, очередное иго свергалось, бедствие преодолевалось, и на библейские 40 лет воцарялись в Израиле, управлявшемся «судьей», мир и благоденствие. Затем происходило новое отступление, и история повторялась сначала.

В книге Судей отражено время перехода от управления Израиля вождями к царскому правлению и любопытным образом определено отношение ВЗ к монархизму. Последним судьей в Израиле оказался благочестивый пророк Самуил. Когда он состарился и не возымел достойных преемников, «пришли к Самуилу... и сказали ему: вот, ты состарился... итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. И не понравилось слово сие Самуилу... и молился Самуил Господу. И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними. Как они поступали с того дня, как Я вывел их из Египта... оставляли Меня и служили иным богам: так поступают они с тобою... Самуил сказал /народу/: вот какие будут права царя: сыновей ваших он возьмет... и дочерей ваших он возьмет... и поля ваши ... и сады ваши лучшие возьмет ... и употребит на свои дела... и сами вы будете ему рабами... и не будет Господь отвечать вам тогда. Но народ не согласился послушаться голоса

Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами; и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши... И сказал Господь Самуилу: послушай голоса их и поставь им царя» /Суд 8 гл/. В древних цивилизациях, Шумерах или Египте, царь не был просто правителем; он, являясь звеном в определенной мифологической цепи, искренно считал себя сыном Божества и человека – этаким человекобогом. Священной монархии окружающих народов Моисей и Иисус Навин противопоставили идеал теократии: Бог непосредственно управляет Своим народом, а духовно одаренные вожди лишь помогают израильтянам увидеть Его волю. И просьба поставить царя, возможно, вполне понятная с точки зрения развития образа исторического бытия, тем не менее воспринята Ягвэ как знак отступления: земной царь в духовной сфере только помешает лицезреть Царя Небесного. И дарование Израилю царя описано в Библии как гневная и «ревнивая» уступка Бога упорству евреев: «не Я им нужен, а царь, как у других народов, но ведь у других народов нет Меня!». И хотя цари в Израиле никогда не играли той религиозной роли, как в Вавилоне или Риме – еврейский царь не посредник между Ягвэ и народом и сам не божество, он скорее помазанный на правление «функционер», – дальнейшая история показала, что именно деятельность царей во многом способствовала духовному распаду и забвению Бога. Печальным примером этого стал первый же царь Израиля Саул. После действительно благочестивых и мудрых Давида и Соломона Библия особенно выделяет Езекию, Иосию, которые ревновали о истинной вере и народной нравственности. Большинство остальных царей в лучшем случае были равнодушны к иудаизму, а в худшем – впадали в язычество и даже издевались над провозвестниками Ягвэ.

Историческую эстафету у кн. Судей по очереди перенимают 1-я, 2-я, 3-я, 4-я книги Царств. В XI-X вв. в Израиле правят лучшие его цари. Великий в своей искренней вере Давид в результате интенсивных войн в значительной мере расширяет и укрепляет страну, объединив все колена Израилевы. Если и был в Израиле «золотой век» относительного спокойствия и устроенности, то он соответствовал времени правления мудрого сына Давида, Соломона, при котором был построен величественный храм Ягвэ. Но к концу своей жизни Соломон по настоянию своих многочисленных юных

наложниц, происходивших из соседних стран, допустил распространение идолопоклонства. Духовное заражение сказалось на судьбе Израиля сразу же после смерти Соломона; страна из-за междоусобных распрей раскалывается на две части: обширный северный Израиль, в который вошло 9 колен, и небольшую южную Иудею, представленную 3-мя коленами, в т.ч. левитами, служителями храма. Эти два маленьких государства, управляемые недалёковидными царьками или временщиками, и очень редко – одухотворенными последователями Давида и Соломона, то примыкают к враждующим коалициям и поэтому воюют – брат с братом, то объединяются под эгидой очередного союза, но в любом случае оказываются не Израилем с большой буквой, а разменной фигурой в игре сильных государств, таких как Египет, Ассирия, Вавилон, Персия, позже Греция, Сирия и в конце концов Рим. В результате забвения веры и своего духовного предназначения сначала исчезает с лица земли северный Израиль. В VIII в. до Р.Х. очередной ассирийский царь захватил Самарию, последнюю территорию, оставшуюся к тому времени от страны 9-ти колен, переселил евреев в Ассирию, где они навсегда ассимилировались, прежде всего в духовном смысле, а их земли заполнил другими народами. Крохотная Иудея, на примере «старшей сестры» осознав опасность бездумной политики, умудряется самостоятельно выжить в течение полутора веков, но в VI в. до Р.Х. происходит взятие Иерусалима войсками Навуходоносора, разрушение храма и поэтапное переселение иудеев в Вавилон. Вавилонское пленение продлилось около 70-ти лет, после чего новые властители, персы, позволили евреям вернуться на родину. Возвращение из плена, построение нового храма (менее величественного, чем первый) и возрождение духовной жизни в V в. до Р.Х. описывается в других исторических книгах: 1, 2 Ездры и Неемии. Ездра, законоучитель и духовный вождь народа, один из составителей канона ВЗ, особенно прославился тем, что очень строго подходил к вопросу восстановления Израиля. Его основной целью было «возвести ограду Закона», для чего он, в частности, заставлял иудеев разводиться с их иноплеменными женами. Все исторические события Библии, от сотворения мира до вавилонского плена в сжатом виде повторены в 1 и 2 книгах Паралипоменон, которые дают некоторые уточнения

относительно правивших в Израильском государстве царях. Наконец, 3 книги Маккавеев охватывают эпоху III-II вв. до Р.Х., когда Иудея находилась под властью жестоких сирийских правителей, устроивших гонения на веру в Единого Бога, что привело в итоге к успешной партизанской войне пяти сыновей мужественного священника Маттафии.

5.2. Проблема Ветхозаветной святости

В исторических книгах ВЗ нам приходится постоянно сталкиваться с описанием жестоких сцен обмана, насилия и массовых убийств, совершенных израильтянами по отношению к захваченным городам и весям, а также вождями народа по отношению к провинившимся подчиненным. Так поступали и Давид, и Иисус Навин, которые, предавая город «заклятию», не оставляли в живых и младенца. В свое время сам Моисей в пустыне запросто мог повелеть вырезать за отступление в язычество треть собственного народа. При этом Библия вовсе не намерена скрывать столь неприглядные факты, но она их описывает не как грех или заблуждение, а как прямое исполнение Божественных указаний! Был даже случай, когда ??? решил пощадить город, за что был наказан Богом. Вполне прогнозируемой является и реакция атеистов на эти описания. Но и христианина эти сцены смущают и отвратительны для него, они совершенно не соответствуют христианскому представлению о Боге. Если эту проблему правильно не разрешить, то возможны три крайности. Первая характерна для древних еретиков и иногда возобновляется в наше время: «в ВЗ действует другой бог, злой, в отличие от НЗ, где уже настоящий Бог». «Маркион из Понта ... бесстыдным образом богохульствовал, говоря, что проповеданный законом и пророками Бог есть виновник зла, ищет войны, непостоянен в своем намерении и даже противоречит Себе... Они пользуются именем Иисуса Христа как приманкою... и... губят многих, коварно распространяя свое учение под прикрытием доброго имени, и подавая под сладостью и красотой имени горький и злой яд змия, первого виновника отпадения» (св. Иринея Лионский). Иногда к этому примешивается антисемитский аспект: «это их, еврейский бог, не наш». Другую крайность, характерную для сектантов жесткого типа, напр., «Свидетелей Иеговы», а также для всех

сторонников некритичного принятия каждого слова Библии, можно кратко выразить следующей формулой: «раз Бог сказал, значит, тогда так было надо». А сторонники третьего объяснения, как, например, Щедровицкий, говорят о том, что мы всё неверно понимаем, что никаких жестокостей на самом деле не было, дело лишь в неточном переводе. Так, Давид не ставил завоеванных жителей «под мечи», а «приставлял к мечам», т.е. использовал для работ по затачиванию /!/. Так поступают авторы, признающие безусловную ценность ВЗ наряду с Евангелием.

Однако на самом деле Бог всегда и вовеки Один и Тот же, меняется лишь человек и степень постижения им откровения Бога о Себе Самом и Своей воле. Библия есть книга встречи Бога и человека, но и история есть, как было сказано, место этой встречи. И вот безгрешный и неизменный Бог встречается с падшим и упорствующим в своем падении человечеством... Логика ВЗ во многом отличается от евангельской, но как бы ни была построена линия повествования, надо иметь в виду, что жестокость не была изобретением Бога; она, со времен Каина и Ламеха, - естественная спутница человеческой жизни. Младенцы вырезались из того соображения, чтобы они не смогли вырасти и отомстить. Войны и насилие были привычными способами выяснения человеческих отношений, это уже христианин, знающий новое о Боге, прозревает весь ужас падшести древнего мира, как языческого, так и ВЗ-ного. И воля Божия состояла не в том, чтобы проливать кровь, а чтобы в мире, где льются потоки крови, одна из линий человеческой истории привела бы в итоге к исполнению Божественного плана спасения. Богу нужно не то, чтобы место хананеян заняли израильтяне, а то, чтобы безбожные племена уступили историческую арену племени, организовавшему жизнь как служение единому Творцу. (В связи с этим вспоминается, как Г. Честертон описывает войну Рима с Карфагеном: Рим был не лучше и не добрее Карфагена, но Промысел заключался в том, что языческая культура победила культуру сатанинскую /в Карфагене в жертву приносились младенцы/ - книга «Вечный человек»). К сердцам людей, к Своему воплощению Бог пробивался через стену ненависти и бесчувственности. Не стоит забывать и того факта, что Бог не благословил Давиду строить в Иерусалиме храм именно по причине большого количества пролитой

им крови.

С этой темой тесно связано понятие о ВЗ-ной святости. Такие персонажи ВЗ, как Иисус Навин, Давид, Соломон и др. названы праведными и святыми, и это понятие вроде бы входит в противоречие с конкретными фактами, которые описаны в исторических книгах. Но здесь всё не так просто. Если мы будем рассматривать понятие святости как некую совокупность христианских добродетелей, то, безусловно, герои ВЗ-ного повествования ее не являли. Иисус Навин не похож на стратотерпца Бориса, а Давид на преп. Серафима Саровского. Но Православие знает понятие святости как постепенного движения к Богу, освящения Его духовным светом. «Весьма неблагоприятно и низко думать, что оскорбительно будет для подвижника напоминать о непохвальных делах его. В таком случае и великий Павел не заслуживал бы нашей похвалы, и мытарь Матфей принадлежал бы к людям самым порочным... Но Павел для того упоминает о прежних своих гонениях и о том, как изменился предмет его ревности, чтобы сравнением того и другого прославить больше Благодетеля» (свт. Григорий Богослов). Т.е. в одном из ракурсов святость можно определить как возрастание относительно прежнего образа жизни, или выделение в некой добродетели на фоне общего порядка вещей. В таком случае мы смело можем назвать царя Давида святым. Он мог быть жесток к завоеванным городам, как все правители того времени; но как необычно он поступал со своим врагом и преследователем Саулом: он великодушно прощал его и, боясь Бога, благоговейно относился к факту его помазанности на царство. Давид страшно согрешил, когда, имея немало жен и наложниц, воспытал страстью к Вирсавии - жене своего верного военачальника Урии и послал его на верную смерть, чтобы ею овладеть (обычное дело для власть имущих). Но вот к нему приходит пророк Нафан и рассказывает притчу о бедняке, имевшем одну овечку, и его соседе богаче, имевшем множество скота, и заклавшем для своего гостя овечку бедняка. /см 1 Цар., 12 гл/. «Такой человек достоин смерти, за то, что не имел сострадания! - восклицает Давид». «Ты - этот человек, - смело говорит Нафан, - так ты отблагодарил Бога за спасение». Давид не гневается, не велит казнить пророка, как гораздо позже это сделает с Иоанном младший Ирод, а смиренно признает свой грех и

выслушивает от пророка грядущее наказание. И Давид свят именно этой своей способностью помнить о Боге и раскаиваться. Псалмы, написанные Давидом, также свидетельствуют о его благочестии, молитвенности и вдохновенном даре славословить Творца. Итак, святость ВЗ-ных персонажей есть понятие относительное.

Но есть и иное обстоятельство. В ВЗ термин «святость» вообще употребляется в ином, непривычном для нас значении. Прежде всего, согласно иудейскому пониманию, свят Сам Бог. «Свят, свят, свят Господь Саваоф», – восклицают ангелы в видении пророка Исайи, и им вторит Псалмопевец: «Ты, Святой, живешь среди славословий Израиля». /?/ Святость здесь означает вовсе не праведность, а выделенность или инаковость. Бог «свят» – это значит, что Его истинное бытие вне мира, а когда Он входит в жизнь мира, то непричастен тьме и злу этого мира. И потому свят человек, принадлежащий Богу. Навин, Давид, Илья и др. святы тем, что Богом «взяты в удел», в большей или меньшей степени способствуют действию Его замысла. Свята и скиния Завета, и ковчег, и Моисеев Закон, и определенные на храмовое служение первенцы, и жертвенные животные, посвященные Ягвэ. Ягвэ свят – это аксиома. И только в этом контексте Библия говорит о «святости» израильского народа или его «избранности».

5.3. «Богоизбранность» Израиля

К сожалению, сегодня понятие «богоизбранности» еврейского народа, как и близкая ему по смыслу «богоносность» народа русского, как сторонниками, так и противниками понимается совершенно неверно. Избранность Богом еврейского народа никогда не мыслилась в ВЗ-ном иудаизме как теория национального превосходства. Любые попытки такой трактовки немедленно разоблачались библейскими пророками. Напомнив народу о его избранности, авторы книг ВЗ тут же начинают обличать его во всех грехах, и более всего в отступничестве от Бога, что должно привести к краху Израиля. «Избранность» – есть тяжелое ярмо уникальной задачи, для которой Ягвэ создал евреев. Израиль – «экспериментальная лаборатория» Бога. /Диак. А. Кураев замечательно корректирует термин: не «богоизбранность», а «богосозданность"/. Задача эта не была открыта Израилю сразу.

Сначала Аврааму было обещано бесчисленное потомство, в котором благословятся все земные племена. Затем Моисею было повелено вывести евреев в землю, изобилующую «молоком и медом». Во времена пророков говорили о «дне Господнем», когда Ягвэ навсегда воцарится на земле. И только НЗ-ные события открыли окончательный смысл исторического избранничества Израиля: в нем должны подготовиться условия для воплощения Бога. Израиль почти до последних вв. до Р.Х. и не предполагал, что он станет местом Распятия и Воскресения; семенем Церкви, спасающей весь мир. В несколько другом аспекте можно сказать иначе: с точки зрения НЗ смыслом всей истории Израиля явилось появление в нем Марии, оказавшейся единственной девушкой на свете, достойной стать матерью Спасителя... «Преходит наконец долгая ночь страха и ожидания всемирного – и утренний свет проникает во мрак Ветхозаветного Святилища, отверстого не столько к ежедневному, сколько в вечному Востоку. Небесная манна иссыпается от стамны, ее сокрывавшей...» (свт. Филарет Московский). И потому эту богоизбранность, эту «взятость в удел» Библия возвещает не как достоинство или тщеславное самосознание, а как высочайшую ответственность, которую Израилю надлежит понести, причем кому больше дано – в смысле откровения о Боге – с того больше и спросится. Но в итоге истинных и избранных израильтян оказывается совсем мало. И в свое время пророки скажут, что от «святого» народа сохранится лишь остаток, а Иоанн Креститель напомним, что Бог и из камней может сотворить детей Аврааму.

Духовные уроки, которые усваивал Израиль из своей истории, нам еще предстоит рассмотреть в разделе пророческих книг. Но важно и то, что духовное осмысление войн и бедствий, осады и пленения, самодовольного нечувствия или, напротив, смиренного принятия пророческих обличений, языческого отпадения и чудес, происходивших после искреннего покаяния и обращения к Ягвэ, имеет огромное значение для личного опыта христианской веры, и потому исторические книги оказываются не менее важными для спасения, чем вся остальная Библия.

Тема 6. Учительные книги

Так было принято называть сравнительно небольшую, но

глубокомысленную по содержанию группу книг ВЗ: учительные, т.е. поучительные книги. К ним относят книги Иова, Экклесиаста, Притч Соломоновых, Песни Песней, Псалтири и др. Оригинальное название этих книг несколько иное – «книги мудрых Израиля», «хокмические» книги /"хокма» по-евр. мудрость/. Они написаны во второй половине дохристианской истории Израиля и обращены к зрелому духовному сознанию благочестивого иудея, не столько нуждающегося в прививании первейших заповедей, сколько пытающегося осмыслить всю совокупность сложных взаимоотношений между Богом, человеком и вселенной. Авторы давно уже впитали в себя аксиомы синайского десятисловия, и думают о другом: что дальше? Сказано: «уклонись от зла и сотвори благо». /?/ Закон учил первому. Но нельзя регламентировать «сотворение блага» – здесь нужны мудрое наставление, доверие к старшему, взаимное терпение. Книги эти, исполненные Богооткровенной мудрости, весьма популярны и среди далеких от веры людей, но вырванные из общего замысла Библии, они часто истолковываются совершенно неверно. И тогда Иов оказывается проповедью атеизма, Экклесиаст – манифестом скептицизма, а Песнь Песней – эротикой, по недосмотру цензуры попавшими в канон Писания. Однако почти каждая из «книг мудрых» имеет свой секрет, который мы попытаемся раскрыть.

6.1. Экклесиаст

Изучение учительных книг начнем с самой известной из них – книги Экклесиаста. Это слово переводится с греческого как проповедник, учитель в «экклесии» – собрании верующих /синонимы – «синагога» , "церковь"/. Как заявлено в начале книги, сей проповедник – «сын Давида и царь в Иерусалиме», т.е. Соломон. Автор этой книги III в. до Р.Х. в соответствии с древним принципом авторства возвещает истины от имени царя Соломона и делает это не случайно, ибо в свое время Соломон прославился как мудрейший царь и в памяти потомков остался эталоном мудрости. Историческая хроника Израиля приводит замечательную молитву Соломона при начале его царствования: «Явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе. И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил ... с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую

милость, и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его... но я отрок малый, и не знаю ни моего выхода, ни входа. И раб Твой - среди народа Твоего /многочисленного/, который избрал Ты ... Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло ... И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе богатства, ни просил себе души врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, ... вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде... и после ... не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство, и славу ... продолжу дни твои» /3 Цар. 3, 5-14/.

Писание и Предание ВЗ сохранило множество свидетельств мудрых решений и поступков Соломона, и в той же 3 Цар. 3 приводится знаменитый рассказ о том, как Соломон повелел рассудить двух женщин, у одной из которых умер новорожденный младенец, и она тайно поменяла его на ребенка другой. Соломон повелел разрубить живого младенца пополам, и тогда одна женщина сказала: «пусть не будет ни мне, ни тебе», а другая - «отдайте ей, лишь бы он жил», и Соломон рассудил, что последняя и есть настоящая мать. Соломон во многих случаях показал себя мудрым правителем, и не стоит удивляться тому, что не только Экклезиаст, но и Притчи, и Премудрость Соломона, и Песнь Песней написаны от его имени - они созданы в духе мудрости Соломона, которая не есть его природное качество, а дар Божий, полученный в результате таинственной Встречи...

В книге Экклезиаста мы находим множество высказываний, ставших крылатыми, но лейтмотивом книги звучит знаменитое «всё суета сует и нет ничего нового под солнцем»: «Что пользы человеку от всех трудов его... Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки... Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь ... Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться ... Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, это новое»; Но это было уже в веках... Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после ... Всеми своё время ... время рождаться, и время умирать; ... время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время разбрасывать

камни, и время собирать камни; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру ...» /1, 3-11; 3, 1-8/. Итак, автор справедливо усматривает в явлениях природы и истории круговорот, который вполне привычен любому творению, но неприемлем для человека, который это постоянное чередование фаз умирания и оживления, разрушения и созидания соотносит с внутренней потребностью осмысления своей жизни и выносит всему этому печальный приговор: всё суета, всё зря. С самых первых стихов ставя перед нами философскую проблему смысла жизни как качественно иной, последней цели, Экклезиаст показывает, что взятая сама по себе наша земная жизнь в итоге оказывается бессмысленной. «Первая добродетель, и даже все добродетели, – скажет много столетий спустя свт. Иоанн Златоуст, – состоят в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего со здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас».

Далее, автор усиливает впечатление о суетности и бессмысленности нашей жизни рассуждением о смерти. Кто, собственно, может доказать, что человек бессмертен? Ведь люди «сами по себе животные ... участь сынов человеческих и участь животных – ... одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом ... всё произошло из праха и всё возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх?» /3, 18-21/. И в связи с разговором о смерти, которая равняет всех: человека и скота, царя и нищего, мудрого и глупого /см. 2, 12-17/, праведного и нечестивого /9, 1-6/, Экклезиаст переходит к другой проблеме – несправедливости жизни. Если жизнь прекращается смертью, то сомнительным оказывается в итоге любое стремление человека, а плодами его доброй и созидательной деятельности в лучшем случае воспользуются другие /чужие/ люди или никто не воспользуется. И потому суетен труд, мучительны постоянные заботы о насущном хлебе, суетны богатство и честолюбие, суетно познание мира, напрасны победы, случайны удачи; безрадостны даже наслаждения /см 2, 1-11, 18-23; 4, 8; 6, 1-12; 9, 11-12/.

Но несправедливость не только в смертности жизни и в

господстве случая. Ею проникнуты взаимоотношения между людьми, которые не противостоят ей, а словно соглашаясь с общим порядком вещей, унижают и уничтожают друг друга: «И обратился я, и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила ... И ублажил я мертвых ... более живых, а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, которые делаются под солнцем ... всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть...» /4, 1-4/.

Как же тогда жить мудрому человеку, видя всю суетность, бессмысленность и несправедливость жизни. Автор всё-таки не отвергает эту жизнь и дает некоторые советы, способные утешить. Во-первых, нужно постараться принять эту земную жизнь как Божий дар, трудиться, есть и пить, т.е. смириться – а куда денешься? /2, 24-26/. Во-вторых, зная, что всё земное потом отнимется, стараться сохранять во всё меру, не тратя все силы души на достижение суетных целей /7, 15-18/. А в-третьих, постараться понять, что всё-таки быть мудрым лучше, чем быть глупцом, и творить добро лучше, чем злодействовать, ибо мудрость от глупости и добро от зла отличаются так как свет от тьмы /2, 13/, а человеку приятнее и свойственнее жить в свете, нежели во тьме. И еще человеку следует избегать одиночества, ибо в общении, дружбе, браке человек забывает о своей печальной участи /4, 9-12/...

Что это за рассуждения? Выводы Экклезиаста совсем не похожи на вероисповедание Соломона, они совершенно далеки от веры Авраама, Исаака и Иакова. И уж совершенно загадочно в связи со всем вышесказанным звучат последние стихи книги: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека. Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и всё тайное, хорошо оно, или худо» /12, 13-14/. Разве это высказывание есть итог всему, «сущность всего»? Напротив, оно звучит даже не как противоречие, а как новое откровение, подробно не разъясненное!

Но Экклезиаст не зря назван мудрым. Ведь он, совершенно верно подмечая явления природной и общественной жизни, в своих первых выводах и наставлениях говорит не как библейский праведник, а как эллинский философ, скептик и стоик одновременно. Эллинская

мудрость достигла больших высот, но не ведая Откровения, она упиралась в проблемы смерти, бессмысленности, случайности и несправедливости. Эта мудрость во многом и по сей час составляет мировоззрение светского мира, и потому с таким удовольствием цитируется Экклезиаст. Но ведь автор сознательно приводит мыслящего человека в тупик. Иногда кажется, что лучше творить добро, но в итоге – зачем? Человеку нужно и свойственно трудиться, но ведь по сути – это бессмысленный «бег по кругу». Человек стремится к богатству, славе, счастью, но даже если не погибнет на полпути, никогда не удовлетворится достигнутой целью. Жизнь несправедлива, но кто сказал, что она должна быть справедливой и почему вообще человек упорно жаждет справедливости? Человек страдает от смертности, но почему вообще возникает разговор о бессмертии? И когда честный мыслитель упирается в скорлупу безвыходности, Экклезиаст вдруг открывает ему: все сомнения и вся суета преодолеваются в ином, религиозном измерении, в «небе». Там Бог Живой, Он Судит доброе и злое, Он откроет смысл всего, сделает явным тайное, а пока нужно научиться исполнять Его заповеди и жить, «боясь» Бога.

Страх Божий, о котором говорит Экклезиаст, является в библейском Откровении важнейшим понятием. Страх человека перед дикой природой и могуществом стихии, страх перед огромностью вселенной, страх перед бездонностью духовного мира явился следствием грехопадения. Мы помним, как Адам сказал Богу, что услышал Его голос в раю и убоился, ибо присутствие Божие перестало быть для человека высшей радостью. В древнейших религиях описывается ужас человека-букашки перед страшным Верховным Существом. Но такие праведники, как Авраам, Моисей, Давид, пророки Исая и Иеремия научили иудеев другому – страх Божий есть удивительное сочетание двух ощущений: недостойности малого перед Великим, твари перед Творцом и в то же время восторг от Его присутствия, дерзновенное желание быть с Ним. В другой интонации страх Божий есть непрерывное памятование о Боге. Этот страх также определяется красивыми русскими словами «трепет», «благоговение».

Мудрый автор книги Экклезиаст показывает путь спасения,

восхождения к Богу как преодоление пессимизма эллинской /мирской/ философии воспитанием в себе непрестанного памятования о Боге и Его благой и промыслительной воле.

6.2. Песнь Песней Соломона

Книга Песнь Песней Соломона, состоящая из 8-ми небольших глав, построена как музыкальная пьеса, в которой участвуют жених, невеста и хор друзей, и представляет собой древнюю венчальную песню, схожую с теми, которые до сих пор существуют у всех народов. В основе ее лежит реальная история страстной любви царя Соломона (вообще весьма любвеобильного и из-за этого в итоге духовно пострадавшего) к эфиопской наложнице, юной Суламите, одной из многих в гареме славного царя. В книге они становятся только образами влюбленных друг в друга и поочередно воспевающих любовь жениха и невесты:

«Невеста: Да лобзает он меня лобзанием уст своих!

Ибо ласки твои лучше вина.

От благовония мастей твоих

Имя твое – как разлитое миро...

Влеки меня, мы побежим за тобою -

Царь ввел меня в чертоги свои -

Будем восхищаться ... тобою,

Превозносить ласки твои больше, нежели вино...

Что яблоня между лесными деревьями,

То возлюбленный мой между юношами.

В тени ее люблю я сидеть,

И плоды ее сладки для гортани моей.

Он ввел меня в дом пира,

И знамя его надо мною – любовь.

Подкрепите меня вином,

Освежите меня яблоками,

Ибо я изнемогаю от любви...

Жених: О, ты прекрасна, возлюбленная моя,

Ты прекрасна!

Глаза твои голубиные

Под кудрями твоими;

Волосы твои – как стадо коз,

Сходящих с горы Галаадской...
Как лента алая губы твои,
И уста твои любезны;
Как половинки гранатового яблока - ланиты твои...
Два сосца твои -
Как двойни молодой серны,
Пасущиеся между лилиями...
Вся ты прекрасна, возлюбленная моя,
И пятна нет на тебе!
Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста...
Одним взглядом очей твоих...
О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста!
Округление бедр твоих как ожерелье,
Дело рук искусного художника;
Живот твой - круглая чаша,
В которой не истощается ароматное вино;
Чрево твое - ворох пшеницы,
Обставленный лилиями...
Этот стан твой похож на пальму,
И груди твои на виноградные кисти.
Подумал я: влез бы я на пальму,
Ухватился бы за ветви ее;
И груди твои были бы вместо кистей винограда...
Невеста: Возлюбленный мой бел и румян,
Лучше десяти тысяч других.
Голова его - чистое золото;
Кудри его волнистые,
Черные, как ворон...
Щеки его - цветник ароматный...
Губы его - лилии,
Источают текучую текучую мирру;
Руки его - золотые кругляки,
Усаженные топазами;
Живот его - как изваяние из слоновой кости,
Обложенное сапфирами...
Уста его - сладость,
И весь он - любезность...»

/1, 2-4; 2, 3-5; 4, 1-5,7,9,10; 5, 10-16; 7, 2,3,8,9/

Воспеванию взаимного обладания вторит хор, то продолжающий поэтические сравнения, то вопрошающий жениха и невесту друг о друге. Автор абстрагируется от реальных Соломона и Суламиты и воспекает красоту, чистоту и силу чувственной земной любви. В конце книги невеста говорит:

*«Положи меня, как печать, на сердце твое,
Как перстень, на руку твою:
Ибо крепка, как смерть, любовь,
Лютая, как преисподняя, ревность...
Большие воды не могут потушить любви
И реки не зальют ее.
Если бы кто давал
Всё богатство дома своего за любовь,
То он был бы отвергнут с презреньем» /8, 6,7/*

Итак, «крепка, как смерть, любовь». Эта фраза означает не только то, что мысль о смерти и чувство любви – важнейшие для человека. «Крепость» смерти есть начало разговора о смысле жизни; тема смерти неизбежно переключается с размышлением и переживанием о Боге. Мысль о смерти возводит к Богу. Но, оказывается, и любовь возводит к Нему. Во-первых, потому, что юношеская любовь, неспорченный эрос – это поистине Божий дар; и влюбленные, идеализируя друг друга и не желая думать о возможном будущем разочаровании, именно так это и воспринимают. А во-вторых, она есть земное преломление иной любви, любви Бога к своему творению. Разговор о любви, казалось бы, относится скорее к НЗ, но уже в рассматриваемой книге мы встречаем свидетельство откровения Божией любви. Может быть, не случайно название книги имеет ту же конструкцию, что и вся Книга Книг/Библия/ – «Песнь Песней»? Чтобы понять это, обратим внимание на некоторые черты описания жениха и невесты, которые странно было бы отнести к поэтической лирике, даже столь древней:

*Ж: «Кобылице моей в колеснице фараоновой
Я уподобил тебя, возлюбленная моя.» /1,9/
Хор /про невесту/: «Кто эта, восходящая от пустыни
Как бы столбы дыма,*

*Окуриваемая миррою и фимиамом?...» /3,6/
Ж: «Зубы твои, как стадо выстриженных овец,
Выходящих из купальни,
Из которых у каждой пара ягнят,
И бесплодной нет между ними...
Шея твоя - как столп Давидов,
Сооруженный для оружий,
Тысяча щитов висит на нем...
Глаза твои - озерки Есевонские,
Что у ворот Батраббима;
Нос твой - башня Ливанская,
Обращенная к Дамаску;
Голова твоя на тебе, как Кармил..."/4, 2,4; 7, 5,6/*

О ком идет речь: о едва достигшей совершеннолетия девушке или о мощной крепости? При внимательном рассмотрении текста в образе невесты начинают проглядывать совсем иные черты - черты Иерусалима, черты Израиля, возлюбленного Богом. А вслед за тем в образе юного царя, величие которого подобно Ливанским кедром /5,15/ и которого ищет по улицам и площадям душа невесты /3,2/, угадывается Сам Ягвэ - Творец и Промыслитель избранного народа, являющийся в «хоре» - сонме ликующих ангелов.

Может показаться странным, что отношения между Богом и народом Израиля автор представляет в виде любовного обладания Жениха и Невесты. Но на самом деле это особый, принятый в Писании прием, встречающийся у пророков и перешедший в НЗ. Происхождение его весьма интересно. В древних религиях брачно-сексуальная символика занимала большое место, и часто процессы творения мира и появления его сущностей и стихий описывались в виде «брака богов», от которого рождались новые боги и энергии. У Бога-Отца обязательно имелась Божественная Супруга-Мать, у них рождались дети, и в мифологическом сознании древних возникали сложнейшие теогонические схемы, которые в новое время были унаследованы разного рода теософами. Словно полемизируя с древними выдумками, Библия говорит - Бог один, нет никаких богов рядом с Ним, а если говорить о браке, то этим браком, союзом является Завет, заключенный с Израилем со времен Авраама и

подтвержденный на горе Синай при Моисее. По мере постепенного узнавания тайны Божественной любви Ягвэ представляется Женихом, взявшим в жены чистую /в идеале, в замысле, но не в реальной истории/ «невесту» – Израиль. Бог не просто любящий Супруг, он – «Ревнитель», т.е. ревнует к Израилю, который часто оказывается Ему неверен. Подробно об этом скажут пророки Осия и Иеремия, а в НЗ Господь Иисус будет называть Себя Женихом, апостолов – друзьями Жениха или сынами чертога брачного, наши души – девами, готовыми к браку, Царство Божие – брачным пиром; св. ап. Павел назовет невестой Христову Церковь, а Апокалипсис св. Иоанна величественно завершит этот ряд образов. Но тема любви Бога и человека всегда будет присутствовать в жизни святых:

«Прииди, Свет истинный; прииди, Жизнь вечная; прииди, сокровенная тайна; прииди, сокровище безымянное; прииди, вещь неизреченная; прииди, Лицо непостижимое; прииди, непрестанное радование! Прииди, Свет невечерний; прииди, всех хотящих спастися истинная надежда. Прииди, мертвых воскресение; прииди, могучий, все всегда делающий, преобразующий и изменяющий одним хотением; прииди, невидимый, совершенно неприкосновенный и неосязаемый. Прииди, всегда пребывающий неподнижным и ежечасно весь передвигающийся и приходящий к нам, во аде лежащим,- Ты, превыше всех небес прерывающий. Прииди, имя превозделенное и постоянно провозглашаемое, о котором никто не может сказать, что оно, и никто не может узнать, каков Ты и какого рода, так как это нам совершенно невозможно. Прииди, «веночек неувядающий. Прииди, Ты, Которого возлюбила и любит несчастная моя душа. Прииди, Единый, ко мне единому. Прииди, отделивший меня от всех и соделавший на земле одиноким. Прииди, Сам соделавшийся желанием во мне и возжелавший, чтобы я желал Тебя, совершенно неприступного. Прииди, дыхание и жизнь моя. Прииди, утешение смиренной души моей» (св. Симеон Новый Богослов).

В свое время иудейские авторитеты сомневались насчет включения Песни Песней в канон ВЗ-ных книг, но всё-таки книга была признана канонической из-за глубины содержащейся в ней идеи. Здесь показано восхождение к Богу путем узнавания за границами земной, данной свыше, брачной любви, существования

любви иной, Божественной, путем преображения чувственного эроса в духовную любовь. И потому, в частности, эту книгу некоторые Отцы Церкви рекомендовали читать именно совершенным монахам.

В конце книги мы находим своеобразное пророчество, косвенно подтверждающее вышесказанное:

«Есть у нас сестра,- говорит невеста,- которая еще мала, и сосцов нет у нее; что будем делать /с ней/, когда будут свататься за нее?» /8,8/ - так сказано о будущем «браке», Завете Бога с язычниками, которые пока не доросли /"нет сосцов"/; и мы по ассоциации не можем не вспомнить слова Спасителя: «Есть у меня и другие овцы, которые не сего двора; и тех надлежит Мне привести ... и будет одно стадо и один Пастырь.» /Ин. 10,16/.

6.3. Притчи Соломоновы

Книга Притчей Соломоновых состоит из множества кратких афоризмов, выполненных в виде наставлений и советов мудрого родителя юноше, вступающему во взрослую жизнь. «Уклонись от зла и сотвори благо» - вот главная тема этих притчей, и эту же заповедь автор высказывает по-другому: «не совершай глупостей, но ходи путем мудрых». Автор Притчей не вдаётся глубоко в проблемы первородной испорченности человека, и для него быть мудрым и быть праведным - одно и то же. Если человек грешит, значит, он глупец. И в самом деле, умный человек, внимательно рассмотрев пути праведника и злодея, вряд ли стал бы грешить. Здесь мы видим оптимистичную апелляцию к тому, что в мире принято называть здравым смыслом /1, 1-6/. Послушаем эти древние, но в большинстве своем ничуть не потерявшие актуальность «наставления отца» и «заветы матери»:

«Сын мой! если будут склонять тебя грешники ...
если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду
для убийства,
подстережем непорочного без вины,
живых проглотим их, как преисподняя...
наберем всякого драгоценного имущества,
наполним дома наши добычею -
не ходи в путь с ними,

удержи ногу твою от стези их ...
напрасно расставляется сеть ...
таковы пути всякого, кто алчет чужого добра
оно отнимает жизнь у завладевшего им /1, 11-19/
Не отказывай в благодеянии нуждающемуся,
когда рука твоя в силах сделать его.
Не говори другу твоему: «пойди и приходи опять,
и завтра я дам», когда ты имеешь при себе.
(Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день.)...
Не ссорься с человеком без причины,
когда он не сделал зла тебе. /3, 27-30/
Не вступай на стезю нечестивых,
и не ходи по пути злых ...
потому что они не заснут, если не сделают зла;
пропадает сон у них, если они не доведут
кого до падения;
ибо они едят хлеб беззакония
и пьют вино хищения !/
Стезя праведных – как светило лучезарное,
которое более и более светлеет до полного дня;
Путь же беззаконных – как тьма;
они не знают, обо что споткнутся. /4, 14-19/
Если ты поручился за ближнего твоего...
ты ... пойман словами уст твоих ...» /6, 1-2/

/в самом деле, как часто поручительство и немудрая доверчивость
становятся причиной тяжких трагедий/

*«Пойди к муравью, ленивец,
посмотри на действия его, и будь мудрым.
Нет у него ни начальника,
ни приставника ...
но он заготавливает летом хлеб свой,
собирает во время жатвы пищу свою.
(Или пойди к пчеле, и познай,
как она трудолюбива, какую ... работу она производит,
ее труды употребляют во здравие
и цари и простолюдины ...*

хотя силою она слаба, но мудростью почтена.)

Доколе ленивец, будешь спать?...

Немного поспишь, немного подремлешь...

и придет, как прохожий, бедность твоя.» /6, 6-11/

Муравей и пчела часто вспоминаются в религиозной литературе как яркие примеры премудрого Божественного устройства всей твари. В связи с последней строкой цитаты необходимо напомнить, что в ВЗ иудаизме, во многом ориентированном на земную жизнь, богатство считается свидетельством благословения Божия и результатом трудолюбия, и в отношении богатства и бедности в книге Притчей мы находим замечательное высказывание:

*«Двух вещей я прошу у Тебя,
не откажи мне, прежде нежели я умру:
суету и ложь удали от меня,
нищеты и богатства не давай мне,
питай меня насущным хлебом,
дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя
и не сказал: «кто Господь?»,
и чтобы, обеднев, не стал красть
и употреблять имя Бога моего всуе.» /30, 7-9/*

Притчи проникнуты упованием на неотвратимое наказание любого нераскаянного грешника и посюстороннее блаженство мудрого праведника.

*«Человек лукавый, человек нечестивый
ходит со лживыми устами,
мигает глазами своими, говорит ногами своими...»
/как верно подмечено: лгун нервничает, его и походка выдает!/
«...коварство в сердце его; он умышляет зло... сеет раздоры.
Зато внезапно придет гибель его,
Вдруг будет разбит – без исцеления.» /6, 12-15/*

/тут на ум сразу приходит немалое число исторических примеров/

*«Вот шесть, что ненавидит Господь ...
глаза гордые, язык лживый
и руки, проливающие кровь невинную,
сердце, кующее злые замыслы,*

ноги, быстро бегущие к злодейству,
лжесвидетель, наговаривающий ложь
и сеющий раздор между братьями.» /6, 16-19/.

Таким методом перечисления автор пользуется довольно часто:

«От трех трясется земля,
четырех она не может носить:
раба, когда он делается царем;
глупого, когда он досыта ест хлеб,
позорную женщину, когда она выходит замуж,
и служанку, когда она занимает место госпожи своей.»
/30, 21-23/

Отметим попутно, что направляя не только дела, но и слова,
желания и мысли юного слушателя, автор Притч свидетельствуют о
ВЗ-ной аскетике:

«Не допустит Господь терпеть голод душе праведного,
стяжание же нечестивых исторгнет...
Ненависть возбуждает раздоры,
но любовь покрывает все грехи...
При многословии не миновать греха,
а сдерживающий уста свои - разумен.
Благословение Господне - оно обогащает
и печали с собой не приносит./10, 3,12,19,22/
Благотворительная душа будет насыщена,
и кто напаяет других, тот и сам напоен будет.»
/10, 3, 12,1119,22; 11,25/.

Ведь никаким законом не научишься правильной оценке
собственного поведения:

«Не учащай входить в дом друга своего,
чтобы он ... не возненавидел тебя» /25, 17/

Не сможет апеллировать к Закону пострадавший от зависти и
лицемерия, но Мудрый предупреждает:

«Не вкушай пищи у человека завистливого,
и не прельщайся лакомыми яствами его...
Кусок, который ты съел, изблюешь,

и добрые слова твои ты потратишь напрасно» /23, 6,8/

Необходимо отметить, что большинство поучений строятся на метком противопоставлении, которое само по себе обусловлено свободным нравственным выбором человека; реже они строятся на сравнении или усилении смысла:

«Лучше смиряться духом с кроткими,
нежели разделять добычу с гордыми.
В полу бросается жребий,
но всё решение его – от Господа.
Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей,
нежели глупца с его глупостью.
Лучше блюдо зелени, и при нем мир,
нежели откормленный бык, и при нем раздор.
Что золотое кольцо в носу у свиньи,
то женщина красивая – и безрассудная.
Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя,
обличай мудрого, и он возлюбит тебя.
На разумного сильнее действует выговор,
чем на глупого сто ударов.
Не отвечай глупому по глупости его,
чтобы и тебе не сделаться подобным ему;
но отвечай глупому по глупости его,
чтобы он не стал мудрецом в глазах своих.»
/16, 11,33; 17, 12; 11, 22; 9, 8; 17, 10; 26, 4,5/

В вопросе отношения к обидчику и врагу автор Притчей, написанных в V в. до Р.Х., также идет дальше Моисеева Закона, который позволял ненавидеть врага и воздавать ему за зло, и даже полемизирует с известным правилом нравственности:

«Не говори: как он поступил со мною,
так и я поступлю с ним, воздам человеку по делам его...
Милость и истина да не оставляют тебя ...
напиши их на скрижали сердца своего . .
Не говори: «я отплачу за зло»;
предоставь Господу, и Он сохранит тебя.
Всё сделал Господь ради Себя,

и даже нечестивого блюдет на день бедствия

/последнюю фразу можно понимать двояко: как орудие Божие, посланное для вразумления других, или «хранит до последней надежды на раскаяние»/

Если голоден враг твой, накорми его хлебом;
и если он жаждет, напой его водою ...
делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его ,
и Господь воздаст тебе

/"горящие угли» - если он продолжает враждовать; в целом эта мысль перекликается с понятием о священном характере домашнего крова, символа Божьего покровя/

Не радуйся, когда упадет враг твой ...

Иначе увидит Господь ...

и Он Отвратит от него гнев Свой.»

/24, 9; 3, 4; 20, 22; 16, 4; 25, 21-22; 24, 17-18/.

В отличие от Экклезиаста автор Притчей сразу поясняет, что все пути человека проходят пред Господом, и сама мудрость есть не просто сумма житейского навыка:

«Начало мудрости - страх Господень ...

благоговение к Богу - начало разумения». /1, 7/

И потому высшая человеческая мудрость /премудрость/ есть совокупность интеллекта, жизненного опыта и обязательно памятования о Боге, страха Господня; короче: премудрость=опыт ума + вера в Ягвэ. Этой второй составляющей как раз и не хватает «мудрым века сего». Особое место в книге занимает тема отношения к женщине. Прежде всего, автор многократно предостерегает юношу от увлечения чужой женой или блудницей, ибо путь прелюбодеев и блудников превратен и бесславен:

» Не пожелай красоты /негодной женщины/ в сердце твоём,
да не уловлен будешь очами твоими,
и да не увлечет она тебя ресницами своими,
потому что из-за жены блудной обнищают до куска хлеба...
Может ли кто ходить по горящим угольям,
чтобы не обжечь ног своих?

То же бывает и с тем, кто входит
к жене ближнего своего...

Не спускают вору, если он крадет, когда ... голоден
будучи пойман, заплатит всемеро...

Кто ... прелюбодействует с женщиною, у того нет ума...

Множеством ласковых слов ... увлекла /блудница юношу/...

Тотчас он пошел за ней,

как вол идет на убой, и как пес на цепь ... /6 и 7 гл/».

Прелюбодеяние нечестно, глупо, кощунственно /из-за святости брака/, в нем сомнительное минутное наслаждение сменяется горьким разочарованием и несвободой; гораздо мудрее познать радость и утешение в собственном браке, о чем говорится образно и даже с юмором:

«Пей воду из твоего водоема

и текущую из твоего колодезя.

Пусть не разливаются источники твои по улице,

потоки вод – по площадям;

Пусть они будут принадлежать тебе одному,

а не чужим с тобою.

Источник твой да будет благословен,

и утешайся женою юности твоей,

любезною ланью и прекрасною серною;

грудь ее да упоявают тебя во всякое время;

любовью ее услаждайся постоянно.

И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею

и обнимать грудь чужой?

Ибо пред очами Господа пути человека,

и Он измеряет все стези его.» /5, 15-21/.

Конечно, жёны бывают разные, и автор неустанно порицает жену сварливую, а добродетельную восхваляет:

«... цена ее выше жемчугов.

Уверено в ней сердце мужа ее,

и он не останется без прибýtка.

Она воздает ему добром ...

во все дни жизни своей.

Добывает шерсть и лен,

и с охотою работает своими руками.
Она, как купеческие корабли,
издалека добывает хлеб свой.
Она встает еще ночью
и раздает хлеб в доме своем ...
Задумает она о поле, и приобретает его;
от плодов рук своих насаждает виноградник.
Препоясывает силою чресла свои,
и укрепляет мышцы свои.
... руку свою подает нуждающемуся...
Она делает себе ковры,
виссон и пурпур - одежда ее.
...Уста свои открывает с мудростью ...
и не ест хлеба праздности.
Встают дети - и ублажают ее,
Муж - и хвалит ее:
«Много было жен добродетельных,
но ты превзошла всех их...»
да прославят ее у ворот дела ее!» /31, 10-31/

Как и в Песни песней, автор прибегает здесь к знакомому нам приему, и мы не можем отделаться от ощущения, что за описанием еврейской женщины встает чей-то величественный женский образ, но на этот раз это не «дщерь Сиона», не Израиль. Это Премудрость Божия, которая в середине книги перестает описываться как необходимое человеку качество благочестия, а неожиданно персонифицируется:

«Не премудрость ли взывает?...
Она становится на возвышенных местах,
при дороге, на распутиях;
она взывает у ворот при входе в город:
научитесь, неразумные благоразумию...
У меня совет и правда,
я разум, у меня сила ...
Мною цари царствуют
... и вельможи и все судьи земли.
Любящих меня я люблю,

и ищущие меня найдут меня ...
плоды мои лучше золота ... самого чистого
...Итак, дети, послушайте меня,
и блаженны те, которые хранят пути мои!
... кто нашел меня, тот нашел жизнь» /8, 1-20,32,35/.

Так вот кто давал мудрые советы юноше! Это не отец и не мать, это сама Премудрость говорит, та сила, та энергия Божия, которой Он творит и держит мир:

«Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони;
от века я помазана,
от начала, прежде бытия земли.
Я родилась, когда еще не существовали бездны,
когда ... Он не сотворил еще ...
начальных пылинок вселенной.
Когда Он уготовлял небеса, я была там ...
когда давал морю устав ...
я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день,
веселясь пред лицом Его ...
и радость моя была с сынами человеческими...» /8, 22-31/.

Не потому ли, создав человека, Бог увидел, что «хорошо весьма»? Не потому ли счастлив человек в раю? Он был приобщен к Премудрости Ягвэ, к Божественной Софии. В 9-ой гл. Притчей премудрость приоткрывает о Себе еще одну тайну:

«Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столпов его,
заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила у себя трапезу;
послала слуг своих провозгласить...:
«идите, ешьте хлеб мой,
и пейте вино, мною растворенное;
и ходите путем разума ..."» /9, 1-6/.

В этом фрагменте, пересекающемся и с евангельской притчей о званых на царский пир, и с формулой евхаристического завета

/"примите, ядите ... пейте от нея вси"/ мы уже имеем дело с явным Откровением о Христе и Его Церкви, стоящей на «семи столпах» – семи таинствах. Премудрость – Хокма – София оказывается не просто свойством Ягвэ, в НЗ-ной перспективе – это вторая Ипостась Троицы. Того, Кто будет назван в Евангелии Сыном и Словом, Того, Кем всё сотворено, автор Притчей пророчески называет Премудростью. (И потому можно сказать, что Иисус – это воплощенная София, Премудрость Ягвэ. На древних иконах мы и встречаем изображения царственного Христа с надписанием Господь Иисус Христос София.)

Идея автора оказывается очень глубокой – через воспитание в себе премудрости, включающей благоговение к Богу, мы становимся детьми и причастниками Премудрости как Божьей энергии и Божьей красоты, а затем в перспективе спасения окажется, что Премудрость эта и есть Сам Бог в другом Своем Лице. Т.е. возрастание в премудрости становится путем соединения с Богом! И тогда даже брак становится образом иного союза – обручения праведника с Премудростью. И понятны тогда несколько преувеличенные рассуждения о неизбежной гибели юноши, увлекшегося блудницей («дом ее ведет к смерти ... никто из вошедших к ней не возвращается» /2, 18-19/)- речь идет об образе духовного заблуждения, обручения с блудной и непостоянной моралью падшего мира глупых людей, которые вместо истинного причастия «едят хлеб беззакония и пьют вино хищения» /4, 17/.

К книге Притчей тесно примыкают книги Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова, которые и по форме изложения, и по заложенным идеям сходны с Притчами. Автор Премудрости знает уже и о бессмертии души, и о воздаянии за гробом; провозглашая, что «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его. А души праведников в руке Божией, и мучение не коснется их.» /2, 23-24; 3, 1/, он вносит новый импульс рассуждению о мудрости человеческой и Премудрости Ягвэ. Ревностный законник Иисус сын Сирахов тоже рассуждает о Премудрости, но он отождествляет ее с Законом Моисеевым, т.е. Закон есть для него воплощенная Премудрость.

6.4. Псалтирь

Книга Псалтирь в нашей Библии включает 150 псалмов. Псалом – это облеченная в поэтическую форму молитва (или молитвенное размышление). Жанр этот восходит к глубокой древности, в частности, до наших дней дошли древнеегипетские псалмы, по форме мало отличающиеся от библейских. Традиция связывает авторство основной части библейских псалмов с именем знаменитого царя Давида, т.к. этот искренний молитвенник действительно занимался псалмотворчеством, но псалмы в Израиле создавались и во времена Моисея /см. Исх, 15 /, и при Соломоне, и в эпоху вавилонского плена. Псалмы стали органической частью ВЗ-ного богослужения; причем они не только читались, но исполнялись хорами в сопровождении бесхитростных струнных и духовых инструментов: псалтири, гуслей, цитры, арфы, труб и т.д., в связи с чем многие псалмы имеют «надписания» – распоряжения хору и музыкантам. Псалмы – это молитвы, и поэтому их условно можно разделить на следующие типы:

1. просительный: человек просит у Бога помощи, защиты, избавления от видимых или невидимых врагов, просит вразумления нечестивым;
2. покаянный: молящийся исповедует свое недостойство и греховность пред Богом и просит о ниспослании благодати, которая его очистит и соделает праведным;
3. благодарственный: человек благодарит Господа за помощь или чудесное избавление от гибели;
4. славословный: «всякое дыхание ... хвалит Господа», но человек – высшее творение Божие славит своего Творца не только за жизнь, за мир, за само бытие, но за открывшуюся ему красоту и величие самого Бога.

Однако в большинстве случаев все эти мотивы вплетаются в цельный узор древнего молитвенного стиха:

*Помилуй, Боже, помилуй меня,
На Тебя уповает душа моя;
Укроюсь под сенью крыл Твоих,
Покуда не минула беда.
К Богу Вышнему вопию,
К Богу, вызволяющему меня;
Он пошлет с небес помощь ко мне,
Губителя смутит моего.*

*Бог ниспошлет милость Свою,
Ниспошлет верность Свою.
А моя душа - в кругу львов,
Хищники окрест нее,
Лютые, пожиратели людей;
Копья и стрелы - зубы их,
Языки - острые мечи...
Боже, готово сердце мое,
Готово сердце мое!
Воспою, воспою Тебе хвалу...
Превыше небес, Боже, восстань,
Распрости над землей славу Твою!
/Пс. 56, пер. Аверинцева/*

Примером покаянного псалма является 50-ый /»Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей«/; не менее знаменит 90-ый псалом /»Живый в помощи Вышнего«/, в котором молящийся испрашивает у Бога чуда защиты от врагов или беды / «тысяча падет с тобою рядом, и десять тысяч - одесную, но до тебя не коснется» - Пс. 90, 7, пер. Аверинцева/. Ряд псалмов похожи на притчи и отражают размышления об извечном нравственном выборе человека и об истинной ценности его поступков:

*«О, благо тому,
Кто совета с лукавым не устроил,
На стезю грешных не вступал,
Между кощунниками не сидел;
Но в законе Господнем - радость его,
Слова закона в уме его день и ночь.
Он как дерево, что насаждено
У самого течения вод,
Что в должное время принесет плоды,
И не увянут листья его,
Устроится всякое дело его.
Грешные не таковы,
Они - как развеваемый ветром прах,
Грешные на суде не устоят,
Лукавым меж праведных места нет;*

*Путь праведных ведаёт Господь,
Но потерял лукавых путь»
/Пс. 1, пер Аверинцева/*

*«Если дома не строит Господь -
К чему строителей труды?
Если града не хранит Господь -
К чему бодрствует страж?»
/Пс. 126, 1-2; пер Ав/ и т.д.*

Но даже в тех псалмах, где нет прямого обращения к Ягвэ, Он всё равно пребывает живым свидетелем духовной высоты автора, который и рассуждает, и надеется, и молится, и взывает, и вопит, но более всего - алчет жизни в Божьем царстве:

*«Как желанны обитатели Твои,
Адонай, Господи сил!
... Ликует во мне сердце мое,
Торжествует плоть моя,
В радости о Боге Живом.
Вот, и пташка находит себе приют,
И ласточка укром птенцам своим,
А мне - алтари Твои, Боже сил ...
Блаженны живущие в доме Твоем...
/Пс. 83, 1-6; пер. Авер/*

Выраженное в гимнах и молениях высокое напряжение духовной жизни Давида, Соломона и многих безымянных авторов, искреннее переживание славы и справедливости Творца на фоне собственных страданий иногда поднимало псалмы до уровня пророчеств, и поэтому некоторые псалмы, говорящие о будущем Мессии - Спасителе, строчки из которых цитирует в Евангелии Господь Иисус, называются «мессианскими». К их числу относятся Пс. 2, 15, 68, 71, 109 и др., но особенно ярким в этом отношении является 21-ый Пс, в котором страдания Христа изображены так точно, будто автор присутствовал при будущей Голгофе:

*«Боже мой! Боже мой!... Для чего Ты оставил меня?...
Я ... червь, а не человек,
поношение у людей и презрение в народе.*

Все, видящие меня, ругаются надо мною;
говорят устами, кивая головою:
«Он уповал на Господа; пусть избавит его,
пусть спасет, если он угоден Ему»...
Я пролился, как вода;
все кости мои рассыпались;
сердце мое сделалось, как воск...
язык мой прильпнул к гортани моей,
и Ты свел меня к персти смертной...
скопище злых обступило меня;
пронзили руки мои и ноги мои...
... они смотрят, и делают из меня зрелище.
Делят ризы мои между собою,
и об одежде моей бросают жребий...
/ Пс. 21:1,7-9, 15-19/.

Книга псалмов перешла в НЗ и по сей день занимает важнейшее место как в богослужении (всенощном, великопостном, погребальном), так и в личном молитвенном опыте христианина. Однако, несмотря на высоту, искренность молитвы и созвучие текстов определенному душевному настроению, не следует забывать, что составлены молитвы ВЗ-ным человеком, израильтянином, и оттого темы праведности, воздаяния, отношения к врагу выдержаны в духе отношений Закона. Яркий пример этого мы находим в Пс. 108, где автор беспощадно проклинает своего врага, немилосердного человека:

«Поставь над ним нечестивого,
и диавол да будет одесную его.
Когда будет судиться, да выйдет виновным,
и молитва его да будет в грех...
Дети его да будут сиротами,
и жена его - вдовою...
Да не будет сострадающего ему...
Да истребит /Господь память его/ на земле» и т.п.

Логика псалмопевца понятна. Она исходит из древнего израильского представления о непременном воздаянии на земле и веры в справедливость Ягвэ и очевидность судеб человеческих пред Ним.

Если я стараюсь жить благочестиво и призываю Бога день и ночь, то мой враг и обидчик, упорствующий в злобе, оказывается сугубым грешником пред Ним, и потому проклят Им – т.е. отвергнут, отлучен от жизни.

В псалмах мы находим не только ненависть к врагам и восхваление собственной праведности, но и следы ВЗ-ной жестокости, рассмотренной в теме исторических книг. В частности, покаянный плач пленных иудеев в 136-м псалме /"На реках вавилонских..."/ заканчивается так:

«Припомни, Господи, сынам Едомовым
день Иерусалима ...

Дочь Вавилона, опустошительница!

Блажен, кто воздаст тебе
за то, что ты сделала нам!

Блажен, кто возьмет
и разобьет младенцев твоих о камень!»

А ведь в те времена именно так и поступали, и это было страшной нормой войны.

В обоих случаях мы привели довольно сильные выражения, но и в других псалмах встречаются подобные высказывания. Как же правильно молиться по Псалтири? Ответ на этот вопрос нам дает святоотеческий опыт прочтения псалмов, как и других библейских текстов, где все неприемлемые ВЗ-ные моменты толкуются аллегорически, аскетически, покаянно /см., например, канон преп. Андрея Критского/. И тогда псалмы обретают НЗ-ное звучание: «враги» – это грехи или бесы, Вавилон – это символ «мира, лежащего во зле», разбить младенцев – победить страсти в своем сердце, и т.д. И мудрая книга псалмов продолжает через 3000 лет учить человека правильной молитве и через это восхождению к Богу.

6.5. Книга Иова

Среди книг «мудрых Израиля» исключительное место занимает книга Иова, написанная приблизительно в V в. до Р.Х. Сам главный герой книги, Иов – древний праведник времен патриархов – не является израильтянином в строгом смысле слова, но почитает истинного Бога Ягвэ; из чего можно заключить, что, во-первых, пути богопознания

открыты не только евреям, а во-вторых, основные проблемы, поднятые в книге, волнуют всех людей.

Для знакомства с книгой Иова мы, как и в случае с псалмами, рекомендуем наряду с синодальным текстом перевод С. Аверницева.

В первых двух главах завязывается основной сюжет. Действие происходит в двух измерениях – на земле и на небе. На земле живет Иов, который «прост, и праведен, и богобоязнен, и далек от зла.» За это он, как и полагается, награжден Богом богатством, многочислием и земным блаженством: «Родилось у него семеро сыновей и трое дочерей; имения же было у него семь тысяч овец, и три тысячи верблюдов, и пятьсот пар волов подъяремных, и пятьсот ослиц, и челяди весьма много. И был человек этот велик между всеми сынами земли восточной. И сыновья его имели обыкновение сходиться, и каждый ... давал пир в доме своем ...но когда дни пира совершали круг свой, тогда ... Иов ... творил над ними очищение; рано утром вставал он и возжигал искупительную жертву по числу их...:

«может статься, погрешили сыны мои и похулили Бога в сердце своем?...». Итак, жизнь Иова и его детей – непрерывное пиршество, и Иов не только всем сердцем исполняет предписания Закона, но еще приносит дополнительные жертвы за помышления детей – «на всякий случай».

В это время на небесах происходят интересные события: «...был день, когда пришли Сыны Божьи, чтобы предстоять Господу; и Противоречащий /"сатана» в синод. переводе/ пришел с ними. И спросил Господь Противоречащего: «Отколе приходишь ты?» И отвечал Господу Противоречащий, и сказал:

«От обхода земли,
от скитаний по ней».

И спросил Господь Противоречащего:

«Приметило ли сердце твое
раба Моего Иова?

Ведь нет на земле мужа, как он:

прост, и праведен,
и богобоязнен, и далек от зла!»

И отвечал Господу Противоречащий, и сказал:

«Разве не за мзду богобоязнен Иов?

Не Ты ли кругом оградил его,
и дом его, и всё, что его?

Дело рук его ты благословил,
разошлись по земле его стада.

Но - протяни-ка руку Твою,
дотронься до всего, что есть у него;
разве не похулит он Тебя
в лицо Тебе?»

И сказал Господь Противоречащему:

«Вот - всё, что его, в руке твоей;
лишь на него не простри руки твоей!»

И отошел Противоречащий от лица Господа.» /1, 1-12/.

И тогда на земле с Иовом одно за другим начинают происходить несчастья. Со всех сторон на него нападают враги-кочевники, убивают всех пастухов, уводят весь скот, но самую страшную весть приносит последний слуга:

«Сыны твои и дочери твои
ели и пили вино
в доме брата своего первородного;
и вот великий вихрь
с ... края пустыни пришел
... и пал дом на юных, и они мертвы ...»

И тогда встал Иов, и разодрал ризу свою, и повергся на землю, и преклонился, и сказал:

«Наг вышел я из родимых недр
и наг возвращусь назад.
Господь дал, Господь взял -
благословенно имя Господне!»

При этом не погрешил Иов и не оказал Богу никакого неподобия» /1, 18-22/.

Итак, в первой части страшных испытаний Иов показал себя истинно Божиим человеком, способным не только в благополучии, но и в беде славить Бога. «Бог взял» - т.е. Ему виднее; нам ли рассуждать? Но уже в первой главе не может не возникнуть ряд вопросов. Каким образом сатана оказывается на ангельском «совете» у Бога? Зачем

Бог пытается что-то доказать сатане? Кто посылает беды человеку: Бог или тот самый «противоречащий»?

Для правильного постижения этих загадок нужно иметь в виду некоторые обстоятельства. В новом переводе сатана не случайно назван по-другому. «Сатана» книги Иова вовсе не адекватен диаволу в христианском мировоззрении. Он удивительным образом сочетает в себе черты духа сомнения – человеческого духа, и апокалиптического ангела-губителя, олицетворяющего стихийные бедствия. (Его образ близок к Демону Лермонтова и Воланду Булгакова). Описание происходящего на небесах в гл.1-2 является не откровением о действительно бывших словах и событиях, а иносказательно выраженным молитвенным размышлением автора о судьбе праведника на земле. Из первых глав не ясно, кто посылает человеку бедствия; сатана говорит Богу: «дотронься до всего, что есть у него...», и тут же Господь говорит противнику почти то же самое: «всё, что его – в руке твоей ...». И потому на возникающие сразу вопросы можно ответить так: это лишь фабула, смысл которой будет раскрыт дальше. Одно подмечено достаточно точно: стоит только Богу чуть-чуть ослабить Свою благодатную помощь, как человек оказывается беззащитной игрушкой злобных хаотических сил вселенной.

Во второй главе сюжет повторяется, только тут сатана требует большего. Господь говорит об Иове:

«Доселе тверд он в простоте своей;
а ты научал Меня на него,
ища погубить его без вины!»

И отвечал Господу Противоречащий, и сказал:

«... всё, что имеет муж,
отдаст он за жизнь свою.

Нет – протяни-ка руку Твою,
дотронься до кости его
и плоти его:

разве не похулит он Тебя
в лицо Тебе?»

И сказал Господь ...:

«Вот – он в руке твоей,

лишь дыханье его сохрани!"»

/2, 3-6, «дыханье» - т.е. биологическую жизнь/. Сатана «поразил Иова злыми язвами от подошвы стопы его по самое темя ... И взял Иов черепок, чтобы соскребать ... гной, и сел среди пепла.» Проказа и по сей день является страшной и по сути неизлечимой болезнью, а в древности она наводила мистический ужас на окружающих; еще бы: человек начинает заживо гнить, от него отваливаются куски. Прокаженные должны были жить вне поселений, они сидели на перепутьях, и им издали бросали еду.

«И говорила ему жена его:
«Ты всё еще тверд в простоте твоей?
Похули Бога - и умри!»

/жена говорит это не из кощунства, а из жалости к мужу: так лучше не жить вообще, лучше сразу умереть, а для этого достаточно произнести богохульство./

«Но он сказал ей:
«Словно одна из безумных жен, так молвила ты!
Приемлем мы от Бога добро -
ужели не приемлем от него зло?»

При всем этом не погрешил Иов устами своими» /2, 9-10/.
Характерно, что Иов лишь «устами» исповедал свое смирение с новым страшным своим положением, он пока еще в шоке и последние слова произносит автоматически. Из окрестных местечек к нему приходят три друга: Элифаз, Билдад и Цофар, чтобы выразить ему свое соболезнование и попытаться утешить его. Первые семь суток они молчат в присутствии Иова в знак скорби. Но после этого бушующий в душе Иова океан страдания вырывается наружу, и большая часть книги будет состоять из диалогов Иова и его друзей, каждый из которых по очереди три раза вступает в полемику с поверженным во прах праведником.

«... отверз Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов, и сказал:

Да сгинет день, в который рожден я,
и ночь, что сказала: «зачат муж!»
... Зачем не умер я при исходе из чрева
и не сгинул, выйдя из недр?...

На что Он дает страдальцу свет
и жизнь тому, кто душой удручен,
кто хочет смерти...» /3, 1-3,11,20-21/

Речи Иова полны протеста и отчаяния, и в начале они обращены преимущественно к друзьям, свидетелям страшного переворота в его жизни. Он, верный праведник Божий, отныне несет на себе явную печать отвержения. За что? – спрашивает Иов, и его вопрос становится главной темой книги: «За что страдает праведник?» Друзья Иова поставлены в сложное положение. Они сострадают другу и неохотно начинают ему отвечать, но Иов требуя правды, начинает высказывать сомнения в справедливости Божией, и потому благочестие и страх Божий не оставляют их равнодушными. Все три друга Иова исходят из известного нам древнего представления о том, что высшая правда на земле проявляется в том, что праведник благословлен Богом и счастлив, а грешник, напротив, наказывается, страдает и будущности не имеет. И раз Иов оказался в таком положении, значит, что-то с ним определённо не в порядке. Иову стоит глубоко задуматься, понять истинную причину, посмотреть на свою прежнюю жизнь со стороны, и ему всё станет ясно, он раскается пред Богом и будет спасен. Может быть, Иов просто забыл какие-либо совершенные в прошлом грехи? А может быть, он из стеснения или гордыни что-то скрывает? Вот и результат – наказание от Бога.

Иов опровергает все доводы друзей. Ведь он не только скрупулезно соблюдал заповеди, он совершал больше чем положено. Он сделал всё, что сказал Бог, а Бог отказался от него. И вообще, Иов понял, что «закон равного воздаяния» неправилен. Во-первых, как он видел в жизни не раз, грешные часто блаженствуют и умножают свое неправедное богатство на крови и труде притесняемых. Но более несправедливо то, что праведнику вовсе не гарантировано блаженство, и в отличие от друзей, Иов это испытал на себе. Сначала в речах Иова Бог упоминается в 3-ем лице, но затем всё чаще Иов начинает обращаться непосредственно к «Крепкому». В этих речах, отражающих душевное смятение страдальца, Иов то смиренно падает ниц пред Творцом, то обвиняет Его в несправедливости. Если Бог осуждает Иова, то пусть даст ему смерть; если Ему всё равно, пусть

оставит его в покое; в любом случае он дерзновенно требует, чтобы Бог ответил ему:

«Если бы взвесить скорбь мою,
и боль мою положить на весы!...
Ибо стрелы Крепкого настигли меня,
и дух мой ядом их напоен,
и ужасы Божии мне грозят...
Соизволил бы Он сокрушить меня,
простер бы руку Свою сразить меня!
Тогда была бы отрада мне,
и я веселился бы среди муки злой!...
Довольно с меня! Не вечно мне жить.
Отступи от меня! Мои дни – вздох...
Тебе что я сделал, Соглядатай мой?
Зачем Ты поставил меня, как цель для стрел?...»
/6, 1,4,9; 7, 16,20/

В итоге Иов доходит до того, что требует суда, он желает судиться с Богом, прекрасно осознавая при этом, что ответчик является одновременно Судьей! И это беда Иова, некому за него заступиться:

«Ведь не человек Он, как я, чтоб ответить Ему,
чтобы вместе нам предстать на суд.
Между нами посредника нет,
чтобы положить руку на обоих нас.» /9, 32-33/.

Так выражена древнейшая человеческая жажда близости Божией, Его «человечности»: нет Богочеловека-Христа, некому примирить Творца и тварь. Подобные речи Иова воспринимаются друзьями как безумие и кощунство. Наконец-то им понятно, почему такое произошло с Иовом. Вот и грех его, за который он наказан – богохульство, которое наверняка давно поселилось в его сердце; они приходят к этой мысли, не замечая, что путают причину со следствием. Но Иову это уже не важно. Его пытливый дух начинает прозревать таинственный узор Божественного домостроительства; он начинает чувствовать, что его страдания временны и не безнадежны, ибо после них ему должна открыться вся тайна и весь смысл, пусть даже это случится в последнее мгновение жизни:

«... я знаю, Заступник мой жив, и в конце встанет над прахом Он, и когда кожа моя спадет с меня, лишаясь плоти, я Бога узрю ... - истаивает сердце в моей груди!» /19, 25-27 - яркий образ, ведь кожа Иова в буквальном смысле спадает с него/.

После трех друзей в беседу неожиданно вступает молодой человек по имени Элиу, который упрекает старцев в том, что они не смогли правильно ответить Иову, несмотря на свои седины, и потому им приходится слушать безумные речи Иова, а ведь надо было просто объяснить ему, что все беды и страдания испытывают нас, приводят к раскаянию во грехах и прощению от Бога. Но доводы юноши, чье короткое явление в книге многие исследователи считают поздней вставкой, мало отличаются от прежних, и Иов, который уже давно апеллировал не к друзьям, а к небу, не обращает на него внимания. Но в тот момент, когда «слова Иова кончились» /31, 40/, из бури ему неожиданно отвечает Сам Господь:

«Кто есть сей, что промысел мрачит речами, в которых знанья нет? ...
Где ты был, как землю Я утверждал?
Говори - тебе ли не знать!
Кто положил ей предел? Скажи!
... когда звезды утра издали вопль,
возликовали все Божьи сыны?
Кто вратами море сдержал?...
В жизни твоей давал ли ты утра приказ,
назначал ли заре место ее?...» /38, 1-12/.

«Ты требовал суда и правды, Иов, и вот Я пришел, но пока Я буду тебя спрашивать», - как бы говорит Бог. Он подробно рассказывает Иову о творении мира (и рассказ этот перекликается с кн. Бытия) и делает это по двум причинам. Во-первых, Иов, будучи ограниченным земным человеком, не сможет своим умом охватить глобальный Божественный замысел Творца о мире и человеке. А во-вторых, в этом мире есть определенная тайна зла, намек на которую высказан в строчках о двух чудищах - Бегемоте и Левиафане /40, 41 гл./. Они упомянуты в числе прочих тварей Божиих, но эти имена пришли из древнейшей мифологии Междуречья, где символизировали двух сильнейших духов злобы, земного и морского соответственно.

Страшны они, впрочем, только человеку, а для Бога они не более чем животные; Он может поймать удой Левиафана и прижать ему леской язык /40, 20/. Эту тайну зла св. ап. Павел назовет позже «тайной беззакония». Бог не отвечает Иову конкретно на вопрос о причине страдания. Человеку в ВЗ этого знать не дано. Но Иову, оказывается это уже и не нужно. Он настолько упоен радостью общения с Богом, что всё остальное ему безразлично, ведь Бог открылся ему, а с Богом ничего уже не страшно:

«Теперь знаю, Ты можешь всё...
Ты явил дивное, непонятное мне...
Внемли же, я буду говорить...
Только слухом я слышал о Тебе;
ныне же глаза мои видят Тебя, -
сего ради отступаюсь,
и раскаиваюсь в прахе и пепле!» /42, 1-6/.

Иов взошел к Богу через протест, но это был протест не против Него Самого, а против неверных, примитивных представлений о Нем. И Бог тоже так считает, почему и говорит друзьям Иова: «Гнев Мой пылает на /вас/... ибо вы не говорили обо Мне так правдиво, как раб Мой Иов!... пойдите к ... Иову, и принесите за себя жертву всесожжения; и пусть раб Мой Иов помолится за вас, ибо только его молитву Я приму...» /42, 7-8/. Удивительное дело: на протяжении всей книги друзья, руководимые страхом Божиим, только и делали, что отстаивали правду Божию, а Иов говорил о Боге неслыханное, но именно он оказался возлюблен Творцом! Иов выстрадал свое знание близости Живого Бога. В конце книги Бог вновь награждает Иова здоровьем и долголетием, детьми и богатством. Но Иов перерастает ВЗ-ное понимание блаженства. В глазах св. отцов он становится прообразом другого, безгрешного Страдальца. Распятие Господа Иисуса, поправшего Своею смертью нашу смерть, станет в веках красноречивым ответом на общечеловеческий вопль к Богу о причине страданий.

Тема 7. Пророческие книги

7.1. Учение пророков. Книга Ионы

Книги пророков Израиля не просто являются частью Священного

Писания, но по своему содержанию представляют собой развитие учения ВЗ до уровня, предвосхищающего Евангелие. В обыденном сознании слово «пророк» часто путают с другим – «предсказатель». Но прорицатели и гадатели языческих религий не имеют ничего общего с библейскими пророками. Пророк – это прежде всего не тот, кто предсказывает будущие события, а тот кто «про-рекает» /проговаривает/, возвещает слова Божии, волю Божию. Всё, что было сказано в начале курса об Откровении и качествах человека, необходимых для участия в этом процессе, относится и к пророкам: чистота сердца, решимость, жертвенность. Можно сказать, что и Авраам, и Моисей, и другие древние библейские праведники были кроме всего остального и пророками: их пророческие черты являлись следствием теснейшей жизни с Богом. Но начиная с последнего «судьи», Самуила /прим. XI в. до Р.Х. – см. 1 Цар. 1/, и особенно в период VIII-V вв. в Израиле возникает пророческое служение в специфическом смысле. Пророки – харизматически одаренные люди, чем-то напоминающие русских юродивых «Христа ради» – могли жить поодиночке или целыми семьями, и ходили по городам и весям, проповедуя о гневе Господнем за грехи, о необходимости покаяния, напоминая об особом предназначении Израиля и бесстрашно обличая царей за их «мерзости». И к ним тоже приходили: узнать волю Ягвэ, поведать скорбь, а иногда – выбрать и помазать на служение нового царя. Порой из их среды, а порой после личного призвания Богом в Израиле появлялись особенно одаренные люди, духовное видение которых перерастало конкретные обстоятельства эпохи и открывало глобальные тайны. Большинство из них (за исключением, м.б., Ильи и Елисея) оставили после себя письменные свидетельства Откровения, ставшие книгами великих пророков Исаяи, Иеремии, Иезекииля, Даниила и еще 12-ти т.н. «малых пророков». Отношения пророков с Богом были очень непростыми, т.к. они, входя в Откровение, тем не менее оставались живыми людьми, о чем трогательно рассказывается в полулегендарной книге пророка Ионы. Бог повелевает Ионе идти в город Ниневию, столицу великой тогда Ассирии: «проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня» /Ион. 1, 2 – кстати, Ионе повелено идти к не евреям/. Реакция пророка: «встал Иона, чтобы бежать ... от лица Господня» /1, 3/. Корабль, на который за деньги попал Иона, плывет в другую сторону,

но на море случается буря. Разноплеменные корабельщики пытаются разгадать, на кого прогневался его бог, но Иона, прекрасно всё понимая, признается всем, что он явился причиной бури, и настаивает на том, чтобы его сбросили в море, где он попадает в чрево большой рыбы /в нашем переводе - "кита"/. Из чрева кита Иона в скорби своей взывает к Господу /см. псалом Ионы 2, 3-10/, Господь принимает его раскаяние, и рыба выплевывает Иону на сушу. Во второй раз повелевает Господь Ионе идти в Ниневию и призвать ее к покаянию, что пророк теперь со смирением исполняет. Ходя по всему городу, Иона объявлял: «еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!» /3, 4/. А потом вышел из города, и сел среди кустов, чтобы видеть, что будет с городом. Но жители Ниневии на предостережение Ионы отреагировали с удивительной чуткостью. Вся Ниневия, начиная с царя, оделась во «вретище» и объявила покаянный пост. Все молились Богу о прощении. Замечательно далее: «Иона огорчился этим и был раздражен... О, Господи! Не это ли говорил я, когда еще был в стране своей ... знал, что Ты Бог благой и милосердный ...и сожалеешь о бедствии... лучше мне умереть, нежели жить...» /4, 2-3/. Речь Ионы потрясающе свидетельствует о подлинности мистической встречи пророка с Творцом: так я и знал, Сам посылаешь меня к ним объявить о страшном наказании, а ведь по любви Своей вряд ли на это пойдешь, а я – Твой раб – в каком оказываюсь положении, Ты выходишь милостивым, а я лгуном? !/ Тогда Господь, вразумив Ниневию, вразумляет Иону: «произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень ... Иона весьма обрадовался этому ... И устроил Бог так, что на другой день ... оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы так, что он ... просил себе смерти... Тогда сказал Господь: ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился ... которое в одну ночь выросло и в одну же ночь пропало. Мне ли не пожалеть ... города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой /скорее всего, имеются в виду «младенцы» в духовном отношении/, и множество скота?» /4, 6-11; о скоте Господь тоже беспокоится/. Книга Ионы позволяет сделать ряд выводов:

1. пророк не слепой исполнитель воли Божией, но живой человек , иногда

со своими слабостями, но всё же живущий только ради полученного призвания;

2. смысл пророчества может оказаться гораздо глубже, чем его понимает сам пророк;
3. пророчество не есть окончательное определение будущего, но скорее серьезное предупреждение, призыв к покаянию;
4. парадоксально, но именно милосердие Божие к людям побуждает Его пророков напоминать о гневе и наказании.

А трехдневное пребывание Ионы «во чреве кита» стало, как об этом сказал Сам Спаситель, прообразом Его схождения во ад после крестной смерти и воскресения...

7.2. «Малые пророки»: Амос, Осия, Аввакум

Каждый из пророков Библии внес свою важную лепту в дело постижения Божественного Откровения, но в то же время имеется ряд общих положений и идей, которые высказаны всеми авторами. Эти общие идеи можно считать чертами целого пророческого учения ВЗ. Прежде всего, пророки говорили от имени Единого, неповторимо ясно открытого лишь Израилю Ягвэ, Сущего Творца /обычное начало пророчества: «так говорит мне Господь», «так повелел мне сказать Бог», «Мною клянусь – говорит Ягвэ» и т.п./.

Они были готовы к сопротивлению их нелюбимым словам и призывам, они мужественно преодолевали козни и мучения, их гнали и иногда даже убивали. Но реальность и дыхание «Живого Бога» были для них важнее. Слова и поведение пророков должны были возвестить или напомнить о Ягвэ. Ягвэ, открытый Аврааму, Исааку и Иакову, не есть бог евреев в сонме богов других народов, Он и есть настоящий Творец мира, рядом с Которым «их» боги – ничто, пустота. Возвращение монотеизма неизменно сопровождало обличению язычества. На фоне достаточно строгого, хотя отнюдь не лишённого веселья иудейского уклада жизни, язычество часто привлекало внимание пышностью ритуалов, тем, что ныне называется «разнообразием культурных форм», а также религиозно оправданной распущенностью. Язычество совсем не обязательно скатывалось к сатанизму и изуверству, но для народа, которому открывался Сам Бог, идолопоклонство и заимствование языческих обычаев оказывалось предательством, а Бог есть «Ревнитель», т.е. ревнив.

С темой монотеизма тесно связано упоминавшееся выше понятие об избранности народа Израиля, главный смысл которой можно выразить так: в результате древнейшего отпадения Богу некому доверить всю полноту знания о Себе, кроме как потомкам Авраама, наследственно усвоившим от него глубокую и живую веру. Израиль должен пронести сквозь века – для собственного спасения и для других народов – откровение о Ягвэ. И пророки сокрушались от того, насколько далеко отстояла духовная жизнь евреев от этой высокой задачи. В Евангелии Спаситель называет Нафанаила «истинным израильтянином, в котором нет лукавства». Но «истинных израильтян» среди евреев было немного, таковыми прежде всего были сами пророки, и потому едва напомнив соплеменникам о богоизбранности, пророки не устают обличать их грехи. Нравственное состояние Израиля – вот еще одна общая для пророков тема. Обличение грехов и пороков не является особой чертой именно библейских пророков, но они ясно дают понять, что все обычные человеческие пороки: несправедливость, ограбление, зависть, прелюбодеяние и др. должно оценивать с точки зрения первичного греха – забвения Ягвэ и впадения в язычество. Но без Бога историческое бытие Израиля становится бессмысленным, и потому долготерпение Божие однажды окончится; тогда наступит страшный день суда, день гнева, «день Ягвэ». Тема суда Божия является главной в книге «малого» пророка Амоса, который жил на севере Израиля, в Вефиле, и был призван Богом к своему служению прямо из пастушеской среды. Амос возвещает о суде Божиим над сирийцами, филистимлянами, финикийцами, идумеями и другими соседними племенами – за жестокость, братоубийственные войны, предательства. Но южная Иудея и северный Израиль будут спрошены особо:

«Так говорит Господь:
за три преступления Иуды
и за четыре не пощажу его,
потому что отвергли закон Господень,
и постановлений Его не сохранили
и идолы их, вслед которых ходили отцы их,
совратили их с пути.
И пошлю огонь на Иуду,

и пожрет чертоги Иерусалима.
... за три преступления Израиля...
не пощажу его,
потому что продают правого за серебро
и бедного – за пару сандалий...
путь кротких извращают;
даже отец и сын ходят к одной женщине,
чтобы бесславить имя Мое...
А Я истребил перед лицом их Аморрея,
которого высота была как высота кедра
и который был крепок, как дуб...
Вас же Я вывел из земли Египетской...
чтобы вам наследовать землю Аморрейскую.
Из сыновей ваших я избирал в пророки,
и из юношей ваших в назореи...
А вы назореев поили вином,
и пророкам приказывали... "не пророчествуйте».
Вот, Я придавлю вас,
как давит колесница, нагруженная снопами...
И самый отважный из храбрых
убежит нагой в тот день...

/Ам. 2, 4-16. Иуда, Израиль, Моав, Аморрей в библейских текстах часто выступают как имена собирательные/.

Как и другим пророкам, слова Божии открываются Амосу в символических видениях: всё пожирающая саранча означает многочисленное вражеское войско, огонь – войну или стихийное бедствие, свинцовый отвес – меру беззакония, предел, который положен Господом, корзина спелых плодов – «жатву», т.е. скорый суд и т.д. /см. 7 и 8 гл/. Фрагмент / Ам. 7:10-17/ показывает, что проповедь Амоса вызвала серьезное недовольство властей и священника со схожим именем Амасия: «послал Амасия... к /царю/ Иеровоаму... сказать: Амос производит возмущение против тебя среди дома Израилева; земля не может терпеть всех слов его:... «от меча умрет Иеровоам, а Израиль непременно отведен будет пленным из земли своей». И сказал Амасия Амосу: провидец! пойд и удались в землю Иудину; там ... пророчествуй, а в Вефиле больше не пророчествуй,

ибо он святыня царя и дом царский. И отвечал Амос... я не пророк и не сын пророка, я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец, и сказал... «иди, пророчествуй к народу моему, Израилю». Теперь выслушай слово Господне...

«жена твоя будет обесчещена в городе,
сыновья и дочери твои падут от меча;
земля твоя будет разделена межевою вервью,
а ты умрешь в земле нечистой,
и Израиль непременно будет выведен из земли своей».

Логика пророка понятна: если ты, священник, призванный пасти народ для Господа, вместо принятия воли Божией занимаешься доносами и не хочешь слушать слова Его, то тем более ведомый пастырем народ не услышит их; и забыв своего Творца, Израиль будет сметен с лица земли. И потому суровые слова Амоса (которые полностью в итоге исполнились) звучат не как угроза, даже не тайна, а опытное знание непреложных духовных законов, действующих не только в жизни отдельного индивида, но народа в целом.

...Но Бог в пророческих писаниях предстает не только как грозный и нелицеприятный Судия, Он милостив и прощает одумавшихся. И буквально все пророки гневные предупреждения чередуют с призывами к истинному покаянию – пока есть время. Тема милосердия Божия особенно характерна для другого замечательно «малого» пророка – Осии, жившего на юге Израиля. Многие пророки совершали т.н. символические жесты и необычные действия, которые должны были привлечь внимание к смыслу их тревожных слов. Но в этих поступках Осия превзошел остальных: он специально женился на известной блуднице Гомери и назвал родившихся от нее дочерей именами «Непомилванная» и «Не мой народ», чтобы сравнивать затем Израиль с блудницей и изменницей, ставшей неверной своему великому Супругу – Ягвэ, а израильтян – с детьми, рожденными от прелюбодеяния!

«Судитесь с вашей матерью, судитесь;
ибо она не жена Моя, и Я не муж ее;
пусть он удалит блуд от лица своего
и прелюбодеяние от груди своих,
дабы я не разоблачил ее донага

и не выставил ее, как в день рождения ее,
и не ... превратил ее в землю сухую...
И детей ее не помилую,
потому что они дети блуда.
Ибо ... осрамила себя зачавшая их...
говорила: «пойду за любовниками моими,
которые дают мне хлеб и воду,
шерсть и лен, елей и напитки»
За то ... Я загороджу путь ее тернами...
и она не найдет стезей своих;
и погонится за любовниками своими,
но не догонит их...
А не знала она, что Я, Я давал ей
хлеб и вино и елей...
и золото, из которого сделали истукана Ваала».
/Ос. 2, 2-13; «любовники» – языческие боги/.

Неверная душа Израиля у Осии далека от идеала чистой невесты
Песни Песней, но пророку не случайно было повелено взять в жены
блудницу: если Израиль раскается, любящий Бог снова примет его
под Свой небесный кров. И в 6-ой гл. Осия открывает новое и очень
важное о Боге, говоря от Его имени:

«Что сделаю тебе, Ефрем? /другое имя Израиля/
что сделаю тебе, Иуда?
благочестие ваше как утренний туман
и как роса, скоро исчезающая.
Посему Я поражал через пророков
и бил их словами уст Моих,
и суд Мой, как восходящий свет.
Ибо Я милости хочу, а не жертвы,
и Боговедения более, нежели всесожжений. /Ос. 6, 4-6/.

Итак, согласно Осии, кающийся грешник вместо гнева Божия узнаёт
совсем иное – Его милость, Его прощение. А последней фразой насчет
истинного ведения Бога Осия начинает еще одну пророческую тему,
развитую Исайей и Иеремией: о большей значимости внутренней
духовной жизни по сравнению с религиозным ритуалом.

Книги пророков часто состоят из откровений, записанных ими или их

учениками в разное время, и далеко не всегда последовательная нумерация глав соответствует хронологии событий, связанных с выступлением пророка. И оттого книги эти невозможно воспринимать как некое повествование: первые главы могут относиться к более поздним событиям, чем средние и последние. Для специалистов здесь большое значение имеет текстуальный анализ, хотя методы его тоже не совершенны. Но в любом случае многое в писаниях пророков становится нам ясным, если мы исследуем их книги одновременно с историческими книгами ВЗ, описывающими того или иного царя, правившего в Израиле при том или ином пророке. Эта работа по выявлению взаимосвязи пророческих и исторических книг не только нужна для понимания определенной реакции пророка на события. Она важна потому, что сама история оценивается пророками как место встречи Божественной и человеческой воли, и народ в любом случае должен научиться извлекать правильный духовный урок из поражений и бед. Этому, в частности, посвящена замечательная книга «малого» пророка Аввакума, в некотором смысле пересекающаяся с кн. Иова.

Аввакум, современник вавилонских завоеваний в Палестине, задает Господу два вопроса. Первый: почему Господь допускает зло по отношению к Своему народу?

«Доколе, Господи, я буду взывать,
и Ты не слышишь,
буду вопиять Тебе о насилии,
и Ты не спасаешь?
Для чего даешь мне видеть злодейство
и смотреть на бедствия?
Грабительство и насилие предо мною,
...восстает вражда ...поднимается раздор...
закон потерял силу ...
суд происходит неправедный.» /Авв. 1, 2-4/.

Господь отвечает пророку:

«... внимательно взглянитесь,
и вы сильно изумитесь...
Я подниму халдеев,
народ жестокий и необузданный,

который ходит по широтам земли,
чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями.
Страшен и грозен он;
от него самого происходит суд его и власть его.
Быстрее барсов кони его ...
весь он идет для грабежа,
устремив лицо свое вперед
/именно так, кстати, изображались месопотамские воины на древних
барельефах/
он забирает пленников, как песок.
И над царями он издевается...
над всякою крепостью он смеется ...
сила его – бог его.» /1, 5-11/.

Итак, Бог объясняет Аввакуму, что нашедший на них враг есть на самом деле орудие Божие для наказания /т.е. в конечном итоге для исправления/. Этот урок актуален и сегодня: в случившихся бедствиях не столько внешний враг виноват, сколько собственное безверие и забвение заповедей, за которые и насылает Бог на Свой народ сокрушительное бедствие. Подобная мера крайняя, но в случае абсолютно бездуховной жизни только она способна через страдание привести к покаянию.

Второй раз вопрошает Господа Аввакум:

«Но не Ты ли издревле
Господь мой, Святой мой?
мы не умрем!
Ты, Господи только для суда попустил его.
Скала моя! Для наказания Ты назначил его.
Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния,
и смотреть на притеснение Ты не можешь;
для чего же Ты . безмолвствуешь,
когда нечестивец поглощает
того, кто праведнее его,
и оставляешь людей, как рыбу в море
...Всех их захватывает /враг/ в сеть свою
... и оттого радуется и торжествует.
За то приносит жертвы сети своей

и кадит неводу своему...» /1, 12-16/.

Господь отвечает и на вторую жалобу Аввакума, обращаясь теперь к Халдее:

«Горе тому, кто без меры обогащает себя не своим
– надолго ли?...

Горе тому, кто жаждет неправедных приобретений...
чтобы устроить гнездо свое на высоте. .

Бесславию измыслил ты для твоего дома,
истребляя многие народы ...

горе строящему город на крови
и создающему крепости неправдою!...

обратится и к тебе
чаша десницы Господней...

Ибо злодейство твое на Ливане обрушится на тебя...
за пролитие крови человеческой,
за опустошение страны...

Горе тому, кто говорит дереву «встань!»
и бессловесному камню: «пробудись!»...
он обложен золотом и серебром,
но дыхания в нем нет.

А Господь – во святом храме Своем:
да молчит вся земля пред лицом Его!» /2, 6-19/.

Итак, оказывается, что если враги /в контексте – халдеи/
промыслительно исполняют волю Божию относительно Израиля – а
это можно увидеть только глубокой верой и не каждому дано – то это
еще не значит, что они творят доброе, в полном смысле Божие дело.
Они «слуги» Божии не в прямом, а в аллегорическом смысле; но по
сути они – кровожадные убийцы и идолопоклонники, и суд над ними
несомненно грядет. И в этом второй урок, вторая половина правды:
Господь попускает быть злу не навсегда, а до судных времен. (В связи
с этим вспоминается изречение Господа в Евангелии: должно быть
соблазнам, но горе тому человеку, через которого приходят
соблазны). Поистине глубок и поучителен смысл диалога Аввакума с
Ягвэ!

В конце книги Аввакум, познавший некоторые тайны Божии,
воспевает Сущего в псалме, отличающемся от обычных ВЗ-ных

молитв силой жертвенной любви к Нему:

«Хотя бы не расцвела смоковница,
и не было плода на виноградных лозах...
и нива не дала пищи
...не стало овец в загоне
и ... скота в стойлах;
но и тогда я буду радоваться о Господе и
веселиться о Боге спасения моего...
Он сделает ноги мои, как у оленя
и на высоты мои возведет меня!» /3, 17-19/.

Бог оказывается не только Источником откровений, Он Сам по Себе радость, не сравнимая с земной, жизнь, известная только верующему, ибо «праведный своею верою жив будет» /Авв, 2, 4/.

7.3. Пророк Исая

Но едва ли не важнейшей темой учения пророков Израиля явилось возвешение о грядущем пришествии Спасителя, Помазанника Божьего, Мессии по-еврейски, а по-гречески - Христа. Идея посланника Божия, который спасет мир от смерти и зла, является универсальной для большинства религий, и это не удивительно: весть о грядущей победе над дьяволом была дана еще Адаму и Еве. Но личность истинного Спасителя - Богочеловека Иисуса Христа - оказалась намного более сложной, чем разбросанные в древности крупницы представлений о Нем. И только пророки Библии оказались достаточно точными в предвидении Мессии и его деяний на Земле. Эта точность возрастала со временем и проявилась она прежде всего в том, что в Библии образ Мессии двойственен. Во-первых, и об этом говорят ранние пророки, Мессия - это посланник Ягвэ, Божий Сын, сошедший с небес, Который поразит всё зло и всех врагов Израиля (а о спасении, напомним, говорилось прежде всего в отношении Израиля), войдет в святой Иерусалим как воин-победитель, и воцарится на троне, навсегда установив царство добра и справедливости. Первые пророки думали, что это будет Некто из царского рода, славный потомок Давида, и потому Мессию называли «сыном Давидовым». Однако в позднее время, особенно в связи с трагедией вавилонского плена, тональность пророчеств о Мессии

начинает меняться. Он предстает уже как смиренный проповедник, которого не все и послушают; а потом пророки начинают говорить о Мессии как о страждущем Рабе, Отроке, Человеке, гонимом, отвергнутом и даже убиенном. Глядя из евангельской эпохи, можно сказать, что подобное раздвоение образа было связано с совершенно неизвестной ВЗ-ту двухприродностью, Божественной и человеческой, воплотившегося Сына Божия Иисуса. Двойкий образ Мессии сам по себе явился прообразом смерти и воскресения Господа нашего, ибо поистине умирал Он на Кресте как гонимый раб, но победив духовную тьму, воссел на небесах как победивший Царь.

Вышеупомянутая двойственность наиболее характерна для книги пророка Исаяи. Библиисты давно обратили внимание на то, как сильно различаются между собой две части этой книги: с 1-ой по 39-ю, и с 40-й до конца – различаются прежде всего по тональности, настроению, а кроме того по описанию Мессии. Сегодняшняя библейская наука считает, что у этой книги было по крайней мере два автора, разделенных значительным временным отрезком /в дальнейшем мы будем придерживаться этой же концепции/. Имя книге дал древний пророк Исайя, живший в Иудее в VIII-VII вв. до Р.Х. Исайя так описывает свое призвание к служению:

«... видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы... и зывали они друг ко другу...:

Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!

И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: ... беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для нас? И я сказал: вот я, пошли меня.» /Ис. 6, 1-8; именно отсюда Пушкин заимствовал сюжет своего «Пророка"/.

Итак, Исайю посещает видение, в котором он созерцает престол

Божий и Его славу, Его сияние. Шестикрылые серафимы возвещают о святости Бога. Бог свят в особом смысле этого слова: Он непричастен злу, Он надмирен, но самое главное – Он совершенно Иной, тайна Его до конца непостижима. Троекратное воспевание этой внутренней тайны («Свят, свят, свят»), а также форма множеств. числа («кто пойдет для Нас») в толкованиях отцов Церкви стало еще одним ВЗ-ным прообразом будущего откровения о Троице. Характерно изумление Исаяи: он, простой смертный, был так близко от этого божественного пламени – и не сгорел, и не ослеп! Этим косвенно подчеркнута несомненность произошедшей встречи, и результатом ее становится отдавание себя на служение Богу:

«И сказал Он: пойд и скажи этому народу:
слухом услышите и не уразумеете;
и очами смотреть будете, и не увидите.
Ибо огрубело сердце народа сего...
и не обратятся, чтобы Я исцелил их...
доколе не опустеют города,
и останутся без жителей...» /6, 9-11/.

Тема эта, в которой звучит гнев – а Исаяя с самого начала называет себя «сыном Амосовым», т.е. говорящим в духе Амоса, постоянно встречается в книге первого Исаяи:

«Слушайте, небеса, и внимай, земля...
Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей,
а они возмутились против Меня.
Вол знает владетеля своего,
и осел ясли господина своего,
а Израиль не знает Меня,
народ Мой не понимает...
племя злодеев, сыны погибельные!...
Во что вас бить еще,
продолжающих свое упорство?
Вся голова в язвах,
и всё сердце исчахло.
От подошвы ноги и до темени...
нет у него здорового места;
язвы, пятна, гноящиеся раны,

неочищенные и необязанные
и несмягченные елеем.» /1, 2-6/.

Для того, чтобы понять пафос обличений Исаяи, необходимо вспомнить некоторые исторические обстоятельства его времени. Он был современником нечестивых царей Израиля и Иудеи, соперничавших и порой враждовавших между собой, далеких от алкания правды Божией. Исаяя видел, как опасны заигрывания северного царства с сильными империями, сколь тщетно упование на то, что спасением станет ловкое лавирование между их политическими интересами. Предупреждения Исаяи не оказались тогда услышаны, и в начале VIII-го в. северный Израиль, включавший большинство колен, был легко завоеван Ассирией; причем завоеватели переселили «Ефрема» на другой конец империи, а на их исконной земле расселили чужестранцев. Вероятно, ассирийские цари пытались лишить израильтян духовной силы. И большинство северян, забывших о своем духовном предназначении, вскоре ассимилировались и потерялись в истории. Эти события Исаяя воспринял как катастрофу: если погибнет и Иудея, народ Божий исчезнет с лица земли. Гибель северного Израиля стала для Исаяи наглядным аргументом в проповеди скорейшего покаяния. Он обращает внимание на утвердившуюся в жизни народа порочность духовной жизни, когда столкнувшись с бедой, человек вспоминает о законе Моисеевом и спешит совершить положенные жертвоприношения, но скрупулезное соблюдение обрядов сочетается с нежеланием встать на путь добродетели. Такие жертвы Богу не нужны:

«К чему Мне множество жертв ваших?
... Я пресыщен всесожжениями овнов
и туком откормленного скота;
и крови тельцов и агнцев... не хочу.
Когда вы приходите являться пред лице Мое,
кто требует от вас,
чтобы вы топтали двory Мои?
Не носите больше даров тщетных;
курение отвратительно для Меня...
Новомесячия ваши и праздники...

ненавидит душа Моя;
они бремя для Меня...
И когда вы стираете руки ваши,
Я закрываю от вас очи Мои
... ваши руки полны крови.
Омойтесь, очиститесь...
перестаньте делать зло...
ищите правды;
спасайте угнетенного;
защищайте сироту;
вступайтесь за вдову.
Тогда придите, и рассудим,
говорит Господь.
Если будут грехи ваши, как багряное, -
как снег убелю...
Если же отречетесь и будете упорствовать,
то меч пожрет вас...» /1, 11-20/

Т.о., для Исаяи очевиден приоритет внутренней духовной жизни над внешним обрядом, хотя, конечно, он далек от предвидения «ветхости» закона Моисеева, просто механизм действия закона таков, что без духовного обновления и конкретных добрых дел жертвоприношения бесполезны. Это напоминает Псалмопевца: «жертва Богу – дух сокрушен», но если есть истинное покаяние, тогда «возложат на алтарь твой тельцы» /Пс. 50/.

Вместе с темой гнева Божия у Исаяи прослеживается и другая: «обида» Ягвэ на (и за) Свой непутевый народ, ярче всего отраженная в притче о винограднике. Исаяя воспевает песнь «Возлюбленному» Богу, Который насадил в свое время Израиль так, как насаждают виноградник, но он вместо добрых плодов принес дикие ягоды – жадность, пьянство, гордыню, несправедливость и даже атеизм. «Рассудите Меня с виноградником Моим... что еще надлежало бы сделать... чего Я не сделал ему?» /5,3-4/, -- вопрошает Ягвэ у самих Иерусалимлян. В предверии евангельского Откровения здесь у Исаяи Бог, несмотря на все предупреждения о неотвратимом суде, выступает как требовательный и любящий воспитатель, пытающийся объяснить ученику реальную пользу следования заповедям для него

самого: не Богу нужно благочестие и покаяние, а Израилю, чтобы выжить и не исчезнуть. Но слова любви Божией, предполагающие свободное и ответственное решение, во все времена оказываются понятными лишь для немногих. Оттого Господь Саваоф оказывается одновременно «освящением и камнем преткновения и соблазна для обоих домов Израиля» /8, 14/. На народ в целом надеяться не следует, спасение может явиться только как чудо Божие, ибо Сам Он неоднократно говорит, что неверности Израиля всегда противопоставлена верность Ягвэ обетованиям. Как произойдет это чудо? Быть может, однажды на Иерусалимском троне воссияет Божественный помазанник, действующий в духе Давида? В 7 и 9 гл. Исаяя передает слова Господни о будущем Мессии:

«... Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил /"с нами Господь"/... Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет... Ибо ярмо, тяготившее его, Ты сокрушишь... Ибо младенец родился нам, Сын дан нам; владычество на раменах Его ... имя Ему : Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению ... мира Его нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его ... судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это. /7, 14; 9, 2-7/.

Исайя Иерусалимский, ожидавший рождение Мессии в царском роде, не мог предполагать, сколь удивительными подробностями окрасится произнесенное им пророчество в далеком будущем. «Сын» оказался не просто царским отпрыском, а Сыном Божиим, «владычество на раменах» оказалось победительной силой Креста (ибо Спаситель понес на раменах Свой Крест), а «молодая женщина» /именно так в еврейском оригинале, а на греческий удивительно и промыслительно было переведено как «дева"/, «принявшая» во чреве, в буквальном смысле оказалась безмужно зачавшей Девой. В целом у первого Исаяи Мессия предстает как грядущий во славе Царь, побеждающий всех врагов и производящий суд над народами. Мессия, по мысли Исаяи, будет по духу и по крови потомком Давида и его отца Иессея, «отраслью и ветвью от корня Иессеева»:

«И почиет на Нем Дух Господень,
дух премудрости и разума,

дух совета и крепости,
дух ведения и благочестия;
и страхом Господним исполнится...
Он будет судить бедных по правде...
и духом уст Своих убьет нечестивого» /11, 1-4/.

Сей Божественный помазанник не просто рассудит по справедливости всех иудеев, с их врагами и между собой, но Он установит наконец-таки в Израиле потерянное райское царство, где «волк будет жить вместе с ягненком... и теленок, и молодой лев ... будут вместе, и малое дитя будет водить их... не будут делать зла и вреда... ибо земля будет наполнена ведением Господа» /11, 6-9/.

Тема суда не только над отдельными людьми, но и над народами постоянно встречается у пророков, и если более ранние пророки говорят о том, что все народы будут наказаны Ягвэ за свое язычество или нападение на Израиль, то со временем зазвучит другая мысль: все народы, даже врагов, Ягвэ приведет через Израиль к подлинному богопознанию.

В то время, как Исаяя прозрел грядущего в Израиле Царя-спасителя, реальные цари, сменявшие друг друга на троне, своим нечестием не давали никакого повода для подобных ожиданий. Единственным человеком, правление которого стало счастливым временем для Исаяи (а пророк счастлив, когда видит, что люди слушают и верят Богу), стал Езекия, воцарившийся в Иудее на три десятка лет. История взаимоотношений царя и пророка сложная, ибо при дворе, как это обычно бывает, были и сторонники Исаяи, и корыстолюбивые клеветники, но в итоге, особенно после того, как по молитве Исаяи царь был спасен от смерти /см. 38 гл./, он признал пророка истинным рупором Божий. Езекия был ревнителем веры в Ягвэ, и не только боролся с язычеством, но даже разрушал многочисленные жертвенники в честь Ягвэ, видя в них также опасность разжижения памяти о Нем. Главное, чему пытался научить Исаяя Езекию и через него народ Израиля - не надеяться на политические союзы и временное затишье между войнами, а только на всемогущие Ягвэ, для Которого нет невозможного. Эта тема наиболее

ярко раскрыта в описании исторического эпизода, когда ненасытный ассирийский царь Сеннахирим попытался покорить Иерусалим /гл. 36-37/. В политическом отношении это явилось результатом того, что по слову Исаяи Езекия не пошел ни на союз с Египтом, ни тем более с самой Ассирией. И вот, несметное войско полководца Рабсака осадило Иерусалим. Послушались Исаяю - и вот, город обречен. Жители и сам Езекия в скорби, но царь пытается верить Ягвэ. Рабсак посылает к Езекии сказать: «Что это за упование, на которое ты надеешься? /Ему, вероятно, донесли, что в городе уповают лишь на «какого-то» Бога./ Я думаю, что это одни пустые слова, а для войны нужны совет и сила... думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее ... проколет тому руку... А если скажешь мне: «на Господа, Бога нашего, мы уповаем», то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Езекия и сказал Иуде и Иерусалиму: «пред сим только жертвенником поклоняйтесь»? /Всё знает Рабсак, умело стравливая народ с царем/ ... дам тебе две тысячи коней; можешь ли достать себе всадников на них /снова напоминает о несоизмеримости сил/ Да разве я без воли Господней пошел на землю сию, чтобы разорить ее? Господь сказал мне: «пойди на землю сию и разори ее» /восхитительное лукавство: Рабсак знает и то, что пророки, в т.ч. Исаяя, называли ассирийцев «силой гнева Божия», и спокойно применяет к себе: да, мы и есть слуги вашего Бога. При этом сыплющий разными аргументами военачальник говорит на общедоступном арамейском языке, чтобы его слышали все жители. В конце концов Рабсак сбрасывает маску и обнаруживает великую гордыню/... так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей... доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля ... хлеба и вина ... плодов и виноградников /враги не скрывают дальнейшей судьбы Иудеи, аналогичной ее северной сестре/... да не обольщает вас Езекия, говоря: «Господь спасет нас». Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? ... Так неужели спасет Господь Иерусалим от руки моей?» /36, 4-20/. И хотя народу было приказано молчать, воздействие сатанинской речи Рабсака оказалось столь сильным, что Езекия впал в отчаяние. Но весьма логичный в своих доводах ассириец не учел одного обстоятельства: Ягвэ действительно

совсем не то, что остальные боги... А Исаяя это знает и дважды посылает к царю успокоительные слова: за веру твою ты и народ твой будете спасены, а за гордыню и дерзость ассирийского царя Ягвэ «вложит кольцо Свое в ноздри его... и когда кончит опустошение, будет и сам опустошен» /37, 29; 33, 1/. Далее книга рассказывает о том, что «Ангел Господень поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек... и отступил Сеннахирим...сыновья его убили его мечом» /37, 36-38/. В наше время ученые обнаружили в тех местах захоронение огромного войска, погибшего от эпидемии. Вероятно, это и было результатом посещения Ангела Ягвэ. Описанный выше фрагмент дает нам важный урок: вера может стать силой, изменяющей историю.

Однако, как это часто было в Израиле, чудо спасения со временем забылось, и благочестия Иудее хватило не надолго. Видя хрупкость дела Божия в этом брэнном мире, с одной стороны, но не сомневаясь ни в верности Ягвэ Своим обетованиям, ни в грядущем царстве Мессии, Исаяя приходит к выводу о том, что спасение всего народа Израиля нужно понимать не в количественном, а в качественном смысле, и этот вывод он лучше всех остальных пророков выразил в учении об остатке Израиля – того небольшого числа «истинных детей Авраама», кто остался верен Богу во всех перипетиях судьбы или пришел к Нему в покаянии:

«И будет в тот день, остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова... возложат упование на Господа, Святаго Израилева, чистосердечно. Остаток обратится к Богу сильному. Ибо хотя народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится: истребление определено изобилующею правдою /Господа/ /10, 20-22/.

После смерти Езекии в Иерусалиме воцарился кровожадный Манассия, при котором, по иудейскому преданию, великий Божий провозвестник Исаяя принял мученическую смерть...

7.4. Пророк Иеремия

В первой трети VII в. до Р.Х. в Израиле начал пророческое служение великий Иеремия, происходивший из священнического рода местечка Анатот. Ягвэ предвидит душу Иеремии, его призвание не

случайно: «прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя и ... освятил тебя; пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне... ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и всё, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их, ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя.» /Иер. 1, 4-8/. И действительно, Иеремия, движимый Богом, всю жизнь ходил туда, куда Он повелевал, и говорил каждому нелицеприятные слова, которые Он повелевал произнести, за что подвергался всевозможным страданиям; затем происходило его освобождение, и вскоре он становился свидетелем наглядного возмездия своим ненавистникам. Неоднократно Иеремия жалуется на то, что хотел бы он спокойной жизни, хотел бы вовсе не говорить людям горькие и обличительные слова, ему не доставляет радости его знание, но он не может иначе, ведь пророк себе не принадлежит и утаить слова Ягвэ не в состоянии. Видя, как коротка историческая память народа, Иеремия вновь напоминает об особом избранничестве и полном несоответствии ему реальной духовной жизни, и в связи с этим от имени Бога призывает народ к покаянию в выражениях, понятных со времен пророка Осии:

«... отступница, дочь Израиля... ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево, и там блудодействовала. Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась... и когда ... Я отпустил ее и дал ей разводное письмо /синоним прекращения союза-завета/, вероломная сестра ее Иудея не убоялась, а пошла, и сама блудодействовала ... осквернила землю, и прелюбодействовала с камнем и деревом... при всем этом ... Иудея не обратилась ко Мне всем сердцем своим, а только притворно, говорит Господь... Я милостив, не вечно буду негодовать. Признай только вину твою... возвратитесь, дети-отступники, потому что Я сочетался с вами» /З, 6-14/.

Призывы Иеремии в начале его деятельности, как ни странно, легли на благодарную почву, ибо почти всю первую половину VII в. в Иудее правил Иосия, унаследовавший духовную ревность и благочестие от своего прадеда Езекии. И в то время как Иеремия призывал народ обратиться от идолопоклонства к истинному Богу, царь Иосия совершал походы по стране, разрушал высоты и

жертвенники, даже посвященные Богу, и приучал народ к тому, что единственным местом жертвоприношения Ягвэ является Иерусалимский храм. Среди деяний этого царя, записанных в летописи, мы узнаём о несколько странной истории. Однажды священник Хелкия доложил царю об обнаружении при ремонте храма священной книги, прочитав которую Иосия был потрясен тем, что народ не живет по заповедям своего Творца, и повелел отныне каждую Пасху собирать весь народ в Иерусалиме и прочитывать вслух ее отдельные главы. Этой книгой оказалась... Тора. Косвенным образом это означает, что в течение довольно длительного времени народ Израиля позабыл о существовании Торы – о ней знали только священники, и народная память примешала к древнему Закону множество суеверий. Так или иначе, но Иосия содействовал возобновлению Закона Моисеева (некоторые исследователи считают, что именно в это время было написано Второзаконие – применение древнего Завета к новым условиям Храма и Иерусалима). Реформы Иосии, направленные на централизацию политической и религиозной жизни, далеко не у всех встретили одобрение. К примеру, провинциальные священники вынуждены были переселяться в Иерусалим, но там они часто не поднимались в служебном отношении выше простых левитов. Вместе с царем начинали ненавидеть и Иеремию, хотя он вовсе не был вдохновителем царя, и понимая всю ненадежность внешних мер в отношении веры, значимых только пока жив царь, продолжал обличать мужей Израиля во всех грехах:

«... между народом Моим находятся нечестивые;
ставят ловушки и уловляют людей ...
дома их полны обмана ...
сделались тучны ...
переступили даже всякую меру во зле ...
не разбирают судебных дел сирот...
это откормленные кони,
каждый из них ржет на жену другого» /5, 26-28; 5, 8/.

Иеремию не любили священники и придворные пророки, которых он называл лицемерами, у него были враги среди царских советников, но народ всегда слушал его со вниманием и интересом, ибо Иеремия

славился своими необычными поступками, в которых он пытался символически передать драматизм Божественных слов и привлечь к ним внимание (подобным же образом будут поступать уже в новозаветное время юродивые «Христа ради»). Однажды он купил себе льняной пояс и препоясал им чресла свои, а вскоре снял его и на длительный срок спрятал его среди скал и затем снова вытащил пояс, весь уже сгнивший к тому времени. Столь странные на первый взгляд действия он сопроводил от имени Ягвэ замечательным комментарием: «как пояс близко лежит к чреслам человека, так Я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин /"из чресл» - намек на сыновство/ ... чтобы они были Моим народом и Моею славою ... но они не захотели» / см. 13 гл/. В другой раз он наблюдал за тем, как горшечник делал из глины сосуд, который, будучи негоден, развалился у него в руках, после чего мастер сделал другой сосуд. «Так и Господь поступит с вами, - сказал Иеремия, - если вы будете негодными, и Он возьмет Себе другой народ». В третий раз по слову Господа Иеремия купил у горшечника кувшин, собрал старейшин, и на глазах у всех со всей силы разбил его оземь, пояснив: «Так поступит Господь с неверными детьми, не будет в Израиле даже места, где хоронить убитых». /см гл. 18-19/. В четвертый раз Иеремия объявил о повелении ему Господом остаться безбрачным. Для израильтянина это было ненормальным, и Иеремия поясняет: мужа и жены и дети их в скором времени будут истреблены, так что жениться теперь уже ни к чему /см. 16 гл/.

Иеремия не только возвещал о грядущем, но он самым тесным образом оказался вовлечен в одну из страшных трагедий древнеиудейской истории, называемой вавилонским пленом. После гибели царя Иосии в совершенно не нужной войне с египетским фараоном на иерусалимском престоле уже не было достойных людей. В 36-ой гл. описано, как ученик Иеремии Варух приносит нечестивому сыну Иосии Иоакиму свитки с очередным предупреждением о неотвратимой гибели Израиля, если не будет веры и покаяния; царю их читают, затем прочитанный фрагмент он отрезает ножичком и бросает в огонь. (К этому времени казнен сподвижник Иеремии пророк Урия, а сам он скрывается от царского гнева.) Но Иеремию такая реакция не удивляет: ты дерзко сжигаешь слова Божии - ну что ж, и Он сожжет тебя в огне. «Не надейтесь на

обманчивые слова: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень»... Как! Вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи, и кадите Ваалу ... и потом приходите и становитесь ...в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены!», чтобы впредь делать все эти мерзости!... отвергну вас от лица Моего, как отверг всех братьев ваших...» /7, 4,9,10,15/.

Иоакима и его недолговечных преемников успокаивали придворные пророки, которых цари, по-видимому, стали себе заводить в противовес «безродным» обличителям. Пророки от имени того же Ягвэ говорили царям то, что ласкало бы их слух, и благословляли на все их замыслы /впрочем, не неся за это ответственности и сбегая в случае беды/. О них говорит Иеремии Сам Ягвэ: «пророки пророчествуют ложное именем Моим. Я не послал их ... и не говорил им; они возвещают вам видения ложные, и гадания, и пустое, и мечты сердца своего...» /14, 14/.

Как истинный пророк, Иеремия всегда говорил вопреки досужим мнениям, он видел всегда дальше, и будучи популярен в народе, терпел не только издевательства и пытки от царедворцев, но горделивое и от того в трагических обстоятельствах тех лет нелепое непонимание со стороны официального священства и вышеупомянутых «пророков». В самые благополучные с политико-экономической точки зрения годы, среди веселья, он неустанно предостерегал от надвигающейся катастрофы, а при последних царях прямо предсказывал семидесятилетний плен. Следует заметить, что в надвигавшейся катастрофе были виновны не только цари, но и многие влиятельные представители народа. Когда, к примеру, богатые иерусалимляне вняли Иеремии, призывавшему их вспомнить Закон и отпустить на свободу рабов ради субботнего года, то раскаявшихся хозяев хватило на несколько дней, и вскоре они снова отловили своих отпущенников. В период между волнами вавилонских нашествий он кричал о необходимости подчиниться вавилонскому царю, чтобы избежать ненужных теперь уже жертв, за что некоторые называли его предателем. Наконец, когда пророчества были исполнены, и царь Навуходоносор разрушил Иерусалим и храм, и увел почти всё население в плен, Иеремия, оставшийся среди немногих в Израиле, купил себе в Анатоте землю, чтобы показать, что эта земля

возродится, и когда всё те же лжепророки, всё потеряв, горестно возвещали о конце, Иеремия писал переселенцам письма, в которых описывал открытое ему знание о возвращении из плена и славном будущем истинных чад Израиля. В последних пророчествах он описывает суд над Вавилоном и над всеми народами. Воистину в глазах мирских людей он был ненормальным, но правдой оказывались только его слова!

Но если Иеремия по-особому переживал события, коих современником он был, то и гибель Иерусалима он тоже воспринял очень необычно. Можно было бы предположить, что евреи больше не смогут восстановить Иерусалим, но тогда остается только одна надежда: сохранить последнее сокровище – закон Моисеев, религию Завета, возобновленного как раз в пору молодости Иеремии. Но великий пророк задумывается совсем о другом. С одной стороны, он видит грядущее чудо избавления из плена, это как будто и не проблема для него. Но с другой стороны, он видит, что многократные призывы Ягвэ к Израилю в целом остаются безответными. И веря в то, что обетования Божии неизменны, Иеремия начинает догадываться, что разрушение Иерусалима и храма означает прекращение времени действия Завета, который позднее назовут Ветхим. С ясностью, до которой не поднялся ни один пророк в Израиле до или после него, Иеремия возвещает главную из открывшихся ему тайн:

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля ... Новый Завет, не такой завет, какой Я заключал с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними ... Но вот завет (будущих дней): вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга ... и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого ... потому что я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более... В те дни уже не будут говорить:

«отцы ели кислый виноград,
а у детей на зубах оскомины»;

но каждый будет умирать за своё собственное беззаконие; кто

будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет... В те дни Я посетю всех обрезанных и необрезанных, Египет, и Иудею, и Едома, и сыновей Аммоновых, и Моава и всех ... обитающих в пустыне ...» /31, 31-34; 31, 29-30; 9, 25-26/.

Иеремия, раньше уже говоривший, почти как св. ап. Павел о необходимости обрезать крайнюю плоть с сердца /4, 4/, изнутри Ветхого Завета сообщает нам о Завете Новом, принципиально ином:

1. Закон Божий будет не внешним, а «написан» в душе.
2. Каждый будет нести личную ответственность за свои поступки /к сожалению, до сих пор многие христиане не знают о том, что древние представления о родовом благословении или проклятии отменены еще до Евангелия, Иеремией, и ныне могут рассматриваться только в генетическом, а не в сотериологическом аспекте/. Этот постулат отражал пробуждавшееся личностное сознание, которому надо будет научиться выделять себя из общенародного и родового.
3. Каждый будет иметь личное познание Господа /подобное познание – это синоним причастия/.
4. Господь простит все грехи.
5. Все народы, а не только Израиль, будут приведены к истинному Богу.

Это удивительное откровение, предвосхитившее НЗ, и явилось кульминацией служения пророка-страдальца.

7.5. Пророк Иезекииль

Пророк Иезекииль, бывший одновременно одним из многих священников, разделивших вместе с народом горечь разрушения Иерусалима и вавилонского пленения, несомненно испытал влияние Иеремии, и продолжил некоторые темы его учения. В этом смысле интересна 18-я глава книги Иезекииля, которую он посвящает детальному рассмотрению всех выводов, вытекающих из учения Иеремии о личной ответственности человека пред Богом за свои грехи и добродетели, о своей собственной «оскоmine от кислого винограда». Сформулируем эти выводы:

1. Праведность и грех с духовной точки зрения оказываются в перспективе синонимами слов жизнь и смерть: «душа согрешающая, та умрет ... если кто праведен и творит суд и правду /далее подробно перечисляются добродетели/ ... соблюдает постановления Мои искренно ... он непременно будет жив"/18, 1-9/.

2. Дело не только в личной ответственности, но и в том, что не существует автоматического переноса праведности или греховности из рода в род, и потому у праведника вполне может быть нечестивый сын и он «непременно умрет, кровь его будет на нем»; но и у нечестивца по неисповедимым путям Божиим может родиться праведный сын, и он не понесет вины отца своего/18, 10-20/.
3. За этими логичными формулами, однако, для грешащего человека (а их множество) нет еще последнего приговора, ведь он еще может покаяться, и тогда «все преступления его... не припомнятся ему; в правде своей ... он жив будет"/18, 21-24/.

Всё это заключает мысль пророка, что пути Бога правы, а Его правда отличается от простых человеческих представлений. Когда пророк употребляет выражение «праведник непременно будет жив», «душа грешная умрет», то вначале может показаться, что он говорит в традиционном ВЗ-ном смысле относительно жизни земной. Но видение в 37-ой гл. его книги открывает нам нечто новое:

«Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них ... весьма много их на поверхности поля ... они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!... вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь» /37, 1-6/. Иезекииль произносит повеление, и перед ним предстает гигантская картина воскрешения. Процесс происходит в два этапа (как в сказке с мертвой и живой водой): сначала кости облекаются плотью, а затем в плоть входит дух. Господь поясняет: «кости сии - весь дом Израилев. Вот, они говорят: «иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня»... Я ... выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и введу вас в землю Израилеву... вложу в вас дух Мой и оживете...» /37, 11-14/. Действительно, в первом смысле видение означает пророчество о том, что если Израиль сделает правильный духовный урок из того, что и почему с ним произошло, то Ягвэ, для Которого нет невозможного, восставит его к обновленной жизни, и народ будет возвращен в родную землю. Но именно потому, что Ягвэ есть Творец жизни, мы не можем не увидеть в этом видении

второго смысла: смерть есть временное состояние, являющееся последствием греха, своего рода испытание, которое завершится всеобщим воскресением во плоти, которое здесь описано весьма подробно. И описанный в 18-й гл. праведник «будет жив» не только земной, но и вечной, Божественной жизнью. Смерть грешника есть не просто его выключение из биологической жизни. Об этой проблеме Иезекииль, как видим, заговорил гораздо раньше автора кн. Премудрости Соломона. Можно утверждать, что в период V-I вв. до Р.Х. учение о загробном воздаянии и всеобщем воскресении, известное большинству великих религий древности и промыслительно закрытое от евреев в свое время, наконец-то проникло в иудейское духовное сознание и органично соединилось с религией Закона. (В Евангелии об этом говорится как о давно известной истине, оспариваемой лишь саддукеями).

Иезекииль являлся в Израиле не менее страстным обличителем, чем Иеремия, он продолжает и «брачную» тему своего великого предшественника. Господь обращается к Израилю:

«... при рождении твоём... пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена, и пеленами не повита. Ничей глаз не сжалился над тобою... ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на поправление в кровях твоих, и сказал тебе... живи! Умножил тебя как полевые растения; ты выросла... достигла превосходной красоты; поднялись груди, и волосы у тебя выросли, но ты была нага и непокрыта. И проходил Я мимо тебя... это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе, и вступил в союз с тобой; и ты стала Моею. Омыл Я тебя водою, и смыл с тебя кровь... и помазал тебя елеем... и нарядил тебя в наряды и дал ... на голову твою прекрасный венец... украшалась ты золотом и серебром... и достигла царственного величия... Но ты понадеялась на красоту свою. И пользуясь славой своей, стала блудить... и раскидывала ноги свои для всякого мимоходящего... Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки... любовникам твоим, и подкупала их, чтобы они со всех сторон приходили блудить с тобою» /16, 1-34; далее пророк доказывает, что и Содом и Самария куда

менее грешны, чем дочь Израильская/. Забвение богопознания и духовный блуд, отражающийся во всех сферах жизни, приводят к отвержению евреев от Бога и гибели их страны – таков приговор Иезекииля.

Но главной темой, интересующей Иезекииля и связанной с призванием его, священника, на пророческое служение, оказывается видение славы Божией. Книга пророка как раз и начинается с этого описания, выполненного в совершенно необычной манере: «Я видел... вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня... и подобие четырех животных... облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла... и руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их... крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия... они не оборачивались. А шли каждое по направлению лица своего... Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца... и лице орла... куда дух хотел идти, туда и шли. И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными... и молния исходила от огня... на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их... казалось, будто колесо находилось в колесе... ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. И когда шли животные, шли и колеса подле них, а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса. Куда дух хотел идти, туда шли и они, ибо дух животных был в колесах... Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла... когда они шли, я слышал шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего... как бы шум в воинском стане... А над сводом... было подобие престола по виду как бы из... сапфира, а над /ним/ было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я... как бы вид огня внутри него... и сияние было вокруг него... Таково было видение подобия славы Господней» /1, 4 – 2, 1/.
Остановимся, пораженные величественным и таинственным описанием пророка. Это описание отличается от всего, что было у пророков раньше. Налицо признаки особого литературного жанра, характерного для апокалиптической литературы. Этот жанр возник в Израиле задолго до написания Откровения св. Иоанна Богослова.

Многие из «апокалипсисов» не вошли в ВЗ, но тем не менее были популярны в Израиле. В книгах Иезекииля, Даниила, 3 Ездры мы встречаем целые апокалиптические фрагменты. Итак, «апокалипсис» – это разновидность пророчества, которой присущи следующие особенности:

1. они написаны особым языком, включающим символы, гиперболы и фантастические образы
2. они писались в моменты величайших страданий, катастроф, гонений на веру
3. они передают атмосферу ожидания скорейшего конца истории, суда Божия над народами и зримого воцарения Ягвэ «на земле, как и на небе».

Т.о., то что одни пророки высказывали в виде прямых обличений и предупреждений, в виде намеков, притч и «юрродства», другие могли передать описанием грандиозных картин борьбы Божиих сил со слугами тьмы, зашифровывая важные идеи (не исключено, кстати, что как раз ради шифрования от «внешних» и были придуманы апокалиптические аллегории).

Что же видит Иезекииль? «Слава Господня» у него – не просто сияние или облачный столп, даже не просто небесная колесница, а огромный движущийся механизм на живых и всевидящих колесах. Прот. Александр Мень считает, что Иезекииль, как и многие иудеи, был поражен интерьером Вавилонского храма, по убранству и размерам многократно превосходившего еврейский, в котором как раз и были всевозможные изображения божеств, животных и колесниц; и в видении пророка вся эта картина ожила и вписалась в представление о Ягвэ, Который на самом деле является Богом не только для иудеев. Мы не знаем, чем были для Иезекииля четыре таинственных крылатых существа, а пророк вряд ли понимал, какими они предстанут в НЗ-ном сознании, но мы ясно видим, что пророк-священник разглядел в Божественном сиянии черты льва, тельца, человека и орла. Эти существа в христианстве станут символическими знаками евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна соответственно, ибо они напоминают о разных аспектах служения Спасителя, Который и есть «сияние славы Ягвэ». (Так, для Матфея Иисус прежде всего обетованный евреям царь Израиля, «лев от колена Давидова»; для Марка – добровольная жертва, невинный

телец или агнец; Лука подчеркивает Его человеческую природу, а Иоанн особое внимание обращает на Его Божественность). Но более всего удивительно другое – над этими животными, над сводом и над престолом, т.е. в максимально возможной степени проникновения духовным взором в глубины Сущего – «подобие человека вверху». За шесть веков до Р.Х. Иезекииль провидит Человека в глубинах Бога, «человечность» Бога! Неудивительно, что после этого по слову Ягвэ пророк съедает /символ пропускания через нутро/ свиток со словами «плач, и стон, и горе», но при этом на устах его было «сладко, как мед» /3, 1-3/.

В сознании Иезекииля видение славы Господней пересекались с тем обстоятельством, что он, будучи священником, гораздо болезненнее, чем Иеремия или Варух, переживал гибель Иерусалимского храма. Ведь этот храм являлся на земле единственным местом обитания истинного Бога, а теперь он разрушен. Иезекииль описывает в 10-й главе, как слава Господня покидает храм (в котором тоже к тому времени находились идолы) – за грехи всего народа, вернее за его нераскаянность, и город остается беззащитным перед врагом. Но именно поэтому грядущее возвращение из плена Иезекииль связывал прежде всего с восстановлением храма, с возвращением славы Господней к скорбящим чадам Израиля. Но подробное описание в 40-48 главах книги устройства нового храма дано в явных апокалиптических тонах. Пророк вовсе не мечтает о реставрации или реконструкции допленной жизни. Он вообще связывает свои видения не столько с возвращением людей в Иудею, сколько с грядущим судом Божиим и Его вечным царствованием. При этом будет «новая святая земля», новый Иерусалим /имя городу будет иное – «Господь там"/, а в нем новый храм, в который и вернется слава Господня. В этом храме и в этом святом городе взамен неверных пастырей, которые «ели тук, откормленных овец заколали, а стада не пасли... больной овцы не врачевали и пораненной не перевязывали, и потерянной не искали... а правили ими с насилием и жестокостью» /34, 3-6/, будет один Пастырь, Мессия, «Давидов сын» /см. 34, 11-24/. А жить в этом городе грядущего царства Божия будут те, которые во все дни испытаний и скорбей сумели остаться верными Богу, те, на челах которых ангел Господень поставил особый знак /9, 4/. Этим «знаком» в евр.

Оригинале является буква «тав»: (. Она напоминает нам о крестном знамении, которое первые христиане-мученики как раз и изображали пальцем на лбу, и мы не можем еще раз не поразиться глубине Откровения, явленной ВЗ-ному апокалиптику.

7.6. «Второй Исая»

...Вавилонский плен длился около семидесяти лет. В первой половине VI в. до Р.Х. значительно усилившаяся Персия поразила Вавилонское царство, словно в ответ на покаянный плач иудеев, отраженный в 136-м псалме:

«Припомни, Господи, сынам Едомовым
день Иерусалима...

Дочь Вавилона, опустошительница!

Блажен, кто воздаст тебе за то,
что ты сделала нам!» /136, 7-8/.

Не желая обладать огромной империей, подавляющей народы и, по-видимому, рассчитывая на их благодарность, персидский царь Кир издал указ, разрешивший евреям вернуться на родную землю, был продуман и механизм этого переселения. Для духовно одаренных израильтян подобные события не могли быть восприняты иначе как чудо Божьего прощения, как знамение Его верности. В самом деле, народ Израиля был жестко наказан Богом за отступничество, духовную черствость и тщеславие, но в Вавилоне выросли новые поколения. Да и вообще, как уже было в израильской истории, у народа в плену, в стесненных условиях оказалось достаточно времени, чтобы продумать свое положение, посмотреть на свой путь со стороны и... воспринять гневные слова пророков о покаянии. Но ведь даже Иеремия в последние годы жизни говорил о грядущем возвращении и утешал евреев, уведенных и в Вавилон, и в Египет. Эта же тема утешения громко зазвучала к концу времени плена в писаниях удивительного пророка, разделившего со своим народом участь плененных. Записанные речения его и его учеников составляют вторую часть книги Исаяи, начиная с 40-й гл. Библиисты высказывают разные соображения по поводу того, почему книга «второго Исаяи» объединена с более древней книгой: одни считают, что автора тоже звали Исайей, другие, что автор хотел подчеркнуть

преемственность от «сына Амосова». Так или иначе, но в Вавилоне жил и проповедовал в плену великий пророк, которого условно можно называть Исайей Вавилонским. «Второй Исайя» объявляет о том, что Сам Бог послал его к народу с утешительной вестью: Ягвэ близок, он идет, чтобы освободить свой народ, нужно только раскаяться в грехах (в числе которых неизменно идолопоклонство), нужно подготовиться к этому посещению.

«Утешайте, утешайте народ Мой,
говорит Бог ваш.

Говорите к сердцу Иерусалима...

что за неправды его сделано удовлетворение,
ибо он от руки Господней принял
вдвое за все грехи свои.

Глас вопиющего:

в пустыне приготовьте путь Господу,
прямыми сделайте в степи стези Богу нашему...
кривизны выпрямятся,
и неровные пути сделаются гладкими.

И явится слава Господня,

и узрит всякая плоть спасение Божие...» /40, 1-5/

Пророк неустанно всматривается в грядущее и пытается различить черты Божественного посланца. Быть может, это персидский царь? Еще до завоевания Вавилона пророк именно с ним связывает свои надежды:

«Так говорит Господь помазаннику Своему Киру:

Я держу тебя за правую руку,

чтобы покорить тебе народы...

чтобы отворились для тебя двери...

Я пойду пред тобою...

ради Израиля, избранного Моего,

Я назвал тебя по имени,

почтил тебя, хотя ты не знал Меня...

нет Бога кроме Меня». /45, 1-5/.

Но персидский завоеватель – лишь временное орудие Ягвэ, касающееся ближайших событий. Гораздо более Кира пророка интересует Мессия, чаяние которого особенно усиливается в

поворотные моменты истории:

«Дух Господа на Мне,
ибо Господь помазал Меня
благовествовать нищим...
исцелять сокрушенных сердцем,
проповедовать пленным освобождение...
лето Господне благоприятное
и день мщения Бога нашего» /61, 1-2/.

Отдавая дань обычным пророческим восхвалениям силы, славы и справедливости царства Мессии, Исайя 2-ой, однако, видит его служение по-иному:

«Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку,
избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя.
Положу дух Мой на Него,
и возвестит народам суд.
Не возопиет и не возвысит голоса Своего...
трости надломленной не переломит
и льна курящегося не угасит;
будет производить суд по истине.
Не ослабеет и не изнеможет...
и на закон Его будут уповать народы...» /42, 1-4/.

Обратим внимание на ряд важных моментов. Мессия – это «отрок» Ягвэ. Слово это может подчеркивать сразу две мысли. Во-первых, Он есть чадо Божие, и тут мы впервые так открыто встречаемся с евангельской темой «отцовства» Бога. В любом случае, Мессия «кровно» связан с Творцом, Он Божий Сын. Во-вторых, слово это намекает на юность, на возраст до зрелости /30 лет в Палестине/, что предполагает недоверие к Нему и Его словам, что не силой внешнего положения и авторитета будет покорять сердца людей Мессия, что не применит никакого насилия, а явит глубочайшее смирение, и что удивительно: смирение это и завоеует поклонение всех народов. Очевидно, что Исайя Вавилонский дает совершенно новый образ Мессии. Он не воин-отмститель. И уже не царский преемник – пророк не питает относительно этого никаких иллюзий. Он смиренный юноша, твердо и последовательно выполняющий волю Ягвэ. Внешне Он кажется слабым, но победа – за Ним. Здесь у

пророка неожиданно зазвучала евангельская идея: Бог, оказывается, избирает для Своих целей вовсе не очевидную силу, а силу внутреннюю, постепенно побеждающую зло мира. Пути Его неисповедимы.

Впоследствии Исайя 2-ой сподобился гораздо большего знания. В 50-53 главах он раскрывает иную тайну: величие и слава Мессии утверждена не только на Его смирении и послушании Ягвэ, но на Его глубоком страдании.

«Как многие изумлялись, смотря на Тебя, - столько был обезображен паче всякого человека лик Его... нет в Нем ни вида, ни величия...

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни...

Он был презираем, и мы ни во что ставили Его... многие народы приведет он в изумление, цари закроют пред Ним уста свои"/52,14 -53,3/.

Страшная, непонятная тайна! Пророку открыто, что Тот самый Мессия, которого ждет Израиль в лице лучших умов своих, ради прихода Которого только и стоит жить на земле, будет страдать? Будет мучим, будет отвергнут?

Нельзя сказать, что подобный образ был неожиданностью для самого Исайи 2-го. Рассуждая об Израиле, он видит, что идеал замысла Божьего о Своем народе слишком далек от реальной исторической перспективы. Израиль верит в спасение, но от самого Израиля остается «остаток». И этот остаток страдает, а он-то и есть истинный «Израиль». Итак, истинно Божие на земле не может не страдать. И еще: Израиль объявляет о своей вере в Ягвэ, но все великие пророки обличали его в том, что он отвергает воспитующую руку Ягвэ. И Мессия, как зримое явление Ягвэ, как воплощение Его воли, тоже может быть отвергнут. Но видит ли Сам Бог какой-либо промыслительный смысл в этих страданиях Помазанника? Да, видит, и от пророка этого не утаил:

«... Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем,

наказуем и уничижен Богом.
Но Он изъязвлен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши;
наказание мира нашего было на Нем,
и ранами Его мы исцелились...
Он истязуем был, но страдал добровольно...
как овца, веден был Он на заклание...
ему назначали гроб со злодеями,
но Он погребен был у богатого...» /53, 4-9/.

Как и автор 21-го псалма, Исайя будто бы присутствует при Голгофе, видя даже фотографические подробности евангельских событий. Он вообще проникается Евангелием: безгрешный Мессия берет на себя все наши грехи и добровольно следует на казнь, чтобы победить навсегда зло. Никто из ВЗ-ных писателей не поднимался так высоко в видении Христа, в исповедании НЗ-ной доктрины. И потому мы уже не удивляемся, что книга «Второго Исаяи» заканчивается благой вестью Ягвэ для всех народов, через Иерусалим познающих Творца, и видениями, предвосхищающими опыт св. ап. Павла:

«Я... приду собрать все народы... и они... увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: /перечисляются страны/, на дальние острова, которые не слышали обо Мне... и они возвестят народам славу Мою и представят... от всех народов в дар Господу на конях и колесницах, и на носилках, и на мулах, и на... верблюдах, на святую гору Мою, в Иерусалим... из них буду брать также в священники...

Ибо, как новое небо и новая земля,
которые Я сотворю,
всегда будут пред лицом Моим...
так будет и семя ваше и имя ваше, говорит Господь» /66, 18-22/.

К началу VI в. до Р.Х. евреи, освобожденные указом персидского царя Кира, стали возвращаться в разоренный Иерусалим. Было, несомненно, немало и тех, которые выгодно устроились в новых условиях жизни и вовсе не собирались покинуть Вавилон. Для того, чтобы по-настоящему возродить Израиль, как в материальном, так и в духовном смысле, требовался настоящий энтузиазм. В это время вновь усилились мессианские чаяния. Живший в Израиле в это время

пророк Захария рассказывает о своем видении великого священника Божия, с которого Ангелом Божиим снимаются запятнанные одежды (символ взятия на себя грехов), и возлагаются одежды торжественные. Пророк предугадывает и имя сего иерея: Иисус! /Зах, 3 гл./. Одним из проповедников возрождения стал в V в. до Р.Х. законоучитель и духовный вождь реэмигрантов Эзра (Ездра), веривший в возвращение Израилю былой славы. Первоочередной задачей он считал восстановление храма как зримого символа прощения Божия и возобновления Завета. Храм действительно был построен ценой невероятного напряжения сил, хотя старики говорили, что он значительно уступал первому в великолепии и размерах. Заслугой Эзры является также приведение в порядок Священного Писания и составление его канона, а также научение всего народа смыслу Библии. Эзра считал, что единственно действенным средством духовного возрождения и поддержания нравственности является строгое следование всем пунктам Закона Моисеева, для чего необходимо было «воздвигнуть ограду Закону», т.е. защитить самобытность Израиля от любого внешнего влияния. Он требовал возвращения к строгим временам странствования по пустыне, жесткого наказания за грехи, развода с иноплеменными женами, призывал к войне с соседними племенами, мешавшими израильтянам вновь обосноваться на своей земле и построить храм. Меры, предпринятые вождем и его преемником Неемией /см. кн. 1 и 2 Ездры и кн. Нееемии/, однако, не смогли решить принципиально всех духовных проблем, для развития религиозного сознания они становились тормозом. И в самом деле: как можно было верить во всемогущую силу Закона, когда давно уже были произнесены слова Иеремии о Новом Завете? И в скором времени жизнь в Израиле вернулась в свою обычную колею, где вера в Ягвэ сочеталась с язычеством, цари были заняты одной политикой, а упование на будущее мессианское царство наталкивалась на иго очередного сильного иноземного властителя.

7.7. Пророк Даниил

II в. до Р.Х. стал для Израиля тяжелейшим временем. Палестина была завоевана Сирией (Антиохией). Евреи впервые в своей истории столкнулись с полным запретом на исповедание веры в своего Бога и

принесение жертв под страхом смертной казни. Сирийский царь заставил приносить в Иерусалимском храме жертвы Зевсу Олимпийскому. Многие покорились, появились первые мученики за веру. В народной среде зрело сопротивление несправедливым гонениям. Первым подал пример священник Маттафия, публично отказавшийся принести языческую жертву, убивший царского вельможу и разрушивший жертвенник. Это событие стало сигналом к началу восстания, душой которого стали пять сыновей священника. Они призвали население уходить в горы и начали многолетнюю партизанскую войну во имя Ягвэ. В которой удивительным образом побеждали многочисленные войска царей антиохийской династии. Подвиги Иоанна, Симона, Иуды Маккавея и остальных братьев описаны в 1-3 кн. Маккавейских.

В эти годы гонений за веру, по мнению библеистов, и была написана книга пророка Даниила, герой которой жил в вавилонском плену за четыре века до этого. В книге есть хронологические ошибки, но не это главное. История благочестивого юноши Даниила и его друзей, страдавших за веру в Бога, спасавшихся чудом то из раскаленной печи, то из рва со львами и каждый раз посрамлявших хулителей Ягвэ, должна была вдохновить современников Маттафии на борьбу и исповедничество. Неудивительно и то, что многие главы кн. Пророка Даниила описаны в апокалиптических тонах.

Перенесемся обратно во времена расцвета Вавилонского царства. Навуходносору приснился сон, чрезвычайно его поразивший, и он, угрожая смертной казнью, требовал от своих мудрецов его растолковать, что было практически невозможно, ибо само содержание сна он позабыл. Ненавистники Даниила воспользовались этой ситуацией, чтобы погубить его, и посоветовали царю узнать об этом у еврейского юноши. Даниил помолился Богу, и Он открыл ему и сон, и его истолкование. Потрясенный Навуходносор прославил Ягвэ: «истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны...» /Дан. 2, 47/. Впрочем, настроение правителя часто менялось, и он вновь поддавался интригам против Даниила и его соплеменников. Обуреваемый приступами гордыни, он впал в конце правления в безумие особого вида, когда человек представляет себя быком и пасется на траве. Навуходносор был убит в результате

заговора...

То, что увидел во сне царь, весьма интересно: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то... огромный... истукан в чрезвычайном блеске... стоял пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его - из серебра, чрево его и бедра его медные. И голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные... /и вот/ камень... оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в... ноги его, и разбил их. Тогда всё вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю.» /2, 31-35/. В растолковании этого видения царю Даниил сравнивает части истукана со сменяющимися друг друга царствами: «золотым» /Вавилон/ - т.е. славным и справедливым, «серебряным» т.е. более тусклым, «медным» и, наконец, «железным» - внешне крепким, но в то же время имеющим ненадежное /"глиняное"/ основание. «И... Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится... оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как... камень отторгнут был от горы не руками и раздробил /истукана/». /2, 44-45/.

Итак, по мысли Даниила, земные царства, подавляющие людей, постоянно сменяют друг друга и постепенно деградируют. Но этот процесс не вечен, основание его ненадежно, ибо однажды будет «брошен» Богом в основание этого колосса на глиняных ногах маленький камешек, нерукотворенный, как бы от Бога отколотый. Падет истукан, и на месте его восстанет вечное Божие царство; камешек превратится в гору Божию. Камнем этим, безусловно, оказался Христос, о Нем так и говорит Евангелие/см. Мф. 21, 42-44/: Христос - это камень преткновенения и в то же время явление силы Божией, сокрушающей всякую неправду и тьму. (К слову сказать, мы здесь еще раз сталкиваемся с мировоззрением, противоположным внебиблейским моделям, в которых история мира - постепенный упадок, сползание к небытию; напротив, сей процесс будет неожиданно прерван спасительным вмешательством Божиим).

Тема земных царств, несущих страдания и смерть, продолжается в 7-ой гл. книги; здесь она дана в виде апокалиптического видения

Даниила: «четыре ветра небесных боролись на великом море, и четыре больших зверя вышли из моря... первый – как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он... стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему... еще зверь... похожий на медведя... три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано... встань, ешь мяса много!... еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы... и власть дана ему... и вот, зверь четвертый,... ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами... десять рогов было у него... и вот, вышел между ними еще небольшой рог, и три из прежних рогов с корнем исторгнуты были перед ним... в этом роге были глаза... и уста, говорящие высокомерно...» /7, 2-8/. Образы Даниила понятны: с тех пор, как человек отпал от Бога, все глобальные системы отношений поражены грехом и несут печать зверя. Жестокое государство дохристианского времени, попирающее личность отдельного человека и ни во что ставящее его жизнь, вполне можно уподобить кровожадному медведю и свирепому четырехглавому /намек на четырех царей/ барсу. Учитывая время жизни Даниила в Вавилоне и время написания книги его имени, толкователи часто усматривают в этих зверях намек на цивилизации Вавилона, Персии, Греции /включая сирийский период/ и Рима. Гордые и богохульные «рога» таинственного четвертого зверя /а для автора книги он был еще в будущем/ – это жестокие императоры Рима, их надменные слова касаются прежде всего самообожествления. Однако, самый жестокий зверь – последний, за ним наступает время суда Божия, и Даниил вглядывается в небо:

«Видел я, наконец,
что поставлены были престолы,
и воссел Ветхий днями;
одеяние на Нем было бело как снег,
и волосы главы Его – как чистая волна;
престол Его – как пламя огня...
Огненная река... проходила пред Ним;
тысячи тысяч служили Ему,
и тьмы тем предстояли пред Ним;
судьи сели, и раскрылись книги...

за изречение высокомерных слов...
зверь был убит в глазах моих, и тело его... предано на сожжение
огню...
у прочих зверей отнята власть их, и продолжение жизни
дано им только на время и на срок..."/7, 9-12/.

Даниил называет Ягвэ «Ветхим днями». К сожалению, эти слова часто неправильно истолковываются для обоснования изображения Бога Отца в виде старца. Бог в существе Своем не изобразим, а «Ветхий днями» означает Бесконечный во времени, Древнейший. Ночное видение пророка заканчивается самой удивительной картиной:

«вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий,
дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему.
И Ему дана была власть, слава и царство, чтобы все народы...
служили Ему; владычество Его - ...вечное, которое не преидёт,
и царство Его не разрушится.» /7, 13-14/.

Даниил называет Мессию «сыном человеческим». Прежде всего в еврейском языке это понятие означает просто человека. Итак, Мессия - это человек, и вдруг мы видим, что этот человек дошел до Самого Бога, Который вручает ему царствование над всеми народами. Человек, входящий во внутренние завесы Ягвэ, и не сгоревший, и не ослепленный, а получающий особое благословение. Видение Даниила означает возможность для человека быть максимально близким с непостижимым бытием Сущего, но такой Человек только один. Интересно, что из всех мессианских титулов Господь Иисус по отношению к Себе наиболее часто пользуется именно Данииловым: «Сын Человеческий». Он словно постоянно намекал на то, о чем почти догадался автор рассматриваемой книги: Мессия, будучи человеком, в то же время несет в себе Божественное, он Бог, происходящий от Бога, как камень, оторванный невидимой рукой в предыдущем видении. Тема отношений Сына Человеческого с Ветхим днями будет потом продолжена в Откровении св. Иоанна Богослова. В 9-ой главе Даниилу архангелом Гавриилом открывается еще одна тайна - время прихода Мессии на землю, и в отличие от многих подобных случаев, приведенные здесь сроки оказались отнюдь не символическими: «Семьдесят седмин /т.е. $7*70=490$ / определены для

народа твоего и святого города твоего... чтобы приведена была правда вечная... и помазан был Святой святых... Знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины... и по истечении /этого времени/ предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя... прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения...» /9, 25-27/. Автор книги предсказал и явление Спасителя через пять веков после восстановления иерусалимского храма, и убийство Христа, и окончательное опустошение израильской столицы! Поистине, автор Даниила высказал те пророчества, которые напрямую подвели иудаизм к евангельской эпохе. Выше тех тайн, которые были открыты Богом через Своих пророков, ВЗ подняться уже не мог.